

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД 2(18)/2008

МОСТЫ

журнал переводчиков

Читайте в этом номере:

Линн Виссон

Психологическая работа при обучении синхронистов

Д.М. Бузаджи

Структуры и связи.

Еще раз о роли синтаксиса в переводе

В.К. Ланчиков

Ошибки без кавычек

В.Л. Звонков

Игра с клюшкой и шайбой – взгляд знатока

Ю.В. Литвинов

Об иностранных заимствованиях
в русском языке

МОСТЫ

журнал переводчиков

№ 2(18)/2008

выходит 4 раза в год

Издатель:

ООО «Р.Валент»

Главный редактор:

З.В. Зарубина

Редакционная коллегия:

Мишель Берди

Д.М. Бузаджи

Линн Виссон

Д.И. Ермолович

М.А. Загот

И.В. Зубанова

В.А. Иовенко

Б.Н. Климзо

В.К. Ланчиков

А.И. Никольская

П.Р. Палажченко

И.И. Убин

М.Я. Цвиллинг

Н.Г. Шахова

Зав. редакцией:

В.Р. Колесниченко

Редакторы:

Н.Г. Богомолова

В.П. Кочин

Корректор

А.И. Никифорова

Подготовка макета

Т.И. Родионова

Адрес редакции:

105062, Москва,

Подсосенский пер., д. 23, стр. 5

Тел./факс: +7(495) 916-67-03

Тел.: +7(495) 979-63-91

e-mail: rvalent@online.ru

rvalent@yandex.ru

www.rvalent.ru

ISBN 978-5-93439-230-8

Номер подписан в печать 09.06.08

Цена свободная

Тираж 800 экз.

Заказ № 786

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»

Перепечатка материалов – только

с разрешения «Р.Валент»

© ООО «Р.Валент», 2008

В номере:

Восемь вопросов профессионалу

Отвечает Дмитрий Александрович Морозов 3

Беседа

Я.И. Рецкер. О самостоятельной работе начинающего переводчика 5

Т.В. Иванова. Я становлюсь переводчиком 10

Латинские транскрипции

Д.А. Морозов. Латинские и русские транскрипции арабских имён: происхождение, вариантность и попытки практических рекомендаций (окончание) 12

Д.М. Бузаджи. Структуры и связи. Ещё раз о роли синтаксиса в переводе 21

В.К. Ланчиков. Ошибки без кавычек 31

О.Н. Лукинская. Клинические исследования – новая ниша для переводчика 37

Е.В. Юшина. Переводить, толковать или оставлять? 39

В.Л. Звонков. Игра с клюшкой и шайбой – взгляд знатока 42

Н.Иманиязова (Казахстан). О специфике английских договоров (в продолжение разговора) 50

Литература по-русски

Ю.В. Литвинов. Об иностранных заимствованиях в русском языке 54

Б.Н. Климзо. Не хотелось бы, чтобы это стало традицией 60

Е.К. Масловский. Не всяко лыко – в строку... (о роли технических переводчиков в иноязычных заимствованиях) 62

Вопросы деловых отношений

М.А. Загот. Poleмические заметки о пользе и вреде преподавания синхронного перевода 65

Подготовка переводчика

Е.В. Бреус. Правила перевода и переводческая деятельность 70

Lynn Visson (USA). Psyching the Teacher or The Psyche of Students of Simultaneous Interpretation 75

Объявления

..... 80

Отвечает Дмитрий Александрович Морозов

– На многие вопросы ответить трудно просто из-за специфики работы. Представьте себе, что нужно перевести на латынь, ни для кого не родную, но при этом, чтобы хорошо воспринималось на слух теми, кто учил по самым разным учебникам. Естественно, что единственный приемлемый вариант – крайняя степень адаптации и максимальное самоограничение. Отсюда и ответы.

– **Три книги, к которым вы чаще всего обращаетесь?**

– Нет таких. Интересно читать самые общие работы с казусами в поисках аналогий. Особенно интересны С.И. Флорин и С.П. Влахов, из недавних – А.О. Иванов «Безэквивалентная лексика» (СПб., 2006). Прямых решений, конечно, не обнаруживается, но подсказок много.

– **Пять словарей, которые у вас всегда под рукой?**

– Пожалуй, тоже нет таких. Имеющийся составлен к 1967 г., в трудных случаях чаще уже не помогает, а в проверяемых – оказывается не то. Поэтому чаще всего приходится искать способ трансформации, чтобы было понятно хотя бы в общих чертах, но всем. Выискивать редкий термин при наличии нескольких конкурирующих в состоянии зыбкого равновесия – вряд ли имеет смысл. А чаще всего – и времени не бывает тоже. Эфир поджмает.

– **Считаете ли вы закономерным, что стали переводчиком?**

– При склонности к филологии – закономерное и вполне реалистичное решение.

– **Кто был ваш учитель?**

– В большей степени, чем другие, – покойный Максим Сергеевич Киктев (1943–2005), научивший разбираться в стилистических градациях от средневековой классики до современного жаргона. (Кому-то, впрочем, не особенно хотелось создавать конкурентов на довольно маленьком пяточке специальности.)

– **Самый трудный случай в практике?**

– Не было таких, пожалуй. По причине отсутствия непосредственной обратной связи.

– **Самый поучительный случай в практике?**

– Непосредственно в практике, пожалуй, не было. А вообще, одно время была возможность читать почти свежие газеты из десятка стран от Алжира до Кувейта. Темы,

Восемь вопросов профессионалу

примерно, одни и те же, но везде по-разному. Никакой унификации. Выводы ясны. Только тот, у кого одни часы, может вообразить, будто знает точное время. У кого их несколько — в этом не уверен никогда. Всё зависит от аудитории в самом широком смысле, а её предпочтения в какой-то мере можно вычислить. Важно, чтобы несоответствия не превышали какой-то разумный допустимый порог.

- Что вам дала/отняла профессия переводчика?
- Возможность заниматься любимым делом в большей степени, нежели в других обстоятельствах.
- Ваши пожелания молодым коллегам?
- Следить за состоянием языков.

Что бы это значило?

О состоянии русско-арабской лексикографии говорит пассаж из рецензии на арабско-немецкий словарь, помещённой в советском востоковедном журнале в 1988 г.:

...«*гато* — *кухня*».

Чтобы догадаться и составить представление, арабский язык знать необязательно, достаточно минимум французского и немецкого»...

Разгадка — в следующем номере.

Д.А. Морозов

О самостоятельной работе начинающего переводчика*

Я.И. Рецкер

При подготовке специалиста любого профиля в стенах высшего учебного заведения самостоятельной работе студента придаётся всё большее значение. Из практики советской высшей школы настойчиво изгоняются остатки школярства, начётничества, догматизма. Всесерно поощряется творческая инициатива учащегося, его стремление к глубокому проникновению в теоретические основы и к совершенствованию практических навыков в избранной им области. Конкретное отражение эти тенденции находят в учебных планах, предусматривающих дни самостоятельной работы на старших курсах вузов.

Несомненно, специфика профессии переводчика требует и всегда будет требовать систематической самостоятельной работы, непрерывного и настойчивого совершенствования своих знаний, умений и навыков. Причём особое значение приобретает начальный период самостоятельной работы в стенах вуза, где будущий переводчик-референт может выбрать правильное направление самоподготовки при помощи опытного преподавателя.

Многолетний опыт наблюдений над самостоятельной работой студентов в трёхлет-

ний период занятий по переводу (на III–V курсах факультета переводчиков) и над практической работой по специальности многих наших выпускников приводит к выводу, что правильно поставленное самосовершенствование имеет огромное, подчас решающее значение для дальнейшего роста специалиста.

Следует подчеркнуть: самостоятельная работа может дать большой эффект только при условии правильно избранного и рационально поставленного направления работы. Достаточно упомянуть об опасности увлечения художественным переводом, когда для успешной работы в этом труднейшем из всех жанров у студента нет достаточных данных. Для перевода художественной литературы на родной язык необходимо обострённое чувство языка и литературный талант. Правда, и то, и другое можно развить, но только при наличии основы, без которой самая упорная тренировка не даст положительных результатов.

Даже опубликование новелл и рассказов английских и американских писателей в переводах наших выпускников различными периодическими изданиями (всего их напечатано около двадцати за последние семь лет) не служит гарантией того, что эти переводчики займут прочное место среди мастеров художественного перевода. Среди

* Впервые статья опубликована в сборнике «Тетради переводчиков», вып. 15, М.: Изд-во «Международные отношения», 1978.

этих опубликованных переводов есть и удачные дипломные работы, выполненные с помощью преподавателя, другие явно свидетельствуют о том, что переводчик совершил «покушение с негодными средствами». И прежде всего потому, что взялся за слишком трудного для него автора.

Спору нет, вдумчивая и тщательная работа над переводом художественного текста приносит определённую пользу даже переводчику, не собирающемуся специализироваться в этой области. Ведь художественный текст с наибольшей полнотой отражает живую разговорную речь и национальную специфику иностранного языка. Но, с другой стороны, неудачи на этом поприще нередко приводят к тому, что переводчик, разочаровавшись в полученной им специальности, решает переквалифицироваться и перечёркивает весь пройденный им путь.

Поскольку художественный перевод нередко допускает различные решения, он не может служить школой точности в процессе обучения и совершенствования. Показательно, что некоторые признанные мастера художественного перевода пришли к нему от перевода технического или публицистического. Эффективным средством повышения квалификации переводчика на всех этапах его практической деятельности может служить анализ переводов. Разумеется, на разных этапах нужно выбирать для анализа дифференцированный по степени трудности материал. На первом этапе, когда у переводчика ещё отсутствует собственный опыт практической работы, лучше всего начинать с анализа публицистического перевода. И конечно, для начала следует выбрать высококачественный перевод, выполненный мастерски.

Не менее важно, чтобы анализ был целеустремлённым. Прежде чем приступить к анализу готового, опубликованного перевода, следует перевести иностранный текст самому, а уже затем приступить к анализу образцового перевода.

Сопоставление собственного перевода с опубликованным можно осуществлять разными способами. Можно начать со сверки последнего с подлинником и изучения приёмов, которыми пользовался признанный мастер перевода, преодолевая лексические, грамматические и стилистические трудности иностранного текста. Только при такой систематической проверке приёмов у анализирующего перевод создастся отчётливое представление о технике переводческого мастерства. Только сопоставляя все случаи перестановок и грамматических замен, можно проникнуть в тайны изменения порядка слов и членов предложения, выбора синтаксических конструкций при переводе с одного языка на другой, короче говоря, постигнуть систему грамматических изменений.

Важно учитывать, что, как и самый процесс перевода, анализ перевода должен быть комплексным. Это значит, что нельзя рассматривать грамматическую канву в отрыве от лексико-фразеологического и стилистического характера текста. Нельзя критиковать изменения синтаксического рисунка, разбивку предложений подлинника на части или их объединение в переводе, не учитывая их лексического наполнения и стилистической окраски. Переводчик оперирует смысловыми группами, своего рода «сборочными узлами», в которых грамматика, лексика, стиль сливаются в единое и неразрывное целое.

Чтобы облегчить сопоставление своего перевода с опубликованным и наметить ход анализа, целесообразно сначала проанализировать отрывок из опубликованного перевода книги, а уже потом взять другой отрывок для самостоятельного перевода и последующего сопоставления с опубликованным. Подобный опыт был проделан с выпускниками переводческого факультета МГПИИЯ на материале талантливой перевода автобиографической книги У. Сомерсета Моэма «Подводя итоги». Сначала был

произведён анализ перевода следующего отрывка из 3-ей главы:

"In this book I am going to try to sort out my thoughts on the subjects that have chiefly interested me during the course of my life. But such conclusions as I have come to have drifted about my mind like the wreckage of a foundered ship on a restless sea. It has seemed to me that if I set them down in some sort of order I should see for myself more distinctly what they really were and so might get some kind of coherence into them. I have long thought I should like to make such an attempt and more than once, when starting on a journey that was to last for several months, have determined to set about it. The opportunity seemed ideal. But I have always found that I was assailed by so many impressions, I saw so many strange things and met so many people who excited my fancy, that I had no time to reflect. The experience of the moment was so vivid that I could not attune my mind to introspection".

(W. Somerset Maugham
"The Summing Up", ch. 3)

«В этой книге я постараюсь привести в порядок свои мысли о тех предметах, которые больше всего занимали меня на протяжении моей жизни. До сих пор выводы, к которым я пришёл, носились у меня в голове, как обломки корабля в бурном море. Мне всё казалось, что, закрепив их на бумаге в известной последовательности, я смогу объединить их в нечто целое. Я уже давно подумывал о том, чтобы заняться этим, и не раз, отправляясь в долгое путешествие, решал, что вот теперь для этого наступило самое подходящее время. Но меня всегда захлёстывало столько впечатлений, я видел столько нового, встречал столько людей, завладевших моим воображением, что некогда было спокойно подумать. Я так интенсивно жил настоящим, что хоть убей, не мог настроиться на интроспективный лад».

(У. Сомерсет Моэм «Подводя итоги».
Пер. М. Лорие, с. 17)

В этом отрывке отчётливо звучит голос автора, спокойно и неторопливо рассказывающего о своём жизненном пути. Язык его повествования очень прост; в данном отрывке только два книжных слова: coherence и introspection. Но и эти включения, характеризующие внутренний мир писателя-мыслителя, нисколько не нарушают общего разговорного тона повествования. Простота и разговорность языка сочетаются у автора с точным и метким выбором слов и впечатляющей выразительностью образов. Он

сравнивает выводы из своих наблюдений: "like the wreckage of a foundered ship on a restless sea" «как обломки корабля в бурном море». В этом сравнении опущение определения foundered в переводе несомненно оправдано: каждое лишнее слово ослабляет восприятие образа.

Уже в первом предложении стремление к выбору простых, разговорных, коренных русских слов в переводе со всей определённой сказывается в передаче сочетаний:

"to sort out my thoughts" «привести в порядок свои мысли» и "that have chiefly interested me" «которые больше всего занимали меня».

Русский язык, как правило, требует большей конкретности, чем английский. Это особенно ярко обнаруживается в переводе третьего предложения, где так конкретно и вместе с тем так точно и сжато выражена суть высказывания. О своих мыслях автор говорит: "... if I set them down in some sort of order" (...) "I might get some kind of coherence into them" «... что, закрепив их на бумаге в известной последовательности, я смогу объединить их в нечто целое». Здесь конкретизированы два момента, выделенные мною в переводе. Важно учесть, что здесь заменено и книжное слово coherence. Очень удачно объединение в переводе фразы "the opportunity seemed ideal" с предыдущим предложением, так как они составляют логическое целое. И здесь разговорное начало проводится переводчиком неуклонно: вместо «идеальной возможности» более разговорное «самое подходящее время».

Необходимо учитывать, что значительная часть английской лексики, связанной своим происхождением с латынью, настолько органично вошла в литературно-разговорный стиль речи, что нисколько не выделяется на общем разговорном фоне, даже среди большинства слов англо-саксонского происхождения. Но когда в русском языке имеются слова, построенные на тех же латинских корнях, пусть даже заимствованных из французского языка, то их использование в переводе придаёт налёт

книжности, утяжеляет разговорную речь. В этом отрывке таких слов немало, и все они заменены исконно русскими словами в переводе. В первом предложении это *sort* и *interested*. В последних – *reflect*, *experience*, *moment* и *introspection*. Переводчица оставила только последнее как термин, замена которого потребовала бы слишком пространный объяснения: «сосредоточенность на самом себе, на своих собственных переживаниях». Но она смягчила этот «учёный» элемент, добавив: «не мог настроиться на интроспективный лад».

В конце отрывка мы находим яркое подчёркивание экспрессии в передаче выражений: “I was assailed by so many impressions ...” «Но меня всегда захлёстывало столько впечатлений ...» “... so many people (...) excited my fancy, that I had no time to reflect” «встречал столько людей, завладевших моим воображением, что некогда было спокойно подумать». Простота языковых средств сочетается здесь с точностью и выразительностью.

Слишком эмоциональное «хоть убей» в последней фразе может показаться на первый взгляд излишней переводческой вольностью. Но только на первый взгляд. Вчитываясь в текст проникнутого тонкой проницей повествования Сомерсета Моэма, поражаешься его умению сочетать на языковой палитре самые разнообразные краски, переходить от возвышенного и даже патетического к низменному, вкрапливать в высокоинтеллектуальную ткань описаний и рассуждений коллоквиализмы и даже просторечие. Эта многокрасочность его стиля особенно чувствуется на страницах, где он, ещё начинающий писатель и драматург, сталкивается с признанными «мэтрами» в тогдашнем литературном мире и рисует их сатирические портреты.

Далеко не всегда у переводчика есть возможность передать стилистический приём именно там (и тем более так), где и как это сделано в подлиннике. Часто это

неосуществимо из-за «сопротивления материала», из-за специфики английского языка. Например, один из излюбленных приёмов Моэма: использование двойного управления с разными предлогами или предложными наречиями. У него этот приём может подчёркивать важнейшую мысль, как например, в следующих двух случаях:

“In fact the great critic must by a great man. He must be great enough to recognize with good-humoured resignation that his work, though so important, can have but an ephemeral value; for his merit is that he responds to the needs of, and points the way to, his own generation.” (Ch. 60).

Или на следующей странице: “The writer does not feel with, he feels in” «Писатель не сочувствует, он чувствует за других». Так передана эта лаконичная фраза в переводе М.Ф. Лорие. Аналогичный приём компенсации применён и в случае с включением «хоть убей», упомянутом выше.

Способность анализировать чужой перевод и критически подходить к своей работе можно развивать, тщательно разбирая результаты и неудачных опытов, анализируя слабые переводы (к счастью для читателей, они всё реже проникают в печать в последние годы)¹. Таким примером является перевод романа Дж. Б. Пристли «Герой-чудотворец»², изданный в Алма-Ате в 1960 году, где на каждой странице можно отметить ошибки, неточности, насилие над русским языком (этот перевод был высмеян в «Литературной газете»). Но лучше остановить выбор на переводе, выпущенном центральным издательством, например, издательством «Художественная литература», к тому же в серии «Роман-газета», выходящей полумиллионным тиражом.

В переводе романа Димфны Кьюсак «Жаркое лето в Берлине» (Москва, 1963 г.), наряду с несомненными достоинствами, можно отметить целый ряд промахов. Анализ ошибок и, в частности, буквализмов в

¹ Речь идёт о 1970–1980-х гг. – *прим. ред.*

² Даже название романа “Wonder Hero” («Калиф на час») искажено в данном переводе.

этом переводе в целом ряде случаев можно осуществить, даже не заглядывая в подлинник. «Слуга, облачённый в форму» — явно «в ливрею». «Скатерть из тончайшего дамасского полотна», конечно, «камчатая скатерть». «Я лежала в госпитале» вместо «в больнице». Трудно догадаться, что фраза «у старого британского льва есть ещё порох в пороховнице» (этот переводческий «тарасбульбизм») замещает английское *there is still plenty of kick left in the old British Lion*.

Следует обратить особое внимание на русский язык этого перевода. Можно подумать, что роман переводили два переводчика: один с несомненными способностями, находчивый и свободно владеющий богатством русского языка, и другой — косноязычный и непростительно небрежный. У первого при сверке с подлинником можно отметить немало переводческих находок и хорошее чувство стиля. Второй обнаруживает полную беспомощность даже там, где достаточно было бы заглянуть в англо-русский словарь, и поразительное пристрастие к употреблению руссизмов, советизмов и просторечия даже в авторском повествовании. Именно эта редкая для издаваемых у нас переводов мешанина делает данный роман в упомянутом переводе особенно ценным материалом для самоусовершенствования начинающих переводчиков. Чтобы дать представление о типичных случаях нарушения норм русского языка в этом переводе, достаточно привести следующие примеры:

«Карен невозмутимо принялась приводить в порядок свой грим с помощью продолговатой сумочки».

«Джой на секунду показалось, что она в двух лицах».

«Для женщин демократической страны вы недурно вышколены».

«Я слушаю разглагольствования о роли Западной Германии как защитника христианской цивилизации какого-нибудь субъекта».

В приведённом выше перечне даны лишь немногие примеры из перевода «Жар-

кого лета в Берлине». При тщательном сопоставлении с подлинником можно было бы в несколько раз увеличить число ошибок, неточностей и нарушений норм русского языка. Наряду с этим следовало бы отметить и несомненные удачи в этом переводе. Разумеется, подобный анализ перевода должен сопровождаться аргументацией: объяснением всех положительных и отрицательных моментов перевода. При этом следует избегать субъективных оценок и спорных моментов. Ведь перевод не арифметическая задача, допускающая лишь одно единственное решение. Объективность оценок обеспечивается языковыми нормами и обычаями. Если речь идёт о смысловой точности, то во многих случаях вопрос решается словарём. Если же требуется контекстуальное раскрытие значения, не предвиденного никакими словарями, то здесь вступают в силу факторы, для учёта которых необходимо считаться не только с узким контекстом, но порой с содержанием всего переводимого текста в целом.

Большую помощь при анализе переводов может оказать не только англо-русский (особенно двухтомный) словарь, но и толковые англо-английские словари, а также самый полный 17-томный словарь современного русского литературного языка. Именно в этом словаре, как правило, можно найти подтверждение правильности сочетаний и выражений, употреблённых переводчиком. Конечно, словарь фиксирует привычные, устоявшиеся языковые формы. Там, где от переводчика требуется преобразование структуры английского предложения или замена образа, не свойственного русскому языку, вопрос решается знаниями, вкусом и умением самого переводчика. Этого ни один словарь не заменит.

За последние годы в нашей специальной печати появилось несколько работ, в которых детально разбираются переводы. Эти критические статьи могут оказать большую помощь начинающему переводчику,

особенно когда они сопровождаются глубоким анализом подлинника и подробно и конкретно рассматривают достоинства и недостатки перевода.

Среди работ такого рода выделяется своей ценностью статья М. Лорие «Уловки переводчиков»³, опубликованная в «Мастерстве перевода». Это детальный анализ далёкого от совершенства, мягко выражаясь, перевода романа Джозефа Хеллера «Уловка-22», даже само название которого искажено переводчиками.

Интересна и заслуживает внимания переводчиков статья Н. Семёновой «О переводе одного рассказа И. Шоу»⁴. В ней также приводится подробный анализ систематического нарушения смысловой и стилистической адекватности в переводе.

Очевидно, прежде чем попытаться анализировать чужие переводы самому, начинающий переводчик должен тщательно проштудировать образцы анализа и критики, выполненные мастерами перевода и литературоведами.

Я становлюсь переводчиком*

Т.В. Иванова

В своей книге «Мои современники, какими я их знала» Тамара Владимировна Иванова (1900–1995) рассказывает о Всеволоде Иванове, чьей женой и другом она была, и о людях, с которыми её связывала дружба: о В. Мейерхольде, К. Федине, А. Фадееве, И. Бабеле, Б. Пастернаке, М. Бажане, А. Кроне и других.

Александр Александрович Фадеев помог мне получить первый заказ на перевод.

Я освоила профессию переводчика художественной литературы с французского языка, когда мне исполнилось ни много ни мало 50 лет. Увлекалась я новой своей работой до самозабвения.

Моими первыми редакторами и одновременно учителями были Борис Аронович Песис и Наталья Ивановна Немчинова, к памяти о которых я отношусь с благоговейной благодарностью. Они оба, через десять лет моей переводческой деятельности, и рекомендацию мне давали при моём вступлении в Союз писателей.

³ См. «Мастерство перевода». Сборник седьмой. 1970. М., «Сов. писатель», 1971, с. 334–358.

* Из книги: Иванова Т.В. «Мои современники, какими я их знала: Очерки.» М.: Советский писатель, 1987.

Я глубоко уверена, что сложившемуся писателю редактор нужен только технический, а отнюдь не такой, который позволяет себе вмешиваться в сам творческий процесс. На Западе подобного института редакторов вообще не существует. Арагон, например, не раз говорил при мне с присущей ему неистовостью, что он «убил» бы того, кто осмеливался бы указывать ему, *что и как* писать.

Вопросу о редакторах отведено большое место в переписке Всеволода Иванова с Алексеем Максимовичем Горьким. Оба считали, сами редактируя молодых, что на каком-то этапе творческого созревания редактура, в особенности неквалифицированная, может лишь навредить писателю.

⁴ См. «Тетради переводчика», № 9. М., «Международные отношения», 1972, с. 91–100.

Но в переводческой практике хороший редактор необходим. Когда такой редактор, способный стать сообщником, встречается на пути переводчика — это настоящий праздник.

Редактор художественного перевода обязан быть глубоко образованным и литературно чутким человеком. Именно эти качества и отличали моих первых редакторов.

Лично я такого редактора ощущаю ближайшим другом. На мою радость, я и обретала таких друзей в некоторых своих работах, когда ладишь с редактором, понимаешь друг друга буквально с полуслова.

Почему же возникали у меня — иногда — битвы с редакторами? Я отстаивала от нечуткого, с моей точки зрения, редактора переводимого мною автора.

Убеждена, что редактору, как и переводчику, необходимо прежде всего «почувствовать» (о том, чтобы *понять*, я уж и не говорю) переводимого автора, уловить его ритм, стиль, лексику, характерные особенности.

Считаю лишь в самых крайних случаях допустимым переводить по подстрочникам. И вовсе недопустимым — редактировать,

недостаточно зная язык, с которого сделан перевод, а тот язык, на который перевод осуществлён, опять же «не чувствовать», а относиться к нему школярски: недопустимы-де повторы, просторечия и т. д. — то есть всё то, в чём подчас и состоит особенность переводимого автора.

Встречаются, увы, переводчики, которые любого автора подминают под себя, и редакторы, которые стремятся и автора и переводчика нивелировать, подведя его под кажущийся им обязательный литературный стандарт.

За тридцать с лишним лет переводческой деятельности я перевела много книг как французских классиков, так и современных писателей Франции.

Классик ли автор, которого ты переводишь, начинающий ли писатель, — взявшись переводить (и редактировать), ты, по моему убеждению, обязан найти эквиваленты, передающие на другом языке его особенность, а ни в коем случае не «подравнивать» чьё бы то ни было творчество под стандарт.

Проект закона

Две цитаты

В ближайшее время в системе среднего образования в России могут произойти значительные изменения. В школах планируется ввести дополнительную должность **тьютора**, в чьи задачи будет входить исполнение тех же функций, которые когда-то лежали на вожатых, а именно — следить за личностным и социальным развитием подростков, направляя его в нужное русло. Кроме этого, тьюторы будут создавать кружки по интересам.

Инициатором нововведения выступило Министерство образования и науки России. В данный момент положение о создании института тьюторства, подготовленное специалистами министерства, проходит регистрацию в Министерстве юстиции России. Если сотрудники ведомства сочтут предложение целесообразным, то оно поступит на рассмотрение в Государственную думу, и дальнейшая его судьба будет зависеть от депутатов.

Согласно идее, разработанной в министерстве, теперь о личностном развитии школьников забо-

таться должны не только классные руководители, но и тьюторы (от англ. *tutor*, что означает «наставник», «советник», «куратор»).

«Взгляд», 20 мая 2008 г.

В классе он был настоящий тайный «старшой», хотя старшим считался в глазах начальства, другой ученик и товарищи поговаривали, что он ведёт «кондуитный список» и часто захаживает к живущим на квартирах без родителей, чтобы всё высмотреть и разузнать. За это все его в насмешку прозвали «тутор» — слово, начинавшее тогда входить в моду; оно пришло из Москвы и десятки лет не было известно гимназистам, считалось всегда кутейническим, семинарским.

П. Д. Боборыкин, «Василий Тёркин», 1892 г.

Латинские и русские транскрипции арабских имён: происхождение, вариантность и попытки практических рекомендаций

(окончание)*

Д.А. Морозов

5. Перекрёстные влияния

Иногда имена получают в транскрипциях акцент соседних регионов. Так, в местном, общепринятом на региональном уровне произношении, имена известных деятелей звучат ближе к «Саддам Ихсэен» и «Муаммар аль-Газзафи» или к «аль-Глафи». В принятых русских вариантах в первом случае имя звучит в нормализованном по классической орфоэпии виде, во втором — по стандарту усреднённого произношения Сирии. Нельзя исключать, впрочем, что в подобных случаях могут встретиться и более близкие к оригиналу варианты, например: Gaddafi на первой странице в английском выпуске *Al-Ahram Weekly* за 17–23. 01. 2008. Возможно, не без подтекста: такое произношение в Египте воспринимается как однозначно деревенское. Любопытно недавно проскочившее в прессе замечание: «Фамилии сына и отца в английском написании пишутся по-разному: Qadhafi и Kaddafi» (*Русский Newsweek*. 13.08–26.08.2007. С.4) Там же дана русская транслитерация «аль-Кадхафи». Ясно стремление передать сверхтвёрдый и межзубный согласные в соответствии с классической арабской орфоэпией, а также артикль (последнее предполагается по русской транслитерации), хотя удвоение

второго согласного в новой транскрипции оказалось утрачено. Долготы не отражены ни в том, ни в другом варианте. Строгая транскрипция этой фамилии: al-Qaddāfī.

Часто встречающееся имя «'Абд-Аллах» иногда заменяется на Abdullah/Абдулла. Эту форму можно считать какой угодно, только не собственно разговорной арабской Abdallah/Абдалла. Приведённая форма либо сохраняет окончание именительного падежа при заимствовании в другие языки либо, что менее вероятно, в английском варианте архаично передаёт гласный [a] через [u].

В названиях египетских организаций, включающих слово «джихад», само оно транскрибируется в привычном нам, но не египетском произношении. Написать «гихад», как оно обычно произносится в Египте, ни у кого, по-видимому, просто рука не поднимается.

Некоторые географические названия в последнее время стали широко известны не в том виде, в каком они были когда-то зафиксированы на советских картах и фигурировали (достаточно редко) в специальной литературе. «Дубаи» и «Дубай» совсем недавно воспроизводились как «Дибай», а «Хургада» (встречается в «Последнем дюйме» Джеймса Олдриджа 1959 г.) на картах

* Начало в журнале «Мосты», № 1, 2008.

транскрибировалась как «Эль-Гурдака» по крайней мере до 1999 г.

Как курьёзный пример и своего рода упражнение можно предложить разобрать по буквам записанное в средневековые со слуха астрономическое название Vega/Vega [Wāqīʿ]. Нужно учесть, что губно-зубной и губно-губной звуки обозначались тогда одной графемой, а современные начертания V и U представляют собой всего лишь закреплённые позже за соответствующими звуками аллографы одной и той же буквы.

6. Типы русских транскрипций

Упрощённая фонетическая транскрипция применяется для географических названий на картах. Основной признак — гласный артикля передаётся как заглавная «Э», слова в составных названиях, в том числе и артикли, отделяются друг от друга дефисом в отличие от обычно раздельного написания их латинских соответствий. Правила передачи по этой системе сформулированы в специальной брошюре, фактически посвящённой переработке карт с надписями в латинских транскрипциях.¹ Нельзя не заметить, что предлагаемые написания передают фонемный состав арабского оригинала намного хуже, чем послужившие основой обработки.

Попытка провести аналогичную фонетическую транскрипцию для собственных имён ещё более последовательно сделана М.А. Калантаровой в справочнике «Литературные имена арабских и персидских авторов» (М.: МГУ, 1973). Гласный артикля передаётся как строчная «а», артикль отделяется дефисом, но составные личные имена (состоящие из двух слов с определённым артиклем при втором) пишутся полностью слитно. Предлагаемые написания режут глаз непривычными для русского языка сочетаниями букв «ы» (в том числе в начале слова), «э», «я», но арабский оригинал, в

общем, лучше не передают. Существенный недостаток такой системы и в том, что одни и те же фонемы в указателях оказываются разнесены по разным местам алфавита, не говоря уже о региональных и диалектных колебаниях произношения. В более или менее широкий обиход эта система не вошла.

Строгая научная фонематическая транскрипция для арабского языка на русской основе была выработана И.Ю. Крачковским (1883—1951), а её реализация обеспечивалась (и практически ограничивалась) ручным набором ленинградской академической типографии, располагавшей богатейшим собранием металлических литер. Она представляла собой, как упоминалось выше, применение выработанной системы диакритических знаков к русскому алфавиту. Для губно-губного [w] для простоты использована буква «в», как не имеющая соответствия в системе арабских фонем и не способная, вследствие этого, ввести в заблуждение. В некоторых случаях в работах самого И.Ю. Крачковского эпизодически обнаруживается и передача русским алфавитом аллофонов фонем «а/э», «и/ы». Эта система транскрипции при всей условности приобрела заслуженный авторитет, но возможности большинства советских типографий, печатавших литературу по востоковедению, ей, конечно, не соответствовали. В роталитных малотиражных изданиях наиболее добросовестные авторы проставляли диакритику от руки. Хуже, что появилась практика использования такой транскрипции, но без диакритических знаков, в научных изданиях, где цитируемые пассажи сложны по определению, особенно выходящих в Москве, а не в Петербурге. В таких случаях цитаты превращаются если и не в полную абракадабру, то, по крайней мере, в головоломку.

Ещё одна попытка кодифицировать написания имён, транскрибированных с целого ряда языков, в том числе и с арабского, в расчёте на компьютерное распоз-

¹ Инструкция по передаче на картах географических названий арабских стран. М, 1966.

навание, имела место совсем недавно². По определению могли использоваться лишь базовые буквы алфавита, даже без дефисов. Кодификаторы арабским языком явно не владели, о чём свидетельствует несколько почти анекдотичных ошибок. Чего стоит пассаж «Древние имена собственные могут представлять из себя конструкцию типа Зу-хайр <...> Зухайр – «обладатель блага»!»! Зу-хайр [Zuhayr] – очень распространённое имя, буквально означающее «цветок». Выражение «обладатель блага» теоретически можно восстановить только как [Dū ḥayr], хотя само его существование как фразеологической единицы вызывает сильные сомнения. Некоторые предлагаемые в специальной таблице соответствия букв и сочетаний буквально противоположны сложившейся практике (g, gh, ‘) и вызывают недоумение.

На практике в русских транскрипциях могут обнаруживаться какие-то варианты, отходящие от оригинала, но более привычные пишущему по ранее известным ему источникам. Особенно это относится к периферийным публикациям советского периода, но не только.

Знаменитый «Дон Кихот» автором написан (в 9-й главе) некоему Сиду Хамету Бен Инхали (Cide Hamete Benengeli)³. В классическом переводе Н. Любимова 1955 г. реконструировано: «Ахмету», но, в принципе, более подходят не столь известные имена Хамад, Хамид и Хамид.

Аналог фамилии знаменитого энциклопедиста средневековья, фигурирующий в центральных советских публикациях как «Бируни», а в среднеазиатских как «Беруни», в его же предполагаемом автографе (в любом случае, прижизненной рукописи) воспроизведён как «аль-Байруни». В зарубежных публикациях на разных языках эта форма так и встречается.

² Практическая транскрипция фамильно-именных групп. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2006. С. 103–125.

³ Багно В. Дорогами «Дон Кихота». М., 1988. С. 27–32, 271.

Издания союзных республик советского периода для передачи широко известных в местном обиходе арабских заглавий известных сочинений придерживались, как и следовало ожидать, орфографии своих национальных языков в русской графике.

7. Собственные имена – от классиков до современников

Собственным именам в мусульманском обиходе посвящена специальная работа, состоящая из сборника популярных очерков (без указателя) и словаря в русской графике с указанием происхождения, латинской строгой транскрипции и истолкования⁴. Есть несколько статей в сборниках справочного типа⁵.

8. Классический вариант

В классическом варианте полное имя состоит из пяти частей.

1. Почётное прозвание, титул (laqab). Может восприниматься хотя и гиперболически, но буквально. В каких-то случаях в более позднее время может становиться настоящим собственным именем. Часто состоит из сочетания из двух слов, второе из которых имеет определённый артикль и стоит в условном родительном падеже. Часто вторым словом является Dīn («вера»): 'Izz ad-Dīn («величие веры»), Tağ ad-Dīn («венец веры») и многие другие.

2. Почётное прозвание по имени сына, действительного или ожидаемого в будущем (kunyaḥ). Предваряется словом «отец» в форме, употребляемой в сочетании с несогласованным определением, в данном

4 Гафуров А. Имя и история. М., 1987.

5 Илizarов А.С., Старостин Б.А., Хейри А. О внутренней форме и происхождении арабских имён // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970. С. 290–300. Старостин Б.А. О структуре и историческом развитии антропонимии арабского происхождения // Антропонимика. М., 1970. 281–285. Системы личных имён у народов мира. М., 1986. С.43–58.

случае именем сына в условном родительном падеже *Abū-*. Долгое [ū] в данном случае окончание именительного падежа. Как уже говорилось, по классической орфоэпии гласный артикля после другого гласного пропускается, в результате получается *Abū-l-* и далее. В случае латинской транслитерации постоянное арабское написание артикля передаётся как 'l-', а всё сочетание как *Abū 'l-* и далее. Такие сочетания, как «Абу аль-», в принципе фонетически невозможны.

Это же слово употребляется в сочетаниях с переносными значениями.

Эта часть имени сохранилась отдельно в восточном обиходе как вежливое обращение или обозначение конкретного лица среди более или менее узкого круга знакомых. Ясир Арафат, в частности, был известен под таким именем *Abū-* 'Amrāḡ.

В Иране и Северной Африке (Магрибе) первый гласный может отбрасываться, образуя форму *Bū-*: «Бумедьсн», «Бургиба», в Йемене — *Bā-*.

3. Собственное имя. Не всегда широко известно. Знаменитого Ибн Сину звали Хусейном. Некоторые имена (Хасан, Хусейн) в арабском оригинале могут иметь определённый артикль (аль-Хасан, аль-Хусейн), особенно в высоком стиле, а в обиходе чаще в Магрибе (Хади).

Здесь же уместно предупредить, что формы «Абдул» с потерявшейся второй частью самой по себе не существует. За ней обязательно должно идти либо одно из так называемых «99 имён Аллаха», что чаще всего, либо имя «аль-Масих» (у христиан, буквальным переводом греческого «Христос») или «аль-Хусейн» (у шиитов).

4. Отчество, имя деда, прадеда и далее.

Отчество в традиционных арабских текстах предваряется словом «сын», фигурирующим в нескольких фонетических вариантах, сохраняющих основу *-bn-*. По классической арабской орфоэпии, речь после паузы может начинаться только с одной

согласной, а более двух согласных подряд идти не может. Отсюда вытекают и разные способы избегания недопустимых сочетаний. В классическом языке перед идущими подряд двумя согласными основы в начале речи (и при отдельном произнесении) принято произносить *glottal stop* с фонемой [j], о произношении которой уже говорилось. Отсюда и происходит знаменитое хотя бы по «Старику Хоттабычу» *ibn*. На слух и в разных диалектах этот первый протетический гласный мог восприниматься как «э» и даже «а»: Авензоар, Аверроэс, Авиценна. В современном употреблении закрепилась фонематическая транскрипция, она условно восстанавливается во всех позициях, как если бы каждое слово произносилось отдельно. В середине же речи после гласного нужна в первом протетическом слоге отпадает, и остаётся чистая основа, например 'Умару-бну- и далее. Такое чтение принято для классической литературы.

В старых испано-латинских транскрипциях «ибн» может передаваться как «Авен-» с модификациями: Авензоар, Аверроэс, Авиценна. Это легко объясняется как особенностью испанского произношения [b], кстати говоря, общей с арабским марокканским диалектом, так и близостью написания *b* и *v* в средневековом письме: обе буквы писались в виде закруглённого ромба.

В научной литературе «ибн» часто заменяется, обычно в именах с перечислением большого числа предков, сокращением *b./б.*

Если в качестве отчества выступает сочетание с *Abū-*, то по общему правилу классической грамматики оно ставится в родительном падеже с окончанием *ī*: *lbn Abī-* и далее.

В редких случаях сочетания с «Ибн» в средневековые получали статус современных фамилий: Ибн Хазм.

В XIX в. в том же значении в арабо-христианском обиходе употреблялось синонимичное [walad], к настоящему времени

сохранившееся, кажется, только в Мавритании (ульд).

В современной литературе эта часть имени получила широкое распространение для краткого обозначения средневековых авторов: Ибн Баттута, Ибн Сина, Ибн Туфейль, Ибн Фадлан, Ибн Халдун.

Ибн (с вариантами) ко второй половине XIX в. в отчествах вышло из широкого употребления, но в течение какого-то времени сохранялось в особо торжественном стиле. В настоящее время сохраняется только в полных именах аравийских монархов.

5. Аналог фамилии (по-арабски *nisbah*) представляет собой относительное прилагательное, указывающее на происхождение из какой-либо местности или этнической группы.

9. Современное употребление

В современном обиходе полное имя в самом элементарном случае состоит из трёх компонентов: собственного имени, имени отца (отчества) и имени деда по отцу. В арабских указателях такие имена располагаются в прямом порядке. Все три части внешне не имеют между собой различий и обычно относятся к общепознанию ономастикону. Чаще всего такие имена сейчас встречаются, кажется, в Судане.

В том случае, если заданное имя состоит из двух компонентов, будь то простых или сложных (то есть сокращено до них), определить статус второй части затруднительно.

В европейском обиходе как фамилия часто воспринимается вторая часть словосочетания: Насер (точнее 'Абд ан-Нāсир («и» рядом со сверхтвёрдым «с») произносится почти как «ы», «раб Оказывающего помощь»), Садат (точнее Ануар ас-Сādāt «лучезарнейший из господ»). В последнем случае часть сочетания вошла и в арабский обиход. Более полное имя — Мухаммад Анвар ас-Садат (через «в» условно передаётся [w]).

В каких-то случаях фамилией может стать имя деда. Аналогично превращение отчеств в фамилии (с вариациями) у Христо Ботева и Расула Гамзатова.

В современных фамилиях, образованных по модели «сын такого-то», преимущественно аравийских и североафриканских (где антропонимика кочевников сохранялась в большей степени), избавление от двухслогового начала в слове -бн- происходит не при помощи добавления протетического слога в начале, а при помощи вставки протетического гласного между согласными корня. Отсюда образуются такие формы, как *Bin* с явным английским фонематическим предпочтением — для фамилий Аравии и *Ben* — для фамилий Северной Африки. Во втором случае фамилии могут писаться как раздельно, так и слитно. В русской транскрипции *bin* чаще передаётся как более привычное «бен».

Характерная примета фамилий, образованных от относительных прилагательных, — артикль в начале и суффикс [i] в конце. В относительно старых или традиционных по форме текстах не всегда легко и даже не всегда можно решить, стало ли указание на происхождение данного лица настоящей фамилией или ещё нет. Наиболее часто встречающиеся формы в нарицательном значении вошли во французский и английский языки. Иногда они оказываются прозрачными псевдонимами. В разные времена наши соотечественники оказывались известны под псевдофамилией «ар-Руси».

Такого рода фамилии представляют определённую трудность, поскольку сплошь и рядом образуются от географических названий (например, у испанца аш-Шантамари — от «Санта Мария») не всегда ясной этимологии и устоявшегося в оригинале написания. Они могут включать отсутствующие в литературном языке буквы или передавать иноязычное произношение с колебаниями. Фамилии разных стран могут содержать звук «г», соответствующий

разным фонемам (кроме [g=gh]), а иракские фамилии — ещё и звуки «п» и «ч»: Пачачи.

В латинских транскрипциях таких фамилий выбор обозначения суффикса [t] явно зависит от того, когда и на какой язык такая транскрипция была произведена первоначально для конкретного лица. В более ранних случаях — через -у, более поздних — через -i. Варианты могут встретиться на одних и тех же страницах.

В арабо-христианском обиходе (но не только) распространены фамилии, образованные от названий профессий (Хаддад).

В североафриканском (магрибинском) обиходе фамилия может предшествовать имени.

В Ираке употребление фамилий четверть века назад было официально отменено в качестве популистской меры. Саддам (ибн аль-) Хусейн ат-Тикрити официально остался только Саддамом Хусейном. Соответственно, часто практикуемое в русском обиходе и никогда в арабском сокращение его минимально полного имени до более чем распространённого отчества при почти уникальном собственном имени может просто ввести в заблуждение.

10. Некоторые типичные ошибки и рекомендации

Когда основные сведения известны, наступает самое трудное. Что выбрать?

Как показано выше, некорректное употребление имён, особенно более известных, встречается очень часто. Как к этому относиться? Как относиться к «суши», «Бостону» «Флориде», «печатной машинке»? Где заканчивается малограмотность и начинается некое подобие новой нормы, вызванное потоком непрофессиональных текстов?

Со многим приходится мириться. Важно, очевидно, не добавлять своих ошибок и сохранить перевод столь же удобным для пользования, как и оригинал, что, увы, бывает отнюдь не всегда. Основные сложности следующие:

1. Глухость и звонкость свистящих «з»/«с». В арабском языке глухость и звонкость всегда сохраняются, и здесь лучше не ошибаться. Важно понять, в какой системе имя транскрибировано: обиходной или близкой к научной. В совокупности более вероятно чтение «з». Некоторые встретившиеся ошибочные транскрипции: Рамси, Савахири. Безусловно нужно: Завахири, Рамзи. Двойное [ss] в латинских практических транскрипциях соответствует глухому варианту. Фактическое удвоение будет разобрано в следующем пункте.

Встретившийся обратный случай: ошибочно Измет, правильно Исмет.

2. Удвоение (геминация) согласных. На практике удвоение всегда присутствует в аналогах причастий, в которых первый согласный — краткий «а» (в обиходной транскрипции может быть и «е»), а второй — долгий «а». Наиболее известный пример, вошедший почти во все языки — «феллах». Такие слова часто служат фамилиями: Хаддад («кузнец»), Саббаг («красильщик»), Абенсеррахи (Ибн ас-Саррадж — «сын седельника»), реже именами: Башшар (правильней так, а не «Башар», слово означает «радующий»). В таких случаях удвоение среднего «с» действительно имеет место, и его желательно воспроизводить. В широкий обиход вошло, кажется имя Кас|с|ам (Qassām «тот, кто делит»), но с утерей удвоения средней согласной.

3. Ассимиляция артикля перед «д», «з», «ж», «н», «р», «с», «ц», «т», «ш». Здесь проще. В языке оригинала ассимиляция в этих случаях бывает ВСЕГДА, в русском востоковедении и на географических картах она обозначалась ВСЕГДА, и в русском переводе её лучше всего воспроизводить тоже. Как уже отмечалось, вариант с ассимиляцией неспециалист произнесёт максимально правдоподобно, а специалист без труда восстановит оригинал.

4. Составные имена современников в паре с фактическим отчеством или фамилией, очевидно, в неустановившихся случаях лучше давать слитно: Абдаррахман.

5. Сложно решить, как быть с первой гласной в географических названиях с артиклем. На русских картах всегда было принято обозначать постоянно через «Э-», в более или менее серьёзной литературе же в соответствии с фонематической транскрипцией, как правило, предпочитается «А-». В одном случае транскрипция с «А-» (название маленького аравийского посёлка) попала даже в Атлас мира 1999 г. издания. Очевидно, холодовые названия нужно давать по Атласу (и/или картам), а отсутствующие в нём, или относящиеся к средневековой истории – реконструировать по нормам научной литературы.

11. Указатель рекомендуемых соответствий

Ниже приводятся в алфавитном порядке наиболее часто встречающиеся примеры употребления уже разобранных выше отдельных букв и сочетаний и их предлагаемая передача в соответствии с русской востоковедной традицией. В скобках даётся применяемая в научных работах транскрипция с использованием диакритических знаков. В случае корректного транскрибирования в европейском оригинале было бы очень желательно сохранить его и в русском тексте, тем более, что компьютерные возможности сейчас это вполне позволяют.

(1)	
Abū...	Абу... (в научных работах Абӯ...)
Abu 'l- ..., Abū 'l- ...	Абу-ль- ... (в научных работах Абӯ-л- ...)
Частные случаи с ассимиляцией:	
Abu 'l-D..., Abū 'l-D...	Абу-д-Д...
Abū 'l- <u>D</u> ... (в научных работах)	Абӯ-з-З...
Abu 'l-Dh...	Абу-з-З... (в научных работах Абӯ-з-З...)
Abū 'l- <u>Dh</u> ...	Абу-з-З... (в научных работах Абӯ-з-З...)
Abu 'l-N...	Абу-н-Н...
Abu 'l-R...	Абу-р-Р...
Abu 'l-S...	Абу-с-С...
Abu 'l-Sh...	Абу-ш-Ш...
Abū 'l- <u>Sh</u> ...	Абу-ш-Ш...
Abu 'l-T...	Абу-т-Т...
Abū 'l- <u>T</u> ... (в научных работах)	Абӯ-т-Т...

Abū 'l- <u>T</u> ... (в научных работах)	Абӯ- <u>с</u> - <u>С</u> ...
Abu 'l-Th...	Абу-с-С... (в научных работах Абӯ- <u>с</u> - <u>С</u> ...)
Abū 'l- <u>Th</u> ...	Абу-с-С... (в научных работах Абӯ- <u>с</u> - <u>С</u> ...)
Abu 'l-Z...	Абу-з-З...
Abu 'l- <u>Z</u> ... (в научных работах)	Абӯ-з- <u>З</u> ...
(2)	
b.	ибн (в научных работах: б.)
bin, Bin	бен; ибн, Ибн (для средневековых имён)
(3)	
EI	аль-; исключения: в начале географических названий: Эль-; в середине географических названий: -эль-; в научных работах: ал-;
Частные случаи с ассимиляцией:	
EI D...	Ад-Д...
EI Dh...	Аз-З... (в научных работах: Аз- <u>З</u> ...)
EI N...	Ан-Н...
EI R...	Ар-Р...
EI S...	Ас-С...
EI Sh...	Аш-Ш...
EI T...	Ат-Т...
EI Th...	Ас-С... (в научных работах: Ас- <u>С</u> ...)
EI Z...	Аз-З...
(4)	
...a	...а
...ah	...а
...ch...	...ш..., ...ч... (только для Ирака!)
...d...	...з... (в научных работах: ...з...)

Анализ практики

...dh...	...з... (в научных работах: ...з... или ...з...: две разные фонемы)
... <u>dh</u>з... (в научных работах: ...з...)
...ch	...е (чаще в сирийско-ливанском диалекте)
...g...	...г... (только в диалектном произношении)
... <u>g</u>г... (в научных работах: ...г...)
... <u>g</u> ... (в научных работах)	...дж...
...gh...	...г... (в научных работах: ...г...)
... <u>gh</u>г... (в научных работах: ...г...)
...h...	...х... (в научных работах: ... х...)
... <u>h</u> ..., ... <u>h</u>х... (в научных работах: ...х...)
...j...	...дж..., ...х... (только в испанских текстах)
...k...	...х... (в научных работах: ...х...)
...kh...	...х... (в научных работах: ...х...)
... <u>kh</u>х... (в научных работах: ...х...)
...q...	...к... (в научных работах: ...қ...)
...sh...	...ш..., ...сх... (в имени Исхак)
... <u>sh</u> ... (в научных работах)	...ш...
...t... (в научных работах)	...т...
... <u>t</u> ... (в научных работах)	...с...
...th...	...с... (в научных работах: ...с...)
... <u>th</u>с... (в научных работах: ...с...)
...y... (только в испанских текстах)	...дж...

Структуры и связи¹ Ещё раз о роли синтаксиса в переводе

Д.М. Бузаджи

В статье «Структуры и связи», опубликованной в позапрошлом номере, был поставлен вопрос о значимости синтаксиса в переводе и сущности синтаксических ошибок, которые зачастую не достаиваются должного внимания, хотя и приводят порой к самым плачевным последствиям.

В целом синтаксические ошибки можно разделить на две категории (мысль об этом высказывалась в предыдущей статье, но недостаточно обстоятельно). Ошибки первой категории связаны с тем, что переводчик неправильно истолковывает семантику той или иной синтаксической конструкции в оригинале и, соответственно, искажает отношения между предметами, действиями и качествами в переводе². Ошибки второго рода имеют стилистическую природу и возникают в том случае, когда употреблённая в переводе синтаксическая конструкция, верно передавая соответствующее грамматическое значение, нарушает уzus переводящего языка или стилистически не соответствует данному типу текста.

В предыдущей публикации я также постарался показать, что есть обширная категория своего рода «промежуточных» ошибок, в основе которых лежит незначительное искажение существующих в тексте

синтаксических связей. В силу своей незначительности эти ошибки многими не воспринимаются как смысловые искажения. Действительно, разве искажён смысл фразы “Caroline Stuttle, a UK backpacker, died after being thrown from a bridge in Australia” в переводе «Кэролайн Статтл, туристка из Великобритании, погибла после того, как в Австралии её сбросили с моста»? Выражаясь словами Остапа Бендера, кто скажет, что она погибла до того, пусть первый бросит в меня камень. Однако искаженные есть: союз «после того как» обычно не предполагает моментальной смены действий (как в нашем случае), поэтому избранный в переводе тип синтаксической связи был бы уместен разве что в том случае, если бы упомянутая туристка выжила после падения с моста и погибла *уже после того* и при других обстоятельствах. Кроме того, как я отмечал в предыдущей статье, союз *after* может выражать не столько временные, сколько причинно-следственные отношения (как в настоящем случае). Употребление в переводе союза *после того как*, наоборот, выдвинет на первый план временную связь, играющую второстепенную роль.

Такие ошибки опасны именно из-за своей кажущейся невинности. Если воспользоваться термином М.Д. Литвиновой, можно сказать, что они искажают «спектр» переводящего (в данном случае русского) языка, заставляют читателя или слушателя пробиваться к смыслу через дебри конструкций либо неестественных в данном контексте, либо неточных. Как отметила

¹ Продолжение. Начало см. «Мосты» 4/16 (2007).

² См. статьи: Ермолович Д.И. «Ложный друг» оказался враг и не друг, и не враг, а так... // «Мосты» № 4 (16). — М.: Р.Валент, 2007. — С. 33–40 и Комиссаров В.Н. «Ложные друзья» переводчика в структуре английского высказывания (к постановке проблемы) // «Мосты» № 2 (5). — М.: Р.Валент, 2005. — С. 15–17.

М.Д. Литвинова в своём выступлении на Международном форуме переводчиков русской литературы (4–6 декабря 2007 г.), существуют «синтаксические каналы», через которые мысль входит в сознание, и эти каналы у носителей русского языка отличаются от каналов у носителей, например английского языка. Вряд ли стоит принимать всерьёз спекулятивные рассуждения, согласно которым эти дебри не зло, а благо, так как, продираясь сквозь них, подготовленный читатель новой формации «сотрудничает с переводчиком» и постигает «культуру языка оригинала». А значит, мы не можем не прийти к выводу о том, что задача переводчика – в донесении мысли автора по наиболее магистральным каналам сознания, чтобы читательзнакомился и с автором, и с соответствующей культурой безо всяких помех, воздвигнутых рукой неумелого переводчика, чей текст без читательского «сотрудничества» окажется просто-напросто неудобочитаемым и малопонятным.

Не всё то агент, что подлежащее

Довольно распространённый тип синтаксических ошибок связан с передачей на русский язык подлежащих, имеющих обстоятельственное значение. Эти ошибки коварны тем, что по отдельности, как правило, малозаметны, зато, накапливаясь, они настолько же уродуют текст, насколько уродуют живой организм скопившиеся в нём радиоактивные элементы. Впрочем, для начала следует объяснить, что мы понимаем под «подлежащими, имеющими обстоятельственное значение» (далее – ПОЗ).

Как отмечают авторы «Коммуникативной грамматики русского языка», «распространённый приём квалификации членов предложения путём подстановки падежных вопросов даёт информацию лишь о падежной форме... но нередко затемняет синтаксическую суть дела»³. В результате подлежащее русского (как и, заметим, английского)

предложения может обозначать как агента действия, так и, кроме прочего, фактическое обстоятельство этого действия. Чтобы правильно сделать школьный синтаксический разбор предложения, учитывать семантическую разницу в подлежащих необязательно, а для перевода эти различия могут оказаться существенными. Авторы «Коммуникативной грамматики» прямо указывают на функциональную непохожесть некоторых предложений с одинаковой формально-морфологической структурой: «В примере [*Эта быстрая езда успокоила его – Д.Б.*] девербатив *езда* выполняет структурно-семантическую роль каузатора, а местоимение *его* несёт двойную функцию как объект каузативного воздействия и как субъект казуируемого состояния... Можно назвать *езду* и подлежащим, дело не в слове, важно видеть, что это подлежащее другого типа и предложение другого типа, чем, скажем, *Она увидела его*»⁴.

Проблема ПОЗ так или иначе уже освещалась в переводоведческой литературе. Однако терминологическое описание этого явления не всегда адекватно отражало суть вопроса. Так, рассматривая то же самое явление, Т.Р. Левицкая и А.М. Фитерман озаглавливают соответствующий раздел своего пособия «Неодушевлённые подлежащие в роли агента действия»⁵. С таким наименованием нельзя согласиться, т.к. суть рассматриваемого явления заключается не в том, что неодушевлённое существительное становится агентом (что невозможно по определению⁶), а в том, что существительное (неважно, одушевлённое

³ Золотова А.Г., Ониленко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – С.41.

⁵ Левицкая Т.Р., Фитерман А.М. Пособие по переводу с английского языка на русский. – М.: Высшая школа. – 1973. – С.90)

⁶ В Лингвистическом энциклопедическом словаре понятие «агента» определено так: «Термином "А." обозначают одуш. участника ситуации, её намеренного инициатора, к-рый контролирует ситуацию, непосредственно исполняет соотв. действие и является "источником энергии" этого действия» (ЛЭС, С. 17).

³ Золотова А.Г., Ониленко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – С.41.

или неодушевлённое), не являясь агентом, занимает место подлежащего, из-за чего (в русском языке) происходит конфликт между формально-синтаксической ролью слова и его семантической функцией. То, что неодушевлённость подлежащего не играет для перевода принципиальной роли, можно проиллюстрировать парой примеров:

1) Hurricane Katrina damaged or destroyed nearly 52,000 rental units in the city (G., March 20, 08)

2) An air traffic controller allowed two aeroplanes to fly too close to each other as one took off from La Guardia Airport and the other arrived, the Federal Aviation Administration said. (I.N.T., March 21, 97)*⁷

В первом случае ураган (несмотря на женское имя, объект неодушевлённый) выступает в роли активного деятеля. Возможно, со строго научной точки зрения, он не является агентом (ЛЭС указывает, что агентом может быть только одушевлённый участник ситуации), однако с точки зрения узуса ураган Катрина – действительно субъект действия. В русском языке конструкции, где подлежащим является природное явление, широко распространены в самых разных стилях и контекстах, поэтому вариант перевода, начинающийся словами «Ураган Катрина уничтожил или повредил...», представляется вполне адекватным.

Во втором примере подлежащим является одушевлённый объект, что, казалось бы, даёт переводчику полное право сохранить за «авиадиспетчером» позицию подлежащего и в переводе. Однако в данном случае «авиадиспетчер» не является агентом в том смысле, как это определено в ЛЭС, т.к. он не является «намеренным инициатором» ситуации. Попытка сохранить в переводе исходную синтаксическую конструкцию («Авиадиспетчер разрешил/позволил/допустил...» и т. п.) приведёт к тому, что вместо роковой ошибки поступок авиадиспетчера предстанет перед русским

читателем почти что как обдуманное преступление. В принципе из положения можно выйти, употребив в переводе выражение «по недосмотру/неосторожности» или подобное, однако точнее и синтаксически удачнее будет вариант, где «авиадиспетчер», а точнее его действия, займут позицию обстоятельства, например такой: «Как сообщило Федеральное агентство гражданской авиации США, из-за ошибки авиадиспетчера аэропорта “ЛаГардиа” заходящий на посадку самолёт оказался в опасной близости от другого самолёта, который в тот момент набирал высоту».

Итак, на наш взгляд, точнее всего суть именно переводческой (а не общелингвистической) проблемы передаёт термин «подлежащее, имеющее обстоятельственное значение». Большинство ПОЗ можно распределить на три категории:

1) подлежащие, имеющие обстоятельственное значение времени (выражены словами, обозначающими отрезки времени):

Оставшиеся два дня недели не принесли значительных перемен (Новые Известия, 24.09.03).

The last few weeks have seen the deaths of two of the longest lived and, in their way, most influential modern designers in Britain. (F.T., Aug. 19, 96)*;

2) подлежащие, имеющие обстоятельственное значение места (выражены словами, указывающими на пространство):

Вся Тында стала ареной для праздника (Комсомольская Правда в Благовещенске, 13.07.04).

The main block [of the boarding school] houses the boys' dormitories, dining rooms, common rooms and exercise room (G., Oct. 1, 91)*;

3) подлежащие, имеющие обстоятельственное значение причины или условия (обозначают предмет, действие, признак или состояние, наличие которых является причиной события, выраженного группой сказуемого):

Употребление молока привело к появлению голубоглазых людей (Известия, 12.12.07)

Mr Dobson apologised and said the computer failure meant his statement could not be typed up. (Ind., Nov. 14, 98)*.

⁷ Знаком «*» отмечены примеры, позаимствованные из сборника упражнений «Бузаджи Д.М., Маганов А.С. Техника Перевода. Часть I. Грамматические аспекты перевода. – М.: Р.Валент, 2007».

Как видим, употребление подлежащих в роли обстоятельств встречается и в русских и в английских текстах, что, казалось бы, говорит о функциональной тождественности таких синтаксических построений в обоих языках. Однако практика показывает, что особенности употребления ПОЗ в английском и русском всё-таки не совпадают. В английском языке (возможно, в силу жёстко регламентированного порядка слов) конструкции с ПОЗ имеют широкое хождение в самых разных типах текста. В русском языке, где практически любое предложение с ПОЗ можно перестроить так, чтобы место подлежащего занял агент, ПОЗ являются зачастую признаком официально-делового и научного стилей, для которых характерна определённая безличность высказываний. С другой стороны, ПОЗ могут придать тексту книжно-архаическую окраску (ср.: «Манера глядеть свысока сделала то, что Онегин совсем не узнал Татьяну» (Достоевский)).

Поэтому курьёзно смотрятся ПОЗ в высказываниях разговорного или нейтрального характера, когда сухость, «алгебраичность» синтаксической конструкции резко противостоит доступности, повседневности содержания фразы. За примерами таких курьёзов, обратимся, как обычно, к кинопереводам:

- Слишком большой **интерес** к Неваде делает её малопривлекательным местом.
- Скорее всего, **падение** люстры явилось результатом сотрясения дома.
- Ежедневные **ток-шоу** сведут нашу способность мыслить до уровня лягушки.
- **Пропажа** людей – не такая уж редкость. Почему именно этот **случай** заставляет нас лететь через всю страну?
- Наше с вами **сотрудничество** должно обезвредить убийцу.
- Мои **эксперименты** делают его умнее с невероятной скоростью.

Конечно, не все случаи употребления ПОЗ столь гротескны, и одно или два предложения с ПОЗ в русском переводе ещё не

изменяют его стилистической окраски, но при большом скоплении таких конструкций спектр языка начинает видимо искажаться⁸. Приведу ряд примеров из переводов публицистических статей, в том числе посвящённых механическим часам. Так как в этих статьях большое количество технической информации, переводчик испытывает соблазн забыть о публицистическом характере этих материалов и перейти на сухой канцелярский язык, которым, казалось бы, должны переводиться научный и околонаучные тексты. Однако публицистическая статья не инструкция по эксплуатации, и скопление в ней ПОЗ неоправданно засушивает и утяжеляет текст (см. табл. на стр. 25).

При выборе и анализе вариантов перевода часто замечаешь, что некоторые слова, выражения, синтаксические конструкции ПЯ оказываются как бы вне поля зрения. Даже опытному переводчику на ум в первую очередь приходят варианты, так или иначе напоминающие выражения ИЯ либо внутренней формой либо образной основой, либо строением. Конечно, такие варианты могут быть вполне корректными, и неправильно было бы считать, что перевод тем лучше, чем дальше он отстоит от формы оригинала – так недалеко и до отсебятины.

⁸ О необходимости синтаксических преобразований в передаче подобных конструкций находим у А.Д. Швейцера: «...Подлежащему-существительному со значением неодушевлённого предмета приписывается роль источника действия, которое обычно ассоциируется с одушевлённым предметом. В английском языке в качестве подлежащего-агенса при глаголе со значением активного действия, каузирующего определённое состояние, могут выступать существительные со значением процесса, состояния, события, места, времени, а само предикативное ядро высказывания может выражать каузальные, темпоральные, пространственные и иные отношения. Для перевода подобных высказываний применяются конверсивные трансформации, в ходе которых глагол замещается его конверсивом, а подлежащее-агенса – обстоятельством времени, места, причины и т.п. В то же время порядок развёртывания коммуникативной структуры от темы к реме остаётся неизменным» (Швейцера А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – С. 143).

Оригинал	Перевод	Возможная правка
<p>A new geometry of the balance, the use of new lighter and more resistant materials in the escapement, and a latest-generation tourbillon regulator, converge in enabling the Jaeger-LeCoultre 988C to establish a new precision benchmark.</p>	<p>Новая геометрия баланса, использование новых, более лёгких и износостойчивых, материалов в спусковом механизме и регулятор турбийона нового поколения слились воедино, позволив Jaeger-LeCoultre 988C установить новый критерий точности.</p>	<p>Благодаря сочетанию таких факторов, как новая геометрия баланса, более лёгкие и износостойчивые материалы в спусковом механизме и турбийонный регулятор хода нового поколения, механизм Jaeger-LeCoultre 988C устанавливает новые стандарты точности.</p>
<p>High inertia ensures a stable regulator... Nonetheless, high inertia implies a higher balance mass, leading to larger losses due to mechanical friction.</p>	<p>Большая инерция обеспечивает стабильный уровень колебаний баланса... Однако поддержание большой инерции требует увеличения массы баланса, что приводит к большей потере энергии, вызванной трением.</p>	<p>При высокой инерции баланс работает стабильно... Но чтобы добиться большой инерции, нужно увеличивать массу баланса, а в результате больше энергии будет теряться из-за трения.</p>
<p>Only inventiveness and an ability to adjust to their environment could have enabled the people of the valley to survive through the centuries.</p>	<p>Только гибкость и изобретательность позволили жителям Валле-де-Жу пройти через века.</p>	<p>Только благодаря находчивости и умению приспосабливаться к обстановке жители долины сумели пережить массу потрясений, выпавших на их долю за долгие века.</p>
<p>Seven years of depression have halved its [Russia's] gross domestic product.</p>	<p>Семь лет депрессии наполювину сократили её ВВП.</p>	<p>В результате растянувшегося на семь лет экономического кризиса наполювину сократился её ВВП.</p>
<p>But not even this explicit appeal to America's own experience has softened Washington's hard-line stance.</p>	<p>Однако даже такая явная отсылка к собственному американскому опыту не смягчает жёсткую позицию Вашингтона.</p>	<p>Однако, даже несмотря на столь явное сходство между российским настоящим и американским прошлым, Вашингтон свою позицию не смягчает.</p>

Но если текст оригинала создаётся с привлечением всех доступных автору средств ИЯ, то и текст перевода должен строиться из такого же разнообразного материала, а не из одних только слов и выражений, в которых ощущается некоторая общность со словами и выражениями ИЯ. Иначе текст перевода неизбежно окажется беднее оригинала, а языковой спектр будет смещён.

Примеры таких смещений хорошо всем знакомы и по низкокачественным переводам, и хотя бы по своему опыту изучения иностранного языка. Неудивительно, что у носителей английского языка подчас складывается мнение о русском, как о людях суровых, безапелляционных и чрезмерно официальных: такой эффект производят

попытки передавать вполне нейтральные безличные конструкции (со словами *можно, нельзя, нужно* и т.п.) не функциональными аналогами (*you can, you should, we might* и т.п.), а гораздо более канцелярскими фразами типа *it is prohibited, it is possible* и т.п. Кому-то покажется: разное национальное самосознание, а на самом деле — недостаточное владение синтаксисом иностранного языка и, как следствие, искажение спектра. К слову: иначе, но так же неестественно звучат плохо переведённые с английского на русский инструкции и указания, где сохранены личные конструкции: *Здесь Вы можете сдать багаж, Вы не должны здесь сидеть* и т.п. Здесь уже у носителя русского будет складываться впечатление, что перед ним

не обычная информация, поданная в нейтральной официально-безличной манере, а записка, обращённая к нему лично и написанная, притом, весьма сварливо.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, теоретически, может быть, небезупречный, но вполне полезный практически. В переводе особое внимание следует уделять конструкциям, мало похожим на соответствующие конструкции оригинала. Они как интересные, умные, но тушующиеся гости на званом обеде. Если раз за разом не втягивать их в разговор, то всем вниманием завладеют два-три бойких говоруна. Оживление, конечно, они обеспечат, но качество разговора будет не то. Конструкции с ПОЗ можно при желании передавать на русском только такими же конструкциями, но текст выйдет сухим, ходульным и стилистически неорганичным.

Кстати, наблюдения над сравнительной частотностью тех или иных синтаксических конструкций в ИЯ и ПЯ могут здорово помочь и при переводе с родного языка на иностранный. Наверное, на определённом этапе изучения английского многие из нас не могли обойтись без конструкции *thanks to*, которая хотя и существует в английском и позволяет обозначить каузацию по аналогии с русским союзом *благодаря*, однако отнюдь не так частотна и естественна. Как показывают приведённые выше примеры, во многих случаях ту же функцию и гораздо удачнее могут выполнить конструкции с подлежащим в значении обстоятельства причины. Главное — не забывать о «скромных гостях»: именно благодаря им текст перевода способен точно передать смысловые и стилистические нюансы оригинала, не нарушая при этом спектра ПЯ.

Ложные сложные существительные

До этого мы обсуждали синтаксические проблемы на уровне предложения, однако неточности и ошибки при передаче грамматической связи встречаются и на более

мелком подуровне синтаксиса — на уровне словосочетания. Разумеется, все расхождения английской и русской грамматических систем, проявляющиеся в построении словосочетаний, в одной статье рассмотреть невозможно. Однако хотелось бы обсудить несколько характерных ошибок, которыми переводы грешат особенно часто.

Как я уже показывал выше, переводческие классификации и подходы к рассмотрению тех или иных языковых явлений зачастую расходятся с классическими подходами, принятыми в языкознании. Это и неудивительно: практического переводчика в первую очередь интересуют функциональные, коммуникативные особенности речи, которые далеко не всегда адекватно отражаются в классических лингвистических дисциплинах. Впрочем, зачастую эти расхождения способствуют взаимному обогащению переводоведения и языкознания: переводоведы отходят от чисто интуитивных описаний своей деятельности и переводят её на прочную теоретическую основу, тогда как лингвисты на переводческом материале могут наблюдать, как те или иные, казалось бы, отвлечённые положения проявляют себя на практике.

Определённая нестыковка переводоведческого и чисто лингвистического подходов проявится и в следующей теме, которую я хотел бы затронуть. Строго говоря, те языковые единицы, которые здесь будут рассмотрены, относятся к категории сложных существительных, а их образование — по идее феномен лексики, а не синтаксиса. Однако английские аналоги тех сложных существительных, о которых пойдёт речь, являются именными словосочетаниями, и именно поэтому, на мой взгляд, данную проблему стоит рассматривать в одном ряду с другими синтаксическими явлениями.

За последние годы всем и, скорее всего, неоднократно встречались выражения типа проект-менеджер, контент-анализ, дизайн-студия, фэшн-индустрия, бьюти-революция, 3D-формула и т.п. (бывает, что в напи-

сании дефис отсутствует). Разумеется, за всеми этими сочетаниями угадываются английские «оригиналы»: *project manager, content analysis, design studio, fashion industry, beauty revolution, 3D formula*. Статус английских выражений понятен: перед нами именные словосочетания, в которых первое существительное служит определением ко второму. А вот русские (точнее будет сказать, псевдорусские) построения такого рода вызывают вопросы.

Вообще-то, ещё на занятиях по английскому языку студентов учат передавать первое существительное в подобных английских словосочетаниях прилагательным или существительным в косвенном падеже. Казалось бы, всё просто: *garden chair* — садовый стул, *horror film* — фильм ужасов, *milk bottle* — бутылка из-под молока, *polygraph test* — проверка на детекторе лжи... Стоп-стоп-стоп! Зачем так длинно? Можно короче — *полиграф-тест*. Так, по крайней мере, считает высокопоставленный казанский чиновник, процитированный газетой «Коммерсантъ-Казань» (№ 90 от 26.05.2007), или, например, переводчик русского сайта «Би-би-си» (статья «Насколько лжив детектор лжи», 22 августа 2002 г.).

Итак, грамматический статус этих гибридов. Если посмотреть на существующие в русском языке сложные существительные типа *кресло-кровать, плац-палатка, вагон-ресторан, инженер-наладчик*, мы увидим, что называемый ими объект одновременно соответствует понятиям, выраженным первой и второй частью сложного существительного⁹. Иными словами, *кресло-кровать* — это и кресло и кровать; *инженер-наладчик* — это и инженер и наладчик, но ведь проект-менеджер — это не проект, а дизайн-студия — не дизайн. Получается, в этих полурусских-полуанглийских гибри-

дах характер связи между первым и вторым элементом принципиально иной: вместо ожидаемого сочинения имеет место подчинение.

Почему эти сочетания встречаются всё чаще, догадаться легко. Во-первых, неслучайно их первые части представляют собой, как правило, совсем не освоенное или не до конца освоенное слово. Такие существительные бывает трудно поставить в косвенный падеж, а тем более — превратить в прилагательные. Конечно, трудность эта относительна и составить словосочетания типа *руководитель проекта, студия дизайнера, проверка на детекторе лжи* или *отрасль модной одежды* под силу не только академикам, но экономия мозговых усилий уже стала во многих сферах таким же универсальным законом, как закон сохранения энергии в физике.

Вторая причина, смешная и пугающая одновременно, видится в том, что недопереведённые гибриды занимают на письме меньше места. Вообще, повсеместный диктат дизайнерских и технических требований над лингвистическими чреват очень неприятными последствиями. Складывается впечатление, что ради экономии рекламного места или красного (в чьём-то понимании) вида и расположения слов заказчики пойдут на любые надругательства над языком: перестанут склонять, навяжут предлогам несвойственные им значения, откажутся от заглавных букв или, наоборот, насажают их там, где не надо. В таких условиях любое переводческое решение, каким бы изящным, грамотным и понятным оно ни было, проигрывает в борьбе за выживание любым уродливым обрубкам.

Ну и в-третьих, лёгкий налёт экзотичности, присущий таким словосочетаниям, завоёвывает очень многие нестойкие сердца. Увлечение иностранно звучащими сочетаниями заметно и в самых неожиданных сферах. Так, в подмосковной Балашихе относительно недавно открыли одно-

⁹ Профессиональные термины вроде *вакуум-насос*, сложные единицы измерения вроде *грамм-молекула* и другие исключения немногочисленны, а главное — имеют узкопрофессиональную сферу употребления.

Анализ практики

имённый ледовый дворец. Дорожный знак, указывающий на поворот с Горьковского шоссе в сторону дворца, гласит: «БАЛАШИХА АРЕНА». Как говорится, без комментариев.

А что по предлогам?

Если говорить о синтаксисе на уровне словосочетаний, то следовало бы затронуть вопрос предлогов и особенностей их употребления. Складывается впечатление, что предлоги, особенно наиболее распространённые, ускользают от внимания как переводчиков-практиков, так и переводоведов. Однако неудачное употребление предлогов в переводе встречается часто и довольно существенно искажает языковой спектр. В предыдущей статье я вскользь упомянул о том, что под влиянием английского языка предлог *для* всё чаще встречается в несвойственном ему значении. Здесь мне бы хотелось обсудить этот вопрос подробнее, а для этого необходимо разобраться, какое, собственно, значение предлоги *для* и *for* имеют в своих языках. Приводить полные словарные статьи из словарей я в целях экономии места не буду, однако наиболее «проблемными» мне представляются следующие значения:

Для

- 1) Употр. при указании на цель совершения действия. // Употр. при указании на назначение, предназначение предмета.
- 2) Употр. при обозначении лица, группы лиц, которым что-л. предназначается, по отношению к которым что-л. совершается. // Употр. при обозначении лица, предмета и т. п., в интересах, в пользу которого что-л. совершается.
- 3) Употр. при обозначении лица, группы лиц, по отношению к которым имеет силу какое-л. качество, состояние и т. п. // Употр. при указании на

несоответствие какого-л. явления, события, качества и т. п. кому-, чему-л.¹⁰

For

2 g : **in order to obtain** <write for a free catalog> or **gain** <work for a living>

10 a : **as regards** : **in respect to** : **CONCERNING** <a stickler for detail> <so much for that topic> <true for all I know> <safe for the present> <good country for deer>

b : **in proportion to** <tall for his age> : **taking into account** : **CONSIDERING** <very cool for May> <that was a good score for him>¹¹

Сопоставлять словарные значения *for* и *для* довольно трудно, так как американский словарь даёт значения предлога гораздо более дробно, чем русский, однако некоторые выводы сделать можно. Основные злоупотребления предлогом *для* можно занести в две категории. В первом случае предлог используется в значении, зафиксированном у *for* под номером 2g, — «с целью получить/добиться». Вполне нормативны английские фразы типа *Use this toothpaste for whiter, healthier teeth* или *The manufacturing process was optimised for the best quality*. Но русские фразы вроде *Используйте эту зубную пасту для белых, здоровых зубов* или *Производственный процесс был оптимизирован для наилучшего качества* звучат неуклюже и безграмотно. И тем не менее подобные построения встречаются всё чаще, зарождаясь в недрах недопереведённой рекламы и потихоньку разрушая синтаксические каналы русского языка не хуже, чем кариес разрушает каналы зубов.

Можно возразить: русский предлог *для* тоже может указывать на цель совершения действия (см. значение 1). Однако цели бывают разные. В русском языке после употреблённого в таком значении *для* ожидаешь увидеть существительное, указывающее на

¹⁰ Большой академический словарь русского языка. Т. 5. — М., С-Пб.: Наука, — 2006. — С. 139.

¹¹ Webster's Third New International Dictionary. — Springfield: Merriam-Webster, 1993. — P. 886.

действие, процесс (*прибыл для подписания бумаг, создан для борьбы с преступностью*). Когда же после *для* стоит, как в английском, существительное, указывающее не на процесс, а на сам результат, то синтаксический смысл предлога *для* оказывается затуманенным и даже кажется, что он использован в значении 2. То есть сочетание *зубная паста для белых зубов* в соответствии с нормой и узусом русского языка можно и нужно понимать так, что эта паста предназначена для белых зубов, что по сути противоположно смыслу аналогично построенной английской конструкции.

Нарушения второй категории менее очевидны и потому более распространены. Речь идёт об употреблении *для* в качестве эквивалента *for*, когда английский предлог использован в значениях группы 10. Как видим, и эти случаи можно объяснить тем, что русский предлог тоже может указывать на лица или предметы, по отношению к которым имеет силу некое качество, состояние и т.п. Однако частотность употребления предлогов *для* и *for* в таком смысле в русском и английском языках не совпадают. Переводя с английского на русский, переводчики

часто пишут так:	хотя вполне можно было так:
Для часовщика не составляет особого труда отрегулировать часы так, чтобы погрешность хода стремилась к нулю.	Часовщику нетрудно отрегулировать часы так, чтобы погрешность хода стремилась к нулю.
Но для механизмов высокого класса амплитуда таких колебаний значительно меньше.	Но у механизмов высокого класса амплитуда таких колебаний значительно меньше
Как правило, часы настраивают для 2, 3, 4, 5 или 6 положений.	Как правило, часы настраивают в 2, 3, 4, 5 или 6 положениях.
Почему для вас было важно самостоятельно производить механизмы?	Почему вам было важно самостоятельно производить механизмы?
Для самого известного в мире миллиардера, создающего программное обеспечение, есть и другая, менее приятная сторона.	Быть самым знаменитым в мире компьютерным магнатом и миллиардером не очень-то легко.
У владельца группы, Эфраима Гринберга, уже был для «Эбель» план.	У владельца группы, Эфраима Гринберга, уже были виды на «Эбель».
Именно о нём мы подумали, когда выбирали первых кандидатов для списка будущих лидеров часовой промышленности.	Именно о нём мы подумали в первую очередь, когда выбирали главных кандидатов на роль будущих лидеров часовой промышленности.

Казалось бы, с каждым вариантом из левого столбца можно по отдельности согласиться. Но все вместе они придают переводному тексту неестественное звучание. Это и неудивительно: когда всё многообразие возможных решений (предлоги *у, в, дательный падеж* и т.д.) сводится к одной конструкции с *для*, языковой спектр не может не искажаться. Если переводчики и люди других профессий, находящиеся под влиянием английского языка, не переста-

нут использовать *для* не по назначению, этот предлог рискует превратиться в такую же безразмерную и безликую связку, как пресловутый предлог *по*, который, кажется, утратил всякий самостоятельный смысл (как, например, во фразе *Что по деньгам?* вместо *Сколько стоит?*).

Напоследок хотелось бы сказать ещё об одном предлоге-многостаночнике — *с*. А точнее — о тех случаях, когда конструкции, вводимые этим предлогом, имеют

Анализ практики

обстоятельственное значение причины или сообщают о дополнительном факте, зачастую в целях иллюстрации основной мысли. Английский предлог *with* в таких функциях действительно используется:

With

7 b : by means of : by the use or agency of : THROUGH

c : by the presence, addition, or contiguity of

d : as a result of : in consequence of : because of

8 b used as a function word to indicate a related or supplementary fact or circumstance¹²

Что касается русского *с*, то он, если верить Большому толковому словарю русского языка под ред. С.А. Кузнецова, обстоятельство причины (способа) вводить не может. Также не могут *с* помощью *с* присоединяться дополнения, указывающие на дополнительные факты. Но, если верить некоторым переводчикам, ничего невозможного нет (см. табл.).

Не будем долго разбирать эти и подобные им ошибки: картина примерно такая же, что и с предлогом *для*. Под влиянием английского словоупотребления русский предлог начинает использоваться в несвойственных ему функциях, что искажает характер синтаксической связи между элементами предложения. Вместо обстоятельства причины или сообщения о дополнительном факте в таком предложении видим указание на совместное действие или принадлежность одного другому.

Наверное, может возникнуть вопрос: неужели неправильное употребление предлогов или подлежащих в обстоятельственных значениях – это самые главные беды перевода? Есть ли смысл «ловить блох», когда вокруг полно переводов, по которым прыгают целые медведи? На мой взгляд, смысл есть. Смехотворность откровенно плохих переводов очевидна всем. В русском языке они порождают чудовищ, но чудовища эти в силу своей экзотичности не особенно живучи. Те же синтаксические искажения, о которых идёт речь в настоя-

Прошлогдняя «Ривьера ХХI» выгядит просто роскошно с тем малым количеством золота, которое вы так удачно использовали.	Прошлогдняя «Ривьера ХХI» выгядит роскошно при том, что золота в ней на самом деле немного.
Кроме того, мне нужен был турбийон, потому что с турбийоном мои часы стали бы по-настоящему серьёзными именно как часы, и одновременно уникальными с точки зрения эстетики.	Кроме того, мне нужен был турбийон, потому что турбийон, с одной стороны, – признак часовой состоятельности, а с другой – создаёт особую эстетику.
Заводная головка и кнопки в них титановые либо из розового золота. Со своим калибром 753 эта модель – настоящая находка для профи, сражающихся по всему миру на площадках для игры в поло.	Заводная головка и кнопки в них титановые либо из розового золота, внутри – калибр 753. Эта модель – настоящая находка для профи, сражающихся по всему миру на площадках для игры в поло.
Так чем же хуже обычные часы и секундомеры? Да хотя бы тем, что с ними тяжелее следить за оставшимися драгоценными минутами.	Так чем же хуже обычные часы и секундомеры? Да хотя бы тем, что по ним тяжелее следить за оставшимися драгоценными минутами.

¹² Webster's Third New International Dictionary. – Springfield: Merriam-Webster, 1993. – P. 2626.

шей статье (и многие другие подобного рода), малозаметны и по отдельности довольно безобидны. Но, проникая из переводов в оригинальные тексты, они понемногу обедняют язык, затуманивают смысл, стирают границы между стилями. А когда нет границ и неясен смысл, тогда нет потребности и в профессиональном переводчике: поставить русские слова в иноязычные конструкции может и машина.

Хотелось бы также верить, что продемонстрированный здесь подход к анализу синтаксиса будет взят на вооружение переводчиками-практиками, которых ежеднев-

но подстерегают десятки подобных синтаксических ловушек и соблазнов. Часто приходится слышать, что чётких критериев оценки качества перевода нет и что в конечном счёте всё решается тсм, «звучит» перевод или «не звучит». Но перевод — не настройка пианино впотьмах и чем придётся. И концепция переводческой адекватности, дополненная полноценным сопоставительным анализом, как раз и даёт переводчику тот инструмент-камертон, с помощью которого можно сделать так, чтобы «звучало» всегда.

Ошибки без кавычек

В.К. Ланчиков

Переводчик — вечный «стрелочник». Если какому-нибудь форумному рецензенту не понравится в переводе слог перевозносимого у себя на родине писателя, он не станет задаваться вопросом, насколько точно передал переводчик авторский стиль. «Там хвалят, а мне не нравится — значит, дрянь перевод». При помощи такого остроумного силлогизма можно убить двух зайцев: без особых стараний приобрести славу знатока переводческого ремесла и избавиться от нестерпимой мысли, что у тебя, возможно, иной вкус, чем у большинства соотечественников расхваленного автора. Рикошетом убивается и репутация переводчика.

«Оправдаться есть возможность,
Да не спросят — вот беда!
Осторожность! осторожность!
Осторожность, господа!..»

(Н.А. Некрасов)

У иных переводчиков и редакторов под огнём сдают нервы, и они начинают проявлять эту советуемую некрасовским героем осторожность: махнув рукой на автора (он всё равно перевода не прочтёт), заботиться лишь о том, чтобы перевод пришёлся по вкусу читателям.

Напрасно. Переводчик — посредник между автором и его иноязычным читателем. Одна из трудностей этой работы — по возможности соблюсти интересы обеих сторон, не нанеся ущерба ни одной ни другой. Изменять облик автора в угоду читателю — нарушение интересов первого: если бы тот хотел обладать чертами, которые приписал ему переводчик, он бы и сам об этом позаботился.

Пока всё просто. Трудности начинаются с вопроса: как поступать переводчику, если автор где-то допускает ошибку? Втихомолку исправить? Не будет ли это тем

Анализ практики

самым искажением облика автора? Оставить как есть? А потом сносить злорадство критиканов, которые не преминут поставить ошибку в вину переводчику («да не спросят, вот беда»)?

На этот случай есть у переводчиков приписка-выручалочка: «Всё зависит от контекста». Фраза — если ею объяснение ограничивается — в сущности, препустейшая: что в переводе не зависит от контекста? Это как если бы вы спросили у врача, почему у вас сердце болит, а в ответ услышали: «Потому что у вас организм не в порядке».

Полезнее разобраться, какие именно параметры контекста подсказывают то или иное решение.

Первое, что в таких случаях необходимо выяснить: а в самом ли деле это ошибка.

В романе В.В. Ерофеева «Москва — Петушки» есть такое место:

Волосы мои развеваются на ветру, то дыбом встают, то развеваются снова. Такси обтекают меня со всех четырёх сторон. Люди — тоже, и смотрят так дико: думают, наверное, — извять его вот так, в назидание народам древности, или не извять?

Американский переводчик романа поправил авторскую «оговорку»:

My hair one moment flying in the wind, now standing on end, now flying again with taxis flowing around me on all four sides. People, too, and they look at me wildly, undoubtedly thinking, "Should he be sculpted like that for the edification of the people of the future, or not?"

Как писала о подобных случаях Н.Я. Галь: «Когда Твен острит: "Кенгуру и прочие жесткокрылые", зря корректор всерьёз пишет: "Проверить, относятся ли кенгуру к разряду жесткокрылых!"» Автор по своему обыкновению обыгрывает в звуках навязший штамп «народы древности». Переводчик со штампом незнаком, и ему чудится, что автор попросту оговорился.

Но тут преднамеренность «оговорки» сомнений не вызывает — по крайней мере, у носителей языка оригинала (переводчик совершил тот же промах, что его датский

коллега из фильма «Осенний марафон», решивший, что «облизьяна» у Достоевского — это «плохая печать»). Бывают случаи, когда умышленность ошибки не так очевидна.

В своё время Э. Уилсон, познакомившись в рукописи с романом В.В. Набокова «Пнин», послал автору письмо, где указывал на множество нарушений норм английской грамматики и узуса. Тем не менее Набоков не внёс в окончательный текст ни одной поправки, сделанной Уилсоном. Писатель как бы отстаивал своё право на ошибки. Трудно сказать, чем это было вызвано — авторским ли самолюбием или определённой стилистической задачей. (Когда Уилсон упрекнул Набокова в том, что, как видно из его перевода стихотворения «Белеет парус одинокий», русский писатель не в ладах с английским сослагательным наклонением, Набоков ответил: «*Was* в последней строке поставлено нарочно: *there were* показалось мне неблагозвучным и вялым»¹). Так или иначе, преднамеренность ошибок в «Пнине» не почувствовал даже носитель языка оригинала.

Иногда при переводе приходится сомневаться в умышленности не только речевых, но и фактических ошибок. Переводя роман Т. Шарпа «Блотт в помощь» («*Blott on the Landscape*»), я задумался над местом, где леди Мод грозит супругу, что его постигнет страшная участь английского короля Эдуарда III, и ссылается на трагедию Шекспира «Эдуард III». Однако настоящий автор этой трагедии — не Шекспир, а его современник К. Марло. Совершил ли писатель нечаянную ошибку или решил посмеяться над куцей эрудицией своей героини? Скорее всего, второе: маловероятно, что автор, преподававший историю в Кембридже, перепутает Шекспира и Марло. Выходит, ляп героини следовало передать. Но далеко не все читатели перевода поняли

¹ *The Nabokov-Wilson Letters. Correspondence between Vladimir Nabokov and Edmund Wilson. 1940–1971* — Harper & Row, N.Y., 1979, p. 199.

бы, что это именно ляп (в отличие от англоязычных читателей, которым история своей литературы известна, разумеется, лучше). Пришлось снабдить фразу леди Мод примечанием переводчика с соответствующим объяснением.

Но если ошибка оказывается мнимой, если это не ошибка, а «ошибка», если на самом деле такова был замысел автора, то подобные случаи надо рассматривать в связи с вопросом о передаче в переводе авторского намерения². Это отдельная тема. У нас же речь идёт об ошибках нечаянных. Конечно, ругаться за намерение автора может только сам автор, и прежде чем делать вывод об умышленности или неумышленности, необходимо взвесить все сопутствующие обстоятельства. Так, в другой книге, которую я переводил, герой, случайно коснувшись тела неожиданно появившейся перед ним женщины, ощутил “a stunning blow like that emitted by Moray eel from under its boulder to unsuspecting marine explorer”. Мурена (Moray eel), как известно, электричеством не поражает. Отметим, что описание это встречается в авторской речи, так что ошибку эту мог совершить лишь автор. Никаких намёков на её преднамеренность в тексте не содержалось. Поэтому я попросту поправил неточность: «...ошеломляющий удар, каким укрывшийся меж камней *электрический угорь* поражает неосторожного исследователя морского дна».

² Пример слишком уж беспечного обращения со словом «ошибка» (правда, ошибка не автора, а переводчика) – опубликованная в прошлом номере «Мостов» статья О.М. Делендика «Креститель или Христитель? Об одной ошибке в переводах Евангелий». Видно, автор статьи ни на минуту не сомневается, что солунские братья так плохо знали греческий и славянский языки, что напортачили в переводе почтнее первокурсников. На самом деле совершенно очевидно, что выбор слова «крещение» в переводе вполне сознателен, и логичнее было бы задаться вопросом, чем именно этот выбор обусловлен. Но О.М. Делендик вместо этого предлагает исправить «ошибку» солунских недоучек при помощи эквивалента, предложенного «корифеем перевода Библии И. Огнненко», хотя предложенный эквивалент так же далёк от значения греческого слова, содержащегося в оригинале.

Итак, ошибки без кавычек. Технически задача решается просто: ошибка либо исправляется, либо сохраняется, либо исправленный или сохранённый вариант сопровождается примечанием переводчика. Чтобы сделать окончательный выбор, надо соотнести по меньшей мере три фактора: **характер ошибки, характер текста и цель перевода.**

Что касается характера ошибок, интересная и продуманная типология их приведена в статье Д.М. Бузаджи «Белые нитки. Логические аспекты перевода» («Мосты», 3/11, 2006). Правда, тема упомянутой статьи – ошибки переводчиков, но логические связи, на основании которых выведена типология, присутствуют в любом тексте, будь то оригинал или перевод. Позволю себе лишь несколько упростить эту типологию применительно к теме своей статьи. Я бы разделил возможные ошибки на фактические (в классификации Д.М. Бузаджи – нарушение общей и специальной логичности), ситуативные (нарушение частной логичности: «нарушение логики в рамках того или иного отрезка текста») и речевые (нарушение понятийной логичности).

Кроме того, надо учитывать и степень тяжести каждой ошибки – то есть то, насколько её сохранение скажется на достижении предполагаемой цели коммуникации. Отсюда и необходимость принять в расчёт параметры текста, по которым можно судить об этой цели: жанровая принадлежность, тематика, способ осуществления перевода (письменный или устный), статус текста по степени официальности.

Когда в романе современного американского писателя герой, неожиданно появившийся в доме своего врага, сравнивается с “the Archangel come to declare the end of the world in the Book of Apocalypse”, я понимаю, что на самом деле автор имел в виду не архангела, а ангела (архангелы в канонических переводах Библии упоминаются лишь дважды и оба раза не в Апокалипсисе), и перевожу: «словно ангел Апокалипсиса, явившийся возвестить наступление Судно-

го дня». Иное дело, если бы такой же случай встретился мне при переводе серьезного богословского труда. Тут можно вспомнить приведённый выше пример с Шекспиром и Марло в романе Т. Шарпа: если такое говорит специалист, может, это не ошибка, а «ошибка»? Лучше всего в таких случаях при возможности связаться с автором и поделиться сомнениями с ним. Если же такой возможности нет, я бы оставил в переводе «архангела» и поделился сомнениями с читателями в примечании переводчика.

Коллеги могут возразить: «А почему это я должен исправлять авторскую небрежность? Пусть сам за себя отвечает». Увы, читатели современного бестселлера не станут вникать, чья это небрежность — автора или переводчика. «Оправдаться есть возможность, да не спросят — вот беда». Давать же сноску в переводе романа по такому пустяковому поводу, будет, пожалуй, чересчур.

Возможен и третий случай: если бы перевод этого же романа выполнялся с соблюдением требований, предъявляемых в научных изданиях — скажем, для серии «Литературные памятники», где от переводчика ожидается большая формальная точность (не подходящая, впрочем, до буквализма), а текст перевода сопровождается обстоятельными комментариями. Тут, разумеется, ошибка непременно должна быть воспроизведена и отражена в комментариях. Научный перевод преследует иную цель, чем перевод, предназначенный для широкой аудитории.

Ещё пример. Он относится уже к переводу публицистики. Однажды на занятиях студенты переводили статью из английской газеты, где автор мимоходом — в месте, не имеющем прямого отношения к теме статьи, — упоминает книгу Саймона Винчестера *“The Map That Changed the World — about Michael Smith and the first geological map”*. К моей преподавательской радости, обнаружилось, что кое-кто из студентов уже

приобрёл столь нужный переводчику навык проверки информации и выяснил, что автор статьи допустил ошибку: имя знаменитого картографа не Майкл Смит, а Уильям Смит. В сущности, ошибка эта сродни оговорке: журналистка книгу явно читала. Если бы перевод выполнялся для тех же условий, для которых был создан оригинал (публикация в периодическом издании), уличать автора в неточности значило бы отвлекать читателя несущественной подробностью, так что разумнее всего в этом случае будет лишь незаметно поправить ошибку, как в случае с муреной.

А совсем на днях, переводя статью издателя одного околослянцевого журнала для его русской версии, я столкнулся с другим казусом. Автор рассказывает, как лихо он расталкивает на улицах юнцов в наушниках и при этом испытывает “the pleasure Alexander must have felt as he sacked Carthage”. Речь явно идет об Александре Македонском, но дело в том, что взятие Карфагена в число его завоеваний не входило (были такие намерения, но полководец умер, не успев их осуществить). Тут скорее не оговорка, а прямая ошибка: вероятно, желая свести вместе два громких имени собственных (Александр Македонский, Карфаген), автор махнул рукой на факты истории. Я решил и здесь обойтись без сноски (представляете себе «примечания переводчика» в глянцево-журнале?) и всего лишь подобрать более подходящее историческое событие: «Я в душе ликую, словно Александр Македонский, разгромивший персидскую армию».

Уже эти немногочисленные примеры помогают уточнить перечисленные выше факторы, подсказывающие решение. Говоря о характере текста, надо иметь в виду, прежде всего, его коммуникативно-прагматическую направленность (принадлежность к художественной литературе, публицистике, научным исследованиям и пр.), а также непосредственный контекст (в разобраных примерах было важно, встреча-

лась ли ошибка в авторской речи или в речи героя произведения). Что касается характера ошибки, следует учитывать как её отнесенность к фактическим, речевым или ситуативным, так и степень серьезности (одно дело, когда это ошибка в сравнении для красного словца, как в последнем примере, другое – когда она прямо касается темы переводимого текста).

Но до сих пор речь шла исключительно о письменном переводе. При устном переводе картина значительно усложняется – во многом потому, что подлежащие учёту параметры коммуникативной ситуации (характер аудитории, коммуникативное намерение отправителя и пр.) могут меняться на ходу и переводчику приходится постоянно быть начеку. Поскольку заниматься устным переводом в последнее время мне приходится лишь в случае крайней необходимости, сошлюсь на мнение специалистов. Известная переводчица Линн Виссон, основываясь на своём опыте работы в ООН, ответила на вопрос об ошибках говорящего так:

Синхронисты часто встречаются с такими проблемами. Например, идёт обсуждение заявления председателя (Presidential statement) в Совете безопасности, а оратор говорит о «резолюции» (the resolution we're now discussing). В таких случаях, как так делегаты или их помощники иногда слушают перевод, переводчик может сказать: "the resolution (says the distinguished delegate)" или "the delegate says, 'the resolution'". Таким образом он а) повторяет то, что сказано, и б) указывает на то, что он, переводчик, понимает, что это ошибка со стороны делегата – публика тогда не будет винить в этой ошибке переводчика³.

³ Совсем недавняя история такого рода, рассказанная Л. Виссон. В мае этого года на заседании Совета безопасности ООН, посвящённом борьбе с терроризмом, французский делегат обратился к председателю (представителю Великобритании) не "Monsieur le président", как полагается, а "Monsieur le terroriste". По залу прокатился смех, а сконфуженный делегат забормотал, что он ни на что такое не намекал, что он оговорился и т.п. Сидевшая в будке синхронистов Л. Виссон обращенне оратора, разумеется, не перевела, а извинения прокомментировала: «Делегат исправляет своё высказывание». Рассказав эту историю, Л. Виссон добавила: «Счастье, что оговорился делегат, а не переводчик».

Можно сказать, что вносимые переводчиком оговорки («как сказал делегат») выполняют в устном тексте ту же функцию, что примечания переводчика в письменном.

П.Р. Палажченко, отвечая на этот же вопрос, описал иную коммуникативную ситуацию: не выступление с высокой трибуны, а переговоры, где переводчик в первую очередь представляет одну из сторон и имеет возможность обращаться к говорящему за уточнением:

Переводить ли явно ошибочное высказывание (оговорку, неточность, высказывание, противоречащее официальной позиции) «своего» («чужого») участника беседы?

Как член команды вы должны внимательно относиться к содержанию сказанного вашей делегацией. Если в переводимом высказывании содержится ошибка, то важно оценить, что это такое – оговорка или новая позиция, или, скажем, «пробный шар», который потом можно дезавуировать. Рецептов на все случаи жизни дать нельзя, но если вы на сто процентов уверены, что это оговорка – поправляйте оратора, переводите, как считаете правильным (т.е. то, что, по вашему разумению, имел в виду сказать оратор). Классический пример – Азербайджан вместо Афганистана. Или миллион вместо миллиарда. Если не уверены – лучше переспросить. В принципе та же стратегия – и при переводе высказывания другой стороны или при переводе нейтральным переводчиком. Просто степень внимания к соответствию сказанного официальной позиции здесь несколько меньше.

Если вы на 100% уверены, что нарушение позиции является осознанным и преднамеренным – надо переводить то, что услышали, при этом никак не смягчая и не модулируя сказанное – даже если у вас есть сомнения в правильности этой новой позиции. Вообще в ходе перевода лучше отвлечься от оценки поведения, тактики и переговорных умений руководителя, хотя по своему опыту могу сказать, что это не всегда легко.

Нужно ли вырывать вашего клиента, попытаться обратить его внимание на несообразность сказанного – трудный вопрос. Если ситуация возникла на переговорах в присутствии других участников с вашей стороны, то лучше предоставить такую возможность им. Если наедине – то можно попробовать. Специфический и исключительный случай – высказывания подобного рода под влиянием алкоголя. Здесь очень трудно давать советы, но мне кажется, что по крайней мере иногда переводчик может сыграть здесь спасительную роль.

Анализ практики

Если вспомнить приведённую выше классификацию типов ошибок, можно переформулировать этот ответ так. Ситуативные ошибки (нарушение «соответствия сказанного официальной позиции») наиболее коварны, поскольку они могут быть следствием определённого замысла, не ошибками, а «ошибками» (ведь переводчик ещё не знает, как собирается говорящий строить дальнейший разговор), поэтому их исправление допустимо лишь в крайнем случае. Почти то же самое можно сказать о фактических ошибках, хотя тут поправка на возможные оговорки несколько больше («Азербайджан» вместо «Афганистана»). О речевых ошибках в этом ответе, в сущности, ничего не сказано, однако практика показывает, что переводчики всё-таки придают подчас грамматически бессвязной речи клиента более-менее завершённый вид и исправляют заведомые оговорки и небрежности.

Эти разборы свидетельствуют: затронутая тема настолько сложна, что дать ей полное освещение возможно лишь в рамках специальной теории перевода («раздел лингвистической теории перевода, изучающий особенности процесса перевода текстов разного типа и влияние на этот процесс речевых форм и условий его осуществления»⁴), поскольку значимость и набор фак-

торов, определяющих решение, будут при переходе от одного вида перевода к другому несколько меняться. Так, Б.Н. Климзо в статье «Ещё раз о проблеме уточнения автора переводчиком» («Мосты», 3/11, 2006) рассмотрел этот вопрос применительно к техническому переводу. Цель же этой статьи — показать, какие вообще факторы приходится принимать в расчёт.

Как относятся к исправлениям ошибок сами авторы? Что ж, авторы бывают разные. Коллега, переведивший книгу немецкого искусствоведа, рассказывал, что автор, немного знавший русский язык, был так уверен в своих познаниях, что даже решил поправить перевод: вместо «...словно агнец, обречённый на заклятие» (как было переведено), написал: «как агнец, положенный для закалывания». К счастью, переводчику удалось его переубедить.

А с другой стороны, как приятно было читать в письме автора, чью книгу я когда-то переводил: «Переводчики — мои лучшие друзья. Вон недавно мои французские переводчики у меня ошибку нашли». Хорошо, когда автор понимает, что лучший друг — это не тот, кто всё время поддакивает.

⁴ В.Н. Комиссаров. «Современное переводоведение» — М.: ЭТС, 2001 — с. 413.

Об искусстве перевода

И.С. Тургенев, из статьи «Фауст, трагедия, соч. Гёте» (1845)

Многие, не совсем бездарные, но и не даровитые люди охотно принимаются за переводы; переводя, они избавляются от необходимости прибегать к собственной изобретательности (которая, может быть, уже не раз изменила им); они имеют перед собой готовый материал, и между тем, всё же, они как будто создают, как будто сочиняют. Но не такими воображаем мы себе истинно хороших переводчиков. Такие натуры попадаются довольно редко.

Их нельзя назвать самостоятельными талантами, но они одарены глубоким и верным пониманием красоты, уже выраженной другим, способностью поэтически воспроизводить впечатления, производимые на них любимым поэтом; элемент восприимчивости преобладает в них, и собственный их творческий дар отзывается страдательностью, необходимостью опоры.

Клинические исследования – новая ниша для переводчика

О.Н. Лукинская

Фармацевтическая индустрия растёт и развивается очень быстро, на российский рынок выходит всё больше компаний, так или иначе связанных с фармакологией. Это компании, которые ценят своих сотрудников, предоставляют хорошие условия работы и достойную компенсацию. Работа в фармбизнесе становится такой же престижной, как и работа в крупных юридических или даже нефтяных компаниях. Кроме того, понятно, что эта индустрия и дальше будет развиваться, потому что, к сожалению, люди продолжают болеть и нуждаться в лекарствах.

Всё чаще встречаются объявления о поиске переводчиков, владеющих терминологией клинических исследований. Для того чтобы комфортно чувствовать себя, столкнувшись с текстом на эту тему, нужно понимать, как вообще проходят испытания новых лекарственных средств. Попробуем разобраться, что же такое клиническое исследование (*clinical study, clinical trial*), обращая внимание на наиболее распространённые термины и их перевод.

Клиническое исследование – это изучение безопасности (*safety*) и эффективности (*efficacy*) лекарственного препарата при его применении у людей.

Все клинические исследования обязательно проводятся в соответствии с «Руководством по добросовестной клинической практике» – *GCP* (полностью оно называется *ICH GCP*, то есть *International Conference on Harmonisation Good Clinical Practice*). В российской практике клинических исследований это название переводится редко, в переписке и разговорной речи обычно используется английская аббревиатура *GCP*.

Главный принцип при проведении клинических исследований – это безопасность и защищённость пациента. Безусловно, пациент (*subject of clinical trial*) должен знать, какие процедуры (*procedures*) ему предстоят в ходе исследования, сколько раз придётся приходить в клинику или исследовательский центр (*study site, investigational site*), что представляет собой исследуемый препарат (*investigational product*). Поэтому важнейшим процессом при включении (*recruitment*) пациента в исследование является информированное согласие (*Informed Consent*). В ходе этого процесса пациент внимательно читает информацию об исследовании, может посоветоваться с родственниками и близкими, а затем, если у него нет возражений, подписывает и датирует форму информированного согласия (*Informed Consent Form, ICF*).

Только после этого пациента можно включить в исследование. Первый визит пациента – это так называемый визит скрининга (*screening visit*). Во время этого посещения проводится осмотр, выясняется анамнез (*medical history*), берутся образцы, например, крови и мочи (*blood and urine samples*) для анализов, проводятся другие необходимые обследования, чтобы определить, подходит ли этот пациент для участия в данном исследовании. Критерии включения (*inclusion criteria*) и исключения (*exclusion criteria*) подробно описаны в главном документе исследования – протоколе (*study protocol*). Протокол содержит такую информацию, как дизайн исследования (*study design*), расписание процедур (*schedule*), процедуры репортирования в случае нежелательных явлений (*adverse events*).

Следующее посещение пациента – это визит рандомизации (*randomization visit*). Именно на этом визите исследователь принимает окончательное решение о включении пациента в исследование и о выдаче ему исследуемого препарата (*IP, investigational product*). Процесс рандомизации, то есть распределения пациента в одну из групп, происходит «по принципу подбрасывания монетки», то есть случайным образом. В большинстве современных исследований это делает электронная система, которая назначает пациенту флакон (или другую форму) препарата, называя лишь его номер. При этом ни врач, ни пациент не знают, что именно назначено – активный препарат или плацебо (*placebo*). Такое исследование называется двойным слепым (*double-blind study*). Кроме того, проводятся слепые исследования (*single-blind studies*) и исследования с применением двух плацебо (*double-dummy studies*).

На протяжении всего исследования врач тщательно отслеживает любые нежелательные явления, НЯ (*adverse events, AE*) и серьёзные нежелательные явления, СНЯ (*serious adverse events, SAE*). К нежелательным явлениям относится любое отклонение от нормы, недомогание, изменение лабораторных результатов (например, царапина, головная боль и т.д.). Если в результате нежелательного явления пациента госпитализировали, он утратил работоспособность, его жизнь была под угрозой или он умер, то НЯ превращается в СНЯ, то есть расценивается как серьёзное. НЯ и СНЯ могут приводить или не приводить к выбыванию (*withdrawal*) пациента из исследования, могут быть связанными или не связанными с исследуемым препаратом (*drug-related* или *non drug-related*). Если исследование слепое, а врач считает необходимым узнать, что принимал пациент (например, если возникла острая аллергическая реакция), то проводится разослепление (*unblinding*).

Документы, помимо протокола, которыми пользуются врачи-исследователи (*investigators, site staff*) – это Брошюра исследователя (*Investigator Brochure*) и Руко-

водство по выполнению процедур исследования (*Study Procedure Manual*). Брошюра исследователя в большинстве случаев совсем не похожа на брошюру; это документ, в котором на 100–200 страницах изложена информация о препарате, о его изучении в лаборатории и на животных. В Руководстве содержится подробное описание процедур – как брать кровь, как делать снимки, по какому адресу их отправлять и так далее.

Принимая пациента, врач-исследователь, как обычно, ведёт историю болезни. Все документы, в которых важная информация (жалобы пациента, симптомы, результаты анализов) появляется впервые, называются первичной документацией (*source documents*). В случае аудита (*audit*) или инспекции (*inspection*), то есть независимой проверки, именно первичная документация подлежит тщательному изучению. Записи должны свидетельствовать о том, что права пациента не нарушены, все процедуры сделаны именно так, как требует протокол, а данные разных первичных документов совпадают. К первичной документации относится история болезни (*medical history*), лабораторные отчёты (*lab reports*), отчёты ЭКГ (*ECG reports*), рентгенограммы (*radiographs*), компьютерные томограммы (*CT scans*) и другие документы.

Как же врачи-исследователи передают необходимую информацию компании, которая производит препарат и проводит его испытания? Ведь первичная документация не может быть отправлена куда-либо из исследовательского центра (*investigator site*). Для этого существует так называемая индивидуальная регистрационная карта пациента, или ИРК (*case record form, CRF*). ИРК может быть бумажной (после заполнения её отправляют курьером в фармацевтическую компанию, оставив копию) или электронной (данные вносятся в специальную программу в Интернете). В настоящее время чаще используются электронные ИРК (*eCRF*).

Исследователи обязаны вести строгий учёт исследуемого препарата. Для этого они заполняют особые учётные формы – так называемые логи (*logs*). Слово *log* обычно

переводят как «журнал», однако в сфере клинических исследований в России уже прижилось и широко используется слово «лог». Возможно, это связано с тем, что английский — основной язык клинических исследований, и все документы, кроме истории болезни, ведутся на английском языке.

Другое слово, вызывающее затруднение переводчиков, — *compliance*. Пожалуй, наиболее подходящим эквивалентом можно считать слово «приверженность». Однако для нас это скорее качественное, чем количественное, понятие, которое означает выполнение правил, обещаний, рекомендаций. *Compliance* же можно подсчитать. Например, если пациент должен был принять 100 таблеток в течение месяца, а принял 80, то его *compliance* составляет 80%. К сожалению, из-за отсутствия точного эквивалента в русском языке, всё чаще встречается такой перевод, как «комплайнс» или даже «комплаентность». Пожалуй, в данном случае нужно ориентироваться на норму, принятую в компании, для которой предназначен перевод.

Как происходит проверка работы исследователей? Как убедиться, что они не совершают ошибок, чётко следуют протоколу,

вовремя и правильно отвечают на уточняющие запросы (*queries, или data clarification forms, DSFs*)? Для этого проводится мониторинг исследовательских центров (*monitoring*). Человек, который регулярно приезжает в исследовательский центр для проверки, называется монитором исследований (*study monitor*). Есть и более красивое название — *CRA, clinical research associate* (специалист по клиническим исследованиям). Монитор и *CRA* — синонимы. В обязанности монитора входит не только проверка качества документов, но и помощь исследователям. Монитор может быть сотрудником фармкомпании, которая производит исследуемый продукт, или контрактной исследовательской организации (*contract research organization, CRO*), то есть компании, нанятой именно для контроля качества проводимого исследования.

Безусловно, в короткой статье невозможно раскрыть все секреты клинических исследований. Однако понимание даже базовых принципов позволит переводчикам не бояться предложений, поступающих от фармкомпаний и контрактных исследовательских организаций, а значит, освоить новую нишу в своей профессии.

Переводить, толковать или оставлять?

Е. В. Юшина

Мировая экономическая ситуация меняется стремительно. Ряд кризисных явлений, прежде всего в экономике США, не сходит с первых страниц в СМИ. На страницах финансово-экономических журналов и газет идёт бурное обсуждение серьёзных потрясений на рынках ипотечного кредитования, ликвидности и в банков-

ском секторе. Рука об руку со всеми перечисленными явлениями и их последствиями идёт наплыв новых терминов и терминологических словосочетаний.

В отношении перевода новых терминов в таких солидных изданиях для специалистов, как *Business & FM, Business Guide*, и др., наблюдается совершенно определённая

тенденция отказа от транскрипции, транслитерации и калек. Авторы статей оставляют сокращения, термины и терминологические словосочетания в английском варианте, снабжая их при первом упоминании в тексте подробным разъяснением — толкованием.

Приведу несколько примеров. Ежедневная газета *Business and Financial Markets* публикует информацию о планах ФРС США предотвратить надвигающуюся рецессию: «Очередной план спасения получил название **Term Securities Lending Facility (TSLF)**... с марта в рамках еженедельных аукционов банки смогут получить кредиты в виде казначейских облигаций (**US Treasuries**) США сроком 28 дней. (Залогом будут выступать не только казначейские векселя и государственные ипотечные бумаги, но и коммерческие ипотечные облигации с рейтингом AAA/Aaa)». Таким образом, разъяснение выводит нас на следующий перевод названия **Term Securities Lending Facility** — «план/программа кредитования банков казначейскими ценными бумагами с ограниченным сроком погашения». Вряд ли такой длинный вариант перевода приживётся. Действительно, целесообразнее дать его один раз в начале текста, далее используя английское сокращение **TSLF**.

В этом же номере газеты читаем: «Национализация долгов обвалила **US Treasuries**». В первом предложении автор поясняет, что же такое **US Treasuries**, представляя перевод термина: «ФРС США устроила переворот на рынке **US Treasuries**, приняв решение предоставить банкам дополнительную ликвидность в виде гособлигаций в обмен на частные бонды». Далее по тексту использовано сокращение **UST**. Конечно, трудно себе представить использование в тексте подробного, точного, но слишком громоздкого перевода «казначейские ценные бумаги правительства США», не используешь здесь и соответствующее этому явлению сокращение **ОФЗ**, используемое

применительно к ценным бумагам российского рынка.

Из области биржевой лексики приведу ещё один пример, коих бесчисленное множество: «Началось закрытие коротких позиций усилиями мелких спекулянтов, так называемое **relief rally**». В деле «спасения» буксующих экономик ведущих западных стран всё более активное участие принимают **private equity funds** или **private equity businesses**. На данный момент словарь Б. Фёдорова предлагает единственный перевод — толкование **private equity businesses** «деятельность по приобретению существенных частей в компаниях на основе проработки проекта и договорённостей с основными акционерами (в отличие от простого приобретения на вторичном рынке пакетов ликвидных ценных бумаг)». Разумеется, такой длинный вариант, описывающий структуру сделки, можно применить в тексте единожды, предположим, в сноске, а в самом тексте оставить **private equity**. Но есть удачный вариант, предложенный в пособии «Организация управления инвестициями» (**Cadogan Financial**), — частные портфели (так именуется в пособии один из типов инвестиционных фондов). «Частные портфели — категория фондов, представляющая собой портфели акций, принадлежащие обеспеченным гражданам или группе граждан; куплены по их поручению». Какой из этих вариантов предпочтёт переводчик, решать ему самому, но искать наиболее удачный перевод **private equity** надо. Журнал *The Economist* по поводу этого явления пишет: “The expansion of private equity will become an increasingly global phenomenon, and this will happen faster than commonly thought”.

Надо отметить, что использование в переведённом тексте оригинальных английских терминов и терминологических словосочетаний характерно не только для финансовой, биржевой и других экономических областей. Аналогичные и не менее

интересные примеры можно привести и из области рынка строительства жилья и коммерческой недвижимости.

В США сейчас очень популярен так называемый **de-malling**, т.е. разукрупнение торговых центров (моллов) и выведение торговых точек из-под одной крыши с последующим расположением их на торговой улице – **street retailing**. При этом необходимо, по словам американских застройщиков и архитекторов, на такой торговой улочке (**The High Street**) расположить и особо выделить так называемые **anchor centers** («якорные центры»), или небольшие средоточия наиболее популярных торговых марок. Эти явления американской действительности в области строительства объясняются перенасыщением рынка крупными ТРЦ. Мы пока ещё не находимся на этой стадии развития. А, следовательно, нет явлений, нет и терминов!

Ещё один интересный пример из журнала *Business Guide*: «...с другой стороны, отечественные девелоперы с успехом освоили такой бизнес-формат, как **resort dwelling**, т.е. жильё для отдыха, которое строится прямо на территории курортов и стоит значительно дороже аналогичного, но за рубежом». Какой перевод появится и утвердится вместе с появлением и утверждением этой новой формы жилья: «курортные дома», «жильё в курортной зоне» или что-нибудь ещё, и утвердится ли вообще?

Ясно одно, пока явление не станет общераспространённым, и не будет являться неотъемлемой частью нашей действительности, адекватного перевода не найти. Будем ждать!

Такое «ожидание» вовсе не является пассивной позицией переводчика. В период ожидания переводчику, разумеется, следует вести неутомимый поиск наиболее удачного варианта перевода термина. Помоему, если переводчику нечего предложить, кроме транслитерации, транскрипции или кальки, лучше подождать, пока

специалист подберёт удачный эквивалент, а, возможно, найдёт аналог. Такие «предложения» со стороны специалистов, как показывает практика, не заставляют себя ждать.

Я приведу здесь всего лишь два наиболее ярких примера (а их великое множество). Вместо двух, с моей точки зрения, не очень удачных калек суверенные фонды (**sovereign wealth funds**) и субстандартное ипотечное кредитование (**subprime mortgage**), *РБК daily* и журнал *Итоги*, всего лишь, через 1,5–2 месяца после появления предложенных переводчиками вариантов, выдвигают свои, гораздо точнее передающие значение этих терминов.

По поводу суверенных фондов *Итоги* пишут: «Первый в России суверенный фонд, как стало известно «Итогам», появится не ранее 1 октября 2008 года. Основной Государственной инвестиционной компании станет Фонд национального благосостояния». Далее везде по тексту используется Государственная инвестиционная компания.

В отношении субстандартного ипотечного кредитования «РБК daily» предлагает, по-моему, самый удачный вариант перевода рискованное ипотечное кредитование: «Citygroup является одним из наиболее пострадавших банков в ходе мирового финансового кризиса: только в четвёртом квартале 2007 года он был вынужден списать активы, связанные с рискованными ипотечными кредитами, на сумму 18,1 млрд долл.».

Разумеется, переводчик должен предлагать свои варианты, но в специальном переводе последнее слово всё же должно принадлежать специалисту.

Игра с клюшкой и шайбой – взгляд знатока

В.Л. Звонков

В номере 1 (13) / 2007 журнала «Мосты» была опубликована статья А.Г. Азова «Игра в мяч – взгляд непрофессионала», посвящённая бейсболу, которая меня весьма заинтересовала. Мои познания в области этой самой американской игры до недавнего времени были весьма поверхностны. Знакомство с ней началось с прочтения знаменитого романа «Пролетая над гнездом кукушки» (*One Flew Over the Cuckoo's Nest*) Кена Кизи (*Ken Kesey*). Случилось это в 1977 г., когда я учился на II курсе МГПИИЯ им. Мориса Тореза. Спустя 10 лет удалось посмотреть одноимённый многооскарный (пять основных призов) кинохит Милоша Формана (*Miloš Forman*), в котором роль Рэндала Патрика Макмерфи (*Randle Patrick McMurphy*), бросившего вызов жестокой системе в лице «Большой сестры», сыграл непревзойдённый Джек Николсон (*Jack Nicholson*). Его импровизированный репортаж бейсбольного матча «Уорлд сириз» считается одним из лучших эпизодов в фильме. Естественно, произносимые им с пулемётной скоростью фразы были для меня по существу китайской грамотой.

В 1978 г. группа студентов МГПИИЯ, среди которых был и я, находилась на стажировке в университете штата Нью-Йорк в г. Олбани. Одним из самых популярных музыкальных альбомов в США в то время был *Bat out of Hell*, который годом ранее записал американский певец и музыкант Марвин Ли Адей (*Marvin Lee Aday*), более известный под прозвищем *Meat Loaf*. Чаше всего из комнат общежитий на кампусе зву-

чала песня *Paradise by the Dashboard Light*. Её содержание было предельно откровенным, что подтверждали и звуковые эффекты. Американские сверстники пояснили, что бейсбольная терминология содержит в себе немало сексуальных метафор. (Бейсбол и секс – это отдельная тема. В Интернете можно найти несколько статей, посвящённых ей.)

Вышеназванная статья расширила мои познания. Не ограничившись прочитанным, я зашёл на один из моих любимых сайтов www.wikipedia.com и проштудировал найденный материал, посвящённый бейсболу. Нельзя сказать, что теперь я знаю бейсбол на уровне специалиста, но определённо можно сказать, что игра перестала быть для меня загадкой. Так что, пользуясь случаем, хочу поблагодарить автора. В заслугу ему можно поставить и приведённый им список слов и фразеологических оборотов, пришедших в разговорный английский язык из бейсбола.

Как автору «Англо-русского энциклопедического словаря хоккейной терминологии»^{*} редакцией журнала «Мосты» мне было предложено написать нечто подобное, посвящённое хоккею. Это стало бы и своего рода анонсом выхода словаря.

Правда, нужно сказать, что моя статья по структуре однозначно не может быть такой же, как статья А.Г. Азова. Хоккей всё же не является для многих тайной за семью печатями хотя бы потому, что он проше-

^{*}Выпуск его планируется осенью-зимой 2008/2009 гг. в изд. «Р.Валент».

Также список слов и фразеологических оборотов, пришедших в разговорный английский язык из хоккея, намного скромнее. Причина, думаю, ясна. В США по популярности хоккей значительно уступает бейсболу, американскому футболу, баскетболу, скачкам. В Великобритании он вообще находится на задворках, хотя именно англичане культивировали его в XIX веке на земле одной из своих колоний. Этой колонией была Канада, где хоккей по-прежнему является спортом № 1. Саму Канаду один обозреватель «Спорте иллюстриейт» (*Sports Illustrated*) назвал «раем хоккейных болельщиков» (*puckhead paradise*).

Итак, приведу несколько примеров употребления хоккейных терминов в нехоккейной среде.

С чего начинается игра, или матч, что следует после забитого гола, проброса шайбы, вылета её за пределы площадки? Правильно, вбрасывание. Английским эквивалентом этого термина является *face-off*. (Не исключаю, что эту статью читают и те, кто знают правила игры не понаслышке, поэтому, чтобы не уронить себя в их глазах, спешу уточнить, что не каждый проброс, или айсинг, приводит к вбрасыванию.) Уверен, что многие смотрели известный триллер *Face/Off* с Джоном Траволтой (*John Travolta*) и Николасом Кейджем (*Nicholas Cage*), вышедший в 1997 г. В названии, которое, безусловно, нужно переводить как «Противостояние», а не «Без лица», обыгрывается термин и сюжет. Кстати, не откажу себе в удовольствии привести пример конверсии, исключительно продуктивного в английском языке безаффиксального способа словообразования.

The puck shall be "faced-off" by the Referee or the linesman dropping the puck on the ice between the sticks of the players "facing-off".

Шайба вводится в игру главным или боковым судьёй, который должен бросить её на лёд между клюшками игроков, стоящих лицом друг к другу.

А вот название ещё одного менее известного триллера — *Sudden Death*. Он был снят двумя годами ранее, и главную роль в нём сыграл Жан-Клод Ван Дамм (*Jean-Claude Van Damme*). *Sudden death*, или «внезапная смерть» — это ситуация, когда в овертайме, или в добавленное время после 60 минут основного, забивается гол. Матч тут же останавливается, победителю присуждаются два очка, а проигравшему — одно. В розыгрыше плей-офф, или турнире с выбыванием, это приводит к изменению счёта в общей серии матчей или выбыванию из турнира проигравшего. Это правило пришло из НХЛ, и в настоящее время оно применяется практически повсеместно. Почему фильму было дано такое название, ясно из сюжета. Кстати, лучше, на мой взгляд, оригинальное название переводить как «Развязка».

Оставим мир кинематографа и окунёмся в политику (не лучшее ощущение, но куда же без неё).

В электронной версии газеты *The Christian Science Monitor* от 26 марта 2006 г. есть статья, которая называется *A GOP Faceoff over Illegal Immigration*. В ней, в частности, было написано следующее:

Senate majority leader Bill Frist and GOP Sen. Sam Brownback stood together on trade, war, judges, guns, energy, abortion, and war, but they are bookends in this week's debate on "earned" amnesty for illegal aliens — the toughest issue before the Senate this year.

Почему в этом предложении слово *war* употребляется дважды, остаётся загадкой, но оно (предложение) отражает суть противостояния между представляющими Республиканскую партию в Сенате США сторонниками консервативных и либеральных взглядов на незаконную иммиграцию.

Наверняка, многие ещё помнят печально знаменитые президентские выборы в США в 2000 г. Надругательством над здравым смыслом и пощёчиной большинству можно считать то, что, благодаря такому анахронизму, как коллегия выборщиков,

президентом страны стал кандидат, который получил на пятьсот с лишним тысяч меньше голосов избирателей, чем его соперник.

Освещал ход голосования 7 ноября 2000 г. один из самых популярных тележурналистов США Дэн Разер (*Dan Rather*). В 20:03 по восточному поясному времени он выдал в эфир следующее:

"It's believed to be extremely close in Pennsylvania. I'm prepared to say that they're playing what amounts to a sudden death overtime in Pennsylvania. It's that close."

Но, как многие знают, вопрос, кто займёт Белый дом на следующие четыре года, начал решаться во Флориде, губернатором которой был в то время родной брат одного из кандидатов. А развязка, или *sudden death*, наступила 12 декабря, когда Верховный суд США пятью голосами против четырёх отменил решение Верховного суда Флориды продолжить пересчёт голосов в этом штате. На следующий день американцы узнали имя нового президента. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения, но третье тысячелетие могло начаться несколько иначе. Однако то, что произошло в декабре 2000 г., имело определённое лингвистическое последствие. 20 января 2001 г., в день инаугурации 43-го президента США, тысячи его противников вышли с плакатами, на которых можно было прочесть *Hail to the Thief*. Так они обыграли название Президентского марша *Hail to the Chief*, написанного в виде марша в 1812 г. Джеймсом Сандерсоном (*James Sanderson*). Впоследствии даже появился сайт www.hail-to-the-thief.org, на котором можно прочитать критические статьи о руководстве США и проводимой им политике.

Используем популярное английское журналистское клише: *fast forward to 2008*. Опять високосный год, а значит, опять в США президентская кампания, праймериз, кокусиз, или закрытые праймериз. Наконец, «в первый вторник после второго понедельника ноября» американцы сделают

свой выбор. В любом случае высшую выборную должность в США впервые займет либо женщина, либо афроамериканец (у которого, правда, белая мать), либо самый великовозрастный кандидат (Рейган не в счёт, потому что в 1984 г. он был переизбран)*.

Как всегда, борьба проходит в напряжённой атмосфере, кандидаты не щадят не себя, ни соперников, или, используя хоккейную и боксёрскую терминологию, *they go gloves off*. Можно, используя карточный термин, сказать *they go for broke*. И не дай Бог, если кто-нибудь из кандидатов откажется участвовать в теледебатах.

В статье *London Daily Mail confirms Andy Martin's original expose about Barack Obama* на сайте www.politicalgateway.com можно прочитать:

Later today we will witness the extraordinary shootout in Selma, Alabama where supporters of Barry Obama and Hillary Rodham meet in a political shootout over the Black vote.

Shootout, точнее *penalty shootout*, — это также хоккейный термин, русским эквивалентом которого является «серия (после-матчевых) штрафных бросков». Что это такое, подробно объясняется в моём словаре. Попутно стоит заметить, что синонимом термина «штрафной бросок» является «буллит». И с этим словом нужно быть осторожным, поскольку ясно, что оно является ложным другом переводчика. В североамериканском хоккейном жаргоне *bullet* — это один из синонимов мощного броска. Кроме того, в английской хоккейной терминологии *shoot-out* означает «высокорезультативный матч». На официальном сайте НХЛ www.nhl.com можно прочитать статью, посвящённую матчу «Всех звёзд НХЛ» 2007 г., под заголовком *West takes wild All-Star shootout*. Матч закончился со счётом 12:9 в пользу команды Западной конференции.

* Когда писалась эта статья, ещё не было ясно, кто одержит победу в борьбе за выдвижение на пост президента от Демократической партии. Сейчас победитель уже известен.

Наконец, нельзя говорить, что *penalty shootout* — это сугубо хоккейный термин. Он употребляется также в футболе (соккере), хоккее на траве, водном поло.

Фразу *meet in a political shootout over the Black vote* в вышеуказанном примере можно перевести как «сойдутся в острой схватке за голоса темнокожих/чернокожих избирателей».

Два нижеследующих примера принадлежат канадским носителям английского языка.

The Prime Minister keeps icing the puck on Iraq, hoping the UN will pass a second resolution authorizing force before the U.S. goes in on its own.

Or is the government just ragging the puck here until the next election and if you happen to pull off a miracle and win the next election, then you will worry about it then.

В обоих случаях используемые в них сугубо хоккейные термины нужно интерпретировать как «тянуть время».

А вот название статьи *Managing a Shorthanded Summer* к политике отношения не имеет. В ней специалист даёт менеджерам рекомендации, как справляться с периодом летних отпусков, когда компании испытывают недостаток в рабочей силе.

В хоккее *shorthanded*, или *short-handed*, употребляется в различных словосочетаниях, например, *play shorthanded* означает «играть в численном меньшинстве», *shorthanded goal* — «гол, забитый в численном меньшинстве» в противоположность *power play goal* и *even-strength goal* — «гол, забитый в численном большинстве» и «гол, забитый при игре команд в равных составах».

И ещё один пример, связанный с политикой, а точнее с войной, но как писал знаменитый прусский военный теоретик генерал Карл фон Клаузевиц (*Carl von Clausewitz*) в своей книге «О войне» (*Vom Kriege*), «война есть продолжение политики иными, насильственными средствами». Думаю, догадаться о чём идёт речь в нижеприводимом предложении, несложно.

Because surging in Baghdad means a vacuum in, say, the rest of Anbar province, the "surge" option would be more accurately labeled "pulling the goalie." AKA, a desperation move you try when time is almost out, you have no other options, and the game is otherwise certainly lost. Of course, "pulling the goalie" isn't as appealing a product name as "The Surge," and would therefore present a tougher sell to the public.

Русским эквивалентом английского термина *pull the goalie* (иногда употребляется разговорный синоним глагола в этом словосочетании *yank*) является «снять (с ворот) вратаря». В конце матча (в основном на последней минуте, иногда раньше) тренер команды, проигрывающей с разницей в один гол (иногда с большей разницей), усаживает на скамейку запасных своего вратаря и вместо него выпускает на лёд полевого игрока (*extra attacker/skater*), создавая численное преимущество и надеясь, что команда сравняет счёт и переведёт матч в овертайм. Иногда такая игра ва-банк (вспомним выражение *go for broke*) приносит желаемый результат, чаще — нет. Более того, нередко команда получает гол в пустые ворота.

Интересно сленговое значение этого английского термина — «перестать предохраняться», «отказаться от протнвозачаточных средств». Весьма образно, нужно сказать. Что ж, стоит затронуть тему хоккейного сленга. Тема эта интересная и весьма обширная.

Я горжусь тем, что одним из моих канадских консультантов, был и остаётся пастор Глен Гудхенд (*Glen Goodhand*). Уважение и даже восхищение вызывает уже то, что он ещё продолжает выступать за одну из команд ветеранов провинции Онтарио, хотя ему уже за 70. Он — один из основателей Международного общества хоккейных исследований (*Society for International Hockey Research, SIHR*) и был одним из его вице-президентов. Г-н Гудхенд входил в авторский коллектив изданной в Канаде двухтомной хоккейной энциклопедии *Total Hockey Encyclopedia*. К нему за консультацией обращался нынешний премьер-министр

Канады Стивен Харпер (*Stephen Harper*), большой любитель и знаток хоккея, также являющийся членом *SIHR*, когда он писал своё исследование, посвящённое одной из первых профессиональных команд провинции Онтарио «Торонто Профешнлз» (*Toronto Professionals*). Исторические очерки Глена Гудхенда, *Hockey's Historic Highlites*, регулярно публикуются в выходящей в провинции Онтарио газете «Линдсей пост» (*The Lindsay Post*).

Когда я обратился к нему с просьбой посмотреть мой «Англо-русский словарь хоккейных терминов» и пометить слова и словосочетания, которые, как он считает, относятся к английскому хоккейному сленгу, помимо тех, которые пометил я, он прислал мне длинный перечень. Некоторые входящие в него единицы сленгом можно назвать с некоторой натяжкой. Но, в конце концов, Глен Гудхенд не лингвист, а хоккейный историк. В любом случае можно сказать, что английская хоккейная терминология богата сленгом. Если в целом сравнивать её с русской, то она, безусловно, обширнее. Её отличает широкая синонимия, что видно из многочисленных перекрёстных ссылок в моём словаре. И если традиционно считалось, что сленг — это лексика, употребляющаяся прежде всего в устной речи, то в настоящее время мало кто удивляется обилию сленга в художественной литературе (не лучших её образцах) и на страницах газет и журналов (особенно интернет-изданий). Примеры употребления хоккейного сленга я почерпнул в первую очередь в Интернете, хотя некоторые сленгизмы услышал из уст североамериканских комментаторов.

Под хоккейным сленгом следует понимать тот слой сленга в лексике английского языка, который употребляется, прежде всего, для обозначения хоккейных понятий в первую очередь в хоккейной среде Канады и США. Следует привести несколько примеров, и начать стоит с хоккейной экипировки.

Английский термин *puck* («шайба») имеет несколько синонимов, среди которых можно выделить несколько сленгизмов: *bootheel*, *biscuit*, *cowpie*, *pill*. Что касается *cowpie*, то на заре хоккея, когда превалировал его уличный вариант, в качестве шайбы часто использовались замёрзшие коровьи «лепёшки» или лошадиные «яблоки» (*horseballs*, *horse pucks*, *road apples*). О человеке, который мало что смыслит в хоккее, могут сказать: *He can't tell a hockey puck from cowpie*. Слово *bootheel* вошло в обиход потому, что на ранних этапах развития хоккея шайба походила на оторванный от башмака каблук. Есть несколько словосочетаний с *puck*, которые без всякой натяжки могут считаться сленговыми. Например, *puck bunny*, или *rink bunny*, — это «девушка, которая много времени проводит на катке во время тренировок и игр хоккеистов с целью завязать знакомство и добиться физической близости». *Puck hog* означает «индивидуалист». Человека не очень умного недруги хоккея могут назвать *puckhead*. Но это слово может иметь и положительное значение, что видно из примера, приведённого в начале статьи.

То, чем в основном забиваются голы, называется в английской хоккейной терминологии *stick*, или *ice hockey stick*. У этого термина также есть несколько сленговых синонимов: *baton*, *hickory*, *lumber*, *twig*. Но и само слово *stick* нередко употребляется в эффектном сленговом словосочетании. Об игроке, который демонстрирует результативную игру, говорят: *he's got a/the hot stick*. Кстати, в баскетболе для описания такого счастливого для игрока и его команды явления используется сленговая фраза *to have a/the hot hand* или один из её вариантов *to ride a/the hot hand*. Логично было бы предположить, что в футболе (соккере) есть нечто подобное. Ан нет. Образованный с помощью конверсии разговорный глагол *hotfoot* означает далеко не то. А вообще для описания результативной игры представителя любого вида спорта удобно исполь-

словосочетание *to be on a hot streak*, *to be on a hot streak*. Понятно, что спортом употребление не ограничивается. Одним из примеров является и рифмованная фраза *Hot pants are hot pants*. Но её стоит употреблять осторожно. Слово *hot* используется для описания людей с повышенным либидо. Про таких ещё говорят: *he's got hot pants*, или, нужно соблюсти политкорректность, *she's got hot pants*. Чтобы закрыть тему двусмысленности, приведу ещё два хоккейных сленгизма, употребление которых вне хоккейной среды, может вызвать определённые ассоциации. Слово *cherry-picker* употребляется применительно к игроку, не обременённому оборонительными функциями, основной задачей которого является дожидаться длинного паса и совершить быстрый прорыв. Словосочетание *peeling the banana* означает «обманные движения, которые совершает вышедший один на один с вратарём игрок с целью заставить того раздвинуть щитки и бросить шайбу в образовавшуюся брешь».

Вернёмся к нашим баранам, т.е. хоккейному инвентарю. В определённом контексте вместо *skates* употребляется его сленговый синоним *wheels*. Один из лучших защитников в истории НХЛ Пол Коффи (*Paul Coffey*) отличался превосходной техникой катания на коньках и высокой скоростью. Когда он начинал свою блестящую карьеру в лучшей команде НХЛ 1980-х гг. «Эдмонтон Ойлерз» (*Edmonton Oilers*), то его партнёр по оборонительному дуэту ветеран команды Гэрри Ларивьер (*Garry Lariviere*) сказал, со слов Коффи, ему следующее: *"I hear you've got the wheels. Any time you want to go, go. I'll be back here for you."* Понятно, что тот имел в виду не автомобиль. Зная козырь Коффи, Ларивьер поощрял его чаще подключаться к атаке и был всегда готов подстраховать его.

Сленговым синонимом *helmet* («шлем») является *brain bucket*, *full face shield* («защитная маска полевого игрока») – *bubble* (также

cage), *(short) pants* («шорты» («труссы»)) – *breezers*, *(goalie) pads* («вратарские щитки») – *pillows*, *blocker – waffle (pad)* («вратарский блин»).

Теперь поговорим об участниках ледового действия. Вратарь, используя русское клише, – половина команды. С него и начнём. Английский термин *goaltender* имеет несколько синонимов, среди которых выделю широко употребляемый сленгизм *goalie* и менее известные *cage cop* и *twineminder*, или *twinetender*. Как нетрудно догадаться, *cage* и *twine* – это сленговые синонимы термина *goal*, один из русских эквивалентов которого – «ворота». Английским эквивалентом русского термина «площадь ворот» является *crease*, его сленговые синонимы – *blue*, *blue ice*, *blue paint*. Первым на помощь вратарю приходит дуэт игроков – их называют «защитники». Английский эквивалент этого слова – *defensemen*, а его сленговые синонимы – *backliners*, *blueliners*, *d-men*. Первым темпом атакует ворота соперника тройка игроков, официально именуемых «нападающие». В североамериканском хоккее их называют *forwards*. (Слова «форвард» и «форварды» благополучно прижились в русском языке.) В этом значении также используется *frontliners*. Более красочные сленгизмы мне неизвестны.

Главными наблюдателями хоккейных перипетий являются судьи на льду: один главный судья (в НХЛ их двое), или рефери, и двое боковых судей, или лайнсмены. Сленговым синонимом *referee* и *linesman* является *zebra*. Кто хотя бы раз смотрел хоккей, легко поймёт, почему. Равно как и почему сленговый синоним *referee* – *whistletooter*.

Эти служители хоккейной Фемиды среди прочего фиксируют взятие ворот. Английский эквивалент русского термина «забить» *score* имеет немало синонимов, среди которых можно выделить такие сленгизмы, как *bulge the twine*, *dent the net/hemp/*

Анализ практики

twine, light the lamp, pot, ripple the mesh, tickle the twine. В этой связи можно назвать и такие сленговые синонимы термина *goal* в значении «гол», как *lamplighter, marker, put-home, redlighter.*

Хоккей — игра высокоскоростная и контактная, что приводит к игровым нарушениям правил. Нередко страсти выплёскиваются через край, и ледовое действие превращается в ледовое побоище. В моём словаре самая большая статья — *fighting.* У этого термина большое число синонимов. Вот несколько сленгизмов в этой статье: *brouhaha, dance, donnybrook, dust-up, dropping the gloves, exchanging pleasantries, gathering of the clans, go, mix-up, punch-up, slugfest, toe-to-toe, waltz.*

Нарушителей правил судьи отправляют на скамейку для оштрафованных. Английский эквивалент этого русского термина *box,* или *penalty box,* также имеет немало синонимов, в том числе и сленгизмов: *chateau bow wow, cooler, doghouse, rink slink, sin bin.*

На этом можно остановиться. Думаю, мне удалось дать представление о богатстве английской хоккейной терминологии, составной частью которой является сленг. Нужно сказать ещё и том, что большая часть хоккейных сленгизмов известна многим носителям языка в Северной Америке (в первую очередь, конечно, в Канаде), имеющим прямое или косвенное отношение к хоккею. К таким можно отнести *go five-hole* (бросить шайбу между щитками вратаря), *go upstairs* (бросить шайбу под перекладину ворот) и др. (В связи с последним примером считаю нелишним привести несколько колоритных выражений, которые в сочетании с различными глаголами выражают ту же мысль: *peanut butter shelf, top cheese, where your Dad keeps the good stuff, where Mama hides the cookies, where Mom puts the cookie jar, where Uncle Bob keeps the bourbon bottle.*) Есть такие, которые употребляются в узкой среде, и даже имеющим отношение к хоккею носителям языка они

мало о чём говорят. Например, *sue* — неточный пас (пас за спину партнёра от партнёра). Такой пас серьёзными последствиями для принимающего шайбу. Совершая манёвр, чтобы заладеть ею, он становится лёгкой добычей защитника соперника, который без труда может применить против него мощный силовой приём. Этот сленгизм является сокращённым вариантом *suicide pass.* Заложенный смысл заключается в том, что игрок, поворачивающийся к сопернику спиной, чтобы принять шайбу, совершает нечто, близкое к самоубийству. *Yardsale* — это мощный силовой приём, после которого хоккеист, попавшийся на него, летит в одну сторону, а его амуниция — в другую.

Некоторые слова и словосочетания в английском хоккейном лексиконе являются продуктами творчества известных североамериканских телекомментаторов и телеведущих. Они также стали частью сленга. Например, достаточно известно сленговое выражение *put the biscuit in the basket* («забить гол»). Один из телеведущих американской спортивно-развлекательной кабельной сети ESPN Джон Буччигросс (*John Buccigross*) под влиянием культового фильма 1991 г. «Молчание ягнят» (*The Silence of the Lambs*) слегка видоизменил её: у него она звучит *put the lotion in the basket.* В фильме её произносит серийный убийца «Баффало Билл» (*Buffalo Bill*). Он также ввёл в оборот словосочетание *twisted wrister.* Английский термин *wrister,* или *wrist shot* означает «кистевой бросок». Буччигросс избрал своё словосочетание не для описания разновидности кистевого броска. Он просто обыграл название американской металл-группы *Twisted Sister.* Легендарный канадский телекомментатор Дэнни Гэлливан (*Danny Gallivan*) назвал приём в исполнении знаменитого защитника команды «Монреаль Канадиенз» (*Montreal Canadiens*) 1970-х гг. Сержа Савара (*Serge Savard*), когда тот перед атакующим его соперни-

ком разворачивался на 360° и уводил шайбу, *spinarama*. Через некоторое время этот приём усовершенствовал и сделал своим грозным оружием однофамилец Сержа – Дени (*Denis Savard*).

Однако нужно заметить, что в английской баскетбольной терминологии таких продуктов словотворчества значительно больше. Многие из них известны как «чизмы» – по имени знаменитого комментатора Чика Херна (*Chick Hearn*). Чего стоят только *air ball*, *finger roll*, *slam dunk!* Значение последнего, думаю, известно многим. Желая узнать, что означают первые два, советую потратить пару минут на поиск соответствующей информации в Интернете.

Коль я затронул баскетбол, столь же любимый мною, как и хоккей, то скажу, что в хоккее есть несколько терминов, которые пришли из баскетбола или чаще в нём употребляются. Вот некоторые из них: *box out*, *dribbling*, *foul*, *go-to guy*, *lay-up goal*. Есть термины, пришедшие из бейсбола: *Bush League*, *changeup*, или *knuckleball*, *charley* (*charlie*) *horse*, *homerun pass* и т.д. Термины *clothesline*, *quarterback*, *scrimmage* пришли из бейсбола. Я умышленно не даю их перевод, потому что значения многих из них известны.

В заключение хочу напомнить, что 40 лет тому назад в Советском Союзе впервые прозвучала песня «Великолепная пятёрка и вратарь» (А. Пахмутова, Н. Добронравов, С. Гребенников). Исполнение песни В. Мулерманом сделало её исключительно популярной, и она стала неофициальным гимном советского, а затем российского хоккея. «Ответ» Америки нам последовал в 1973 г. Известный канадский певец и композитор в стиле фолк-рок Том Коннорс (*Stompin' Tom Connors*) написал и впервые исполнил песню *The Hockey Song*, также известную как *The Good Old Hockey Game*. В 1992 г. она была впервые исполнена в ледовом дворце в Оттаве, где проводят домашние матчи «Сенаторы». Через некоторое время её стали исполнять в Торонто. В на-

стоящее время она исполняется практически на всех ледовых аренах НХЛ, и многие болельщики активно подпевают. Особенно любим ими припев: *Oh! The good old hockey game, Is the best game you can name; And the best game you can name, Is the good old Hockey game!* (*Хоккей, ты – лучшая в мире игра; хоккей – ты любовь на все времена!*).

Любите хоккей и болейте на здоровье! Многие статьи о хоккее, написанные североамериканскими журналистами, смогут привести в восторг немалое число лингвистических гурманов. Я хочу верить, что мой «Англо-русский энциклопедический словарь хоккейной терминологии» будет полезен в первую очередь переводчикам и поможет им разобраться в этой сложной терминологии.

Образование и перевод

Искусство перевода

В причудливом мире словесных превращений существует три вида грехов. Первое и самое невинное зло – очевидные ошибки, допущенные по незнанию или непониманию. Это обычная человеческая слабость – и вполне простительная. Следующий шаг в ад делает переводчик, сознательно пропуская те слова и абзацы, в смысл которых он не потрудился вникнуть, или же те, что, по его мнению, могут показаться непонятными или неприличными смутно воображаемому читателю. Он не брезгает самым поверхностным значением слова, которое к его услугам предоставляет словарь, или жертвует учёностью ради мнимой точности: он заранее готов знать меньше автора, считая при этом, что знает больше. Третье – и самое большое – зло в цепи грехопадений настигает переводчика, когда он принимается полировать и прилаживать шедевр, гнусно приукрашивая его, подлаживаясь к вкусам и предрассудкам читателей. За это преступление надо подвергать жесточайшим пыткам, как в средние века за плагиат.

В.В. Набоков. «Лекции по русской литературе».
Перевод с английского

О специфике английских договоров (в продолжение разговора)*

Н. Иманиязова (Казахстан)

В этой статье мне хотелось бы продолжить разговор о терминах, встречаемых в английских юридических текстах, и рассмотреть ряд других вопросов в контексте договоров, регулируемых английским правом. Надеюсь, что как начинающим, так и опытным коллегам будет интересно с ними ознакомиться, и осведомлённость об этих, на первый взгляд, сугубо юридических тонкостях будет только содействовать грамотному и профессиональному переводу.

Condition vs. Warranty

Предположим, клиенты *A* и *B* заключают с дилером *D* два отдельных договора на приобретение автомобилей, которые необходимы обоим для ведения предпринимательской деятельности. Они заранее оговаривают марку, год выпуска, технические характеристики и даже цвет. Через оговорённое время *A* получает машину, которая имеет гораздо меньшую мощность двигателя. *B* же получает транспортное средство перламутрового цвета вместо оговорённого «серебристого». Договоры регулируются английским правом, в настоящий момент и *A*, и *B* хотят расторгнуть договоры с *D* и заказать автомобили у другого дилера. Могут ли они это сделать? По всей видимости, многое будет зависеть от того, каким условием, существенным или простым, являлись нарушенные выше положения. В договорном контексте многозначное существительное *condition* в том числе означает «существенное условие договора», а *warranty* — «простое условие договора». Если нарушено существенное условие договора, то по английскому праву потерпевшая сторона по-

лучает право как на возмещение ущерба, так и — в дальнейшем — на расторжение договора (специальный термин для выхода из договора при таких обстоятельствах — *rescind the contract*). А в случае нарушения простого условия договора потерпевшая сторона может рассчитывать на возмещение ущерба и, в зависимости от ситуации, получение первоначально оговоренной услуги или товара, но никак не на расторжение самого договора по вышеуказанной причине.

Возникает вопрос: а как определить, было ли то или иное положение **существенным** или **простым**?

Законодательство, судебное решение и сам текст договора — вот три источника, к которым обычно прибегают английские юристы. Начнём с того, что статутное право Англии (в частности, *Sale of Goods Act 1979*) чётко оговаривает, что обязательными существенными условиями любого договора купли-продажи являются удовлетворительное качество товара, его пригодность к использованию по назначению (*fitness for purpose*) и соответствие описанию или образцу (*compliance with description or sample*).

Далее, условие может быть классифицировано как существенное судебным органом. Английские судьи руководствуются

* Н. Иманиязова. «Некоторые особенности перевода английских договорных терминов». «Мосты» № 2(14)/2007 г.

при этом логикой, насколько важно было согласование именно этого положения при заключении договора (допустим, из-за наличия соответствующих запчастей на складе собственной фирмы *A* мог хотеть автомобиль лишь от определённого немецкого производителя и дать чётко об этом знать *D*). К слову, судьям нередко приходится регламентировать существенность определённого положения исходя из специфики той или иной сферы промышленности и создавать таким образом прецедент на случай судебных разбирательств по схожему вопросу в отдельно взятой отрасли.

Последний, но не менее важный вариант — стороны сами договариваются во время заключения договора, какие условия будут существенными, а какие — простыми.

Возвращаясь к нашему примеру, если *A* при заключении договора с *D* оговорил, что ему для ведения его бизнеса необходим автомобиль именно с определённой минимальной мощностью двигателя, то, видимо, в дальнейшем имело место существенное нарушение договора со стороны *D* и *A* действительно может воспользоваться этой ситуацией, чтобы расторгнуть договор.

В то же время его коллега *B* действительно указал желаемый цвет автомобиля, однако не сделал никакого дополнительного комментария в отношении важности цвета (например, о возможности допуска к предоставлению услуг такси в своём городе, только если его автомобиль будет определённого оттенка серого цвета). Значит, было нарушено простое условие договора, и выйти из договора на этом этапе *B* не может.

В ст. 432 (глава 28) ГК РФ приводится определение существенного нарушения договора, которое по сути схоже с понятием «нарушение существенного условия договора» в английском праве.

Force-majeure vs. Frustration

Первый термин не представляет никакой особой трудности ни для восприятия смысла, ни для перевода. Единственное, некоторые переводчики предпочитают

«непреодолимую силу» «форс-мажорным обстоятельствам», но это, возможно, в значительной степени дело лингвистического вкуса или большей приверженности отечественной юридической терминологии, но ошибки, скорее всего, не будет ни в том, ни в другом случае. Интерес может представлять вторая половина этой пары, которую иногда принимают за обстоятельство непреодолимой силы, а иногда просто не знают даже сами носители английского языка. Разница, конечно, существует, и её, как мне представляется, переводчику необходимо знать.

Итак, обстоятельство непреодолимой силы наступает, когда случается стихийное бедствие (наводнение, ураган, землетрясение и пр.), имеют место военные действия или принимаются законодательные акты, препятствующие исполнению договорных обязательств. А о *frustration* речь может идти только в связи с событием, в результате которого договор вообще невозможно уже исполнить: к примеру, полностью сгорел концертный зал, на аренду которого был предварительно заключён договор, или был уничтожен уникальный предмет (предположим, объект выставки), который невозможно восстановить или иным образом воспроизвести.

Существует как минимум два принципиальных различия между этими достаточно схожими терминами *frustration* и *force-majeure*. Во-первых, если стороны в определённой степени предвидели событие и оговорили его в договоре, то это, по всей вероятности, это уже непреодолимая сила (*force-majeure*), потому как *frustration* почти по определению не может заранее оговариваться в договоре. Во-вторых, различие в последствиях — в случае непреодолимой силы договор приостанавливается на период действия событий и затем может быть возобновлён или расторгнут по согласию сторон, тогда как при *frustration* договор незамедлительно прекращается. Переводить *frustration* на русский язык рекомендуется как «невозможность исполнения договора/обязательства», тем более, что это понятие существует

в законодательстве РФ (глава 26, статья 416 ГК РФ). Следовательно, короткое, но имеющее для неюристов туманную семантику предложение *The contract is frustrated* можно перевести как «Договор прекращается в силу невозможности исполнения».

Governing law vs. Applicable law

Предположим, что швейцарская фирма «Ш» заключает с французским подрядчиком «Ф» договор на строительство завода в России. Несомненно, стороны оговаривают, в соответствии с каким правом будут разрешаться возможные спорные ситуации, имеет ли юридическую силу договор, имело ли место нарушение обязательств, в каких случаях стороны могут его расторгнуть — то есть каким правом стороны руководствуются при толковании договора. Возможно, они выберут в качестве такого регулирующего права (*governing law*) английское. При этом, если строительные работы будут выполняться на территории России, то будет совершенно невозможно не следовать соответствующим российским СНиП, ГОСТ, трудовым, природоохранным и иным правилам и законам, обязательным для осуществления любой деятельности на территории РФ. Более того, «Ш» в том числе оговаривает, чтобы в рамках договора выполнялось международное законодательство по борьбе с коррупцией (например, конвенция ООН или директива ЕС), а также, чтобы «Ф» уплачивала у себя во Франции все связанные с договором налоги и другие платежи. Не исключено, что для нужд строительства «Ф» будет ввозить товары через Польшу и Беларусь, соответственно, в договоре указывается, что «Ф» несёт также связанные с этим расходы.

Очевидно, что оговорки такого рода мало связаны с непосредственным толкованием договора, зато в гораздо большей степени зависят от объёма и специфики работ и места оказания услуг. Для международных договоров это совершенно обычная картина и, помимо **регулирующего права**,

стороны предварительно оговаривают также **применимое право** (*applicable law*), которое, как видно из вышеизложенного, зачастую отражает особенности законодательства разных государств и содержит даже элементы международного права. Следует отметить, что ссылки на те или иные законы в самом договоре могут быть не исчерпывающими.

Стоит также отметить, что зачастую специалистам, работающим в рамках своей страны с подрядчиком-соотечественником, оба понятия кажутся синонимичными, что, в принципе, можно оправдать: если бы вышеуказанный договор заключался между двумя российскими компаниями, то они, скорее всего, выбрали бы в качестве и регулирующего, и применимого права российское законодательство, и тогда бы не пришлось бы чётко разграничивать два понятия. Более того, в законодательстве некоторых постсоветских государств термин «применимое право» используется для описания как одного, так и другого понятия.

Для объективности картины заметим, что русские эквиваленты этой пары терминов, вероятно, еще не абсолютно устоялись и переводчики могут уже иметь в запасе свои, не менее верные, варианты. Мне это не кажется недостатком — если знать разницу в самих понятиях и последовательно использовать в тексте всего документа одни и те же термины, то разночтениям и ошибкам не должно быть места.

Наконец, в стандартных английских договорах встречаются целые условия, которые могут показаться, прямо скажем, не совсем привычными или понятными по той простой причине, что в русскоязычных договорах, не имеющих никакого отношения к английскому праву, они используются далеко не всегда или используются, но в иной форме.

Сегодня мы предлагаем рассмотреть три таких положения (формулировки, конечно же, разнятся, в зависимости от проекта, сферы деятельности и сторон договора):

Severability (иногда Severance)

If any provision of this Contract is held by any competent authority to be invalid or unenforceable in whole or in part, the validity of the other provisions of this Contract and the remainder of the provision in question shall not be affected thereby.

Это положение предусмотрено на случай, если какое-либо положение договора будет признано или может стать недействительным, ничтожным или незаконным (что, строго говоря, может случиться в любое время и в любой стране). В связи с этим стороны предусмотрительно оговаривают, что в таком случае оставшаяся часть договора сохраняет полную юридическую силу. В противном случае у одной из сторон, возможно, появился бы соблазн выйти из договора досрочно, воспользовавшись такой ситуацией. Название данной статьи переводят как «Делимость договора», «Автономность положений договора», «Раздельность положений договора» и т.д.

Entire Agreement

This instrument contains the entire and only agreement between the parties hereto relating to the subject matter hereof and supersedes all prior discussions and agreements between the parties with respect to its subject matter.

Название этого положения чаще всего переводят дословно – «Полнота соглашения». Не исключено, что со временем найдётся более удачный перевод (электронные словари уже предлагают «Исчерпывающий характер договора»). Суть включения такого положения в договор заключается в том, что стороны хотят исключить какую бы то ни было возможность попытки сослаться на какие-либо письменные или устные договорённости, обмен мнениями, запросы и ответы на них, имевшие место до заключения договора, пусть даже в ходе тендера или переговоров, предшествовавших этому самому соглашению. Если вкратце, то, согласно этому положению, стороны обязуются руководствоваться в работе исключительно данным договором, тем, который заменил собой все предыдущие согласования и договорённости, носившие промежуточный характер.

No Waiver

No waiver by the Licensor of any default of the Licensee under this Licence shall operate or be construed as a waiver by the Licensor of any future defaults, whether of a like or different character.

Этим положением сторона-заказчик обычно оговаривает на срок действия договора ту или иную ситуацию: допустим, в вышеописанном примере французский подрядчик допустил какую-то ошибку, за которую предусмотрены санкции, а именно: откомандировал свой персонал по контролю качества на строительную площадку с пятидневной задержкой. По договору «Ш» могла оплатить эти пять дней по заниженному суточному тарифу, но по какой-то причине этого не сделала (например, бухгалтерия и инженеры упустили это из виду или руководитель проекта решил на первый раз «простить», потому что была уважительная причина для задержки, и т.п.). Однако в будущем наличие соответствующего положения в договоре может принести пользу. Предположим, через пару месяцев «Ф» направит на объект, также с задержкой, новую партию персонала и уже не согласится на оплату своей работы по заниженному тарифу, мотивируя это тем, что когда-то они уже допускали такое в работе и это никоим образом не отразилось на финансовых взаиморасчётах. Имея в арсенале положение о полноте соглашений, «Ш» может резонно возразить, что это был единичный случай «не пользования своим правом» и это никак не может распространяться на будущие отношения.

Нередко в этом же положении оговаривается, что отказ от своих прав по договору сторонами оформляется только в письменном виде. Название статьи переводится на практике как кратко, так и более описательно: «Отказ от права», «Действие отказа стороной от права по договору», и т.д.

Об иностранных заимствованиях в русском языке

Ю.В. Литвинов

Был ли мальчик-то?

Прежде чем взывать к общественности по поводу засорённости русского языка иностранными заимствованиями, следует взвесить, так ли велика опасность на самом деле. Одно дело, когда встречаешься с недавними заимствованиями типа «сайт», «Интернет». Это уже осевшие в русском языке и признанные «варяги»: в момент заимствований у нас не было аналогов ни в действительности, ни в языке. Настораживать начинаешь, когда всё чаще сталкиваешься с «дайвингом», «пилингом», «пирсингом»... Возникает естественный вопрос: «А почему не «ныряние», «выщипывание волос», «прокалывание ушей»? Вразумительного ответа на этот вопрос ожидать не приходится. Поэтому думаешь, что это — дань моде, пройдёт... Однако, когда на сайте крупной российской компании натыкаешься на «препейдный план» (почему не «предоплатный?»); в инструкции пользователю читаешь: «залогиниться (войти в систему) под аккаунтом (паролем) администратора»; слышишь: «аллокировать» (т.е. отнести) расходы на статью, «наши сервисы» (чем плохи просто услуги?), «сервисное обслуживание» (это, пожалуй, почище «масла масляного» будет), «требуется секретарь на ресепшен» (для ответа на звонки), то понимаешь, что мальчик есть и нужно что-то делать.

Кто «виноват»?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо «олицетворить» ситуацию, определив, кто вводит в обиход тьму иностранных слов. Ответ кажется очевидным: в большинстве своём это молодые люди, работающие в областях финансов, маркетинга, «паблик-рिलейшэнз», рекламы, на телевидении, иных СМИ, откуда в основном и выливаются на нас потоки заимствований. Чем руководствуется эта «корпоративная молодёжь», прибегая к иностранным словам? Выше вскользь уже упомянута одна из причин — дань моде. Это очевидно, когда есть русские эквиваленты, но используются слова иностранные (см. выше пилинг, пирсинг, дайвинг). Однако не всё так просто. В значительной мере использование иностранных слов предопределено тем, что русистика (не русский язык!) не предлагает соответствующих русскоязычных аналогов. А по законам рынка, если нет местного языкового предложения, спрос удовлетворяется языковым импортом. Без такого импорта часто можно обойтись. Например, вместо уродливого «провайдер услуг» вполне можно было бы применять сочетания «предоставитель услуг» или «оказатель услуг». Однако почему-то слов «предоставитель» и «оказатель» в русском языке нет. Почему? Ведь они образованы по активным словообразовательным моделям и могли бы выполнять общественно полезную роль. Не потому ли, что — и нужно признать это во имя исти-

ны и будущего русского языка — нашей русистике и русистам (не русскому языку!) свойственна «словообразовательная робость» и даже косность? Причём обосновывается эта робость «объективными» причинами: любое новое слово должно «вызреть», «выйти из недр языка, народного словоупотребления» и т.п. Этот «объективизм», боязнь или неохота выступить зачинателем, единоличным «словообразователем» искусственно делают русский язык неконкурентоспособным даже на своей земле.

В противовес этому язык английский — «заимодавец» по отношению к русскому языку как «заёмщику» — и его носители ведут себя совершенно раскованно. Чуть ли не любой образованный англичанин и особенно американец может выдумать новое слово, употребить известное слово в новом или редко применяемом значении. Приведем пример с глаголом *to arrange*. В словаре *Abbyu lingvo* глагол *to arrange* имеет девять значений (расставлять, устраивать...). Одно из последних — «аранжировать» (музыку). Только в этом значении у глагола есть производное имя существительное *arranger* — аранжировщик. В остальных восьми значениях оно отсутствует. В других словарях слово *arranger* в немзыкальном значении встречается редко. Несмотря на это, слово *arranger* встречается в значении «организатор» в серьёзной книге о финансах. О чём это говорит? Это говорит о том, что автор упомянутой книги «взял да и» пренебрёг мнением словарей, скорее всего не изучал «узус» и проч. Для него главным было то, что эта словообразовательная модель в английском языке активна и слово подходит для возникших практических нужд.

Раскованность англоговорящим (и английскому языку) свойственна не только в словообразовании, но и в иных областях. Например, в английском научном и тем более научно-популярном стилях речи можно без опаски употреблять самые разнообразные «разговорные» единицы, что привлекательно для всех. В русском же языке, особенно в последнее время науч-

ная и научно-популярная речь сведены к недлинному ряду штампов и уже поэтому воспринимается молодежью как «скукота».

Именно эта свобода языкового новаторства и творчества отличает «их» от нас. У нас для того, чтобы кто-то отважился на индивидуальное словообразование либо новое словоупотребление, нужно либо стусеваться, как Ф.М. Достоевский, либо спрашивать у Марьи Алексевны.

Таким образом, ответ на вопрос «что делать?» частично¹ состоит в том, чтобы преодолевать собственную словообразовательную робость и косность. Это касается прежде всего русистов — профессиональных знатоков русского языка. В эпоху бурно нарастающего информационного «снежного кома» только личная инициатива, а лучше — просвещённая языковая напористость, могут уравновесить те «вызовы», с которыми сталкивается русский язык. Тем более что русский язык предлагает необозримые возможности для словообразовательного творчества.

Есть ли порох?

Рискуя вызвать маститое негодование, автор намеренно с самого начала этой статьи приводил примеры личного словообразования для случаев, когда в русском языке нет словесных эквивалентов иностранным заимствованиям («представитель» или «оказатель» услуг вместо «правайдера»). Эти примеры можно и нужно продолжить: «оригинатор» — начинатель, «андеррайтер» — разместитель (выпуска акций), «эмитент» — выпускающий (акций), «транзакционный» — сделковый. Всех этих слов в русском языке не существует. Но почему их нельзя образовать? Ведь правила словообразования русского языка это позволяют. А если так, то русисты **обязаны** предлагать пользователям подобные новеллы, научно управляя процессом словообразования.

¹ «Полная» программа борьбы представлена ниже.

А как это по-русски?

В иных случаях попыток заимствования несведущим или забывчивым следует настойчиво напоминать, что существуют исконно русские слова или устоявшиеся иностранные аналоги: «банкинг» – банковское дело, «мерчендайзер» – товаровед, «спредшит» – таблица, «кастинг» – подбор актеров, «хедхантинг» – поиск ведущих специалистов или «охота за головами», «контрактование» – заключение договоров, «экшн» – действие и т.п. Если в ответ мы слышим, что некоторые из иностранных слов приносят новые значения, русисты должны ответить: «Не беда, и мы можем придать уже имеющемуся русскому слову новое значение». Например, если слово «мерчендайзер» означает специалиста, который не только разбирается в товарах, но и ведает их размещением на полках магазина, чтобы привлечь внимание покупателей и увеличивать продажи, то, думается, можно расширить привычное значение слова «товаровед». А то и придумать новое слово (почему не «продажевед» вместо корявого «мерчендайзер»?).

Где опасность?

Для того чтобы лучше знать, где вести борьбу, следует очертить области заимствований. Представляется, что все заимствования можно разделить на **законодательные, профессиональные и общеупотребительные**. Очевидно, что наибольшую общественную значимость имеют законодательные заимствования, ибо они подлежат обязательному употреблению. Однако нельзя упускать из вида и общеязыковые процессы: нередки случаи, когда «обыденные» заимствования проникают в специальные сферы. Это особенно характерно для современной эпохи всеохватной информатизации (Интернет), которая не только предоставляет несомненные блага и преимущества, но и таит в себе опасности привыкания к удобной легковесности познания вместо углубленного профессионального подхода («интернетовские вершки» вместо «профессиональных корешков»).

Наиболее, пожалуй, уязвимыми являются узко профессиональные сферы, где Россия отстала от передовых стран. Таковы некоторые области техники, технологии, финансов. Так, в финансы проникло огромное количество новых терминов. Здесь «фьючерс» и «форвард», «опцион» и «секьюритизация», «листинг» и даже «банкинг». Неизбежны ли столь обширные заимствования? Можно ли заменить «форвардную» поставку «будущей»? Ответить на эти вопросы нелегко. Очевидно одно: приемлемые русскоязычные альтернативные варианты возможны и здесь. Главное, чтобы у финансовых специалистов было языковое предложение.

Причины заимствований

Разобраться в причинах заимствований можно на примере законодательной области. Законодательные заимствования могут быть обоснованными или необоснованными.

Причинами необоснованных заимствований можно считать а) недостаточное государственное **финансирование** правотворческой работы и её некачественная организация; б) **поспешность** в законодательной работе; в) **ангажированность** составителей правовых актов; г) **подражание** западному образу жизни и праву; д) правовое **невежество**; е) некий особый **прагматизм** в сочетании с соображениями «удобства»; ж) **недооценка** словообразовательных и иных возможностей русского языка.

Примером необоснованного правового заимствования представляется конструкция так называемой «доверительной собственности» («траста»), которая была введена в правовой обиход Указом Президента Российской Федерации от 24.12.1993 № 2296. Эта конструкция, взятая из англо-американской правовой системы (от англ. *trust* – доверие), предусматривает передачу учредителем (*settlor*) в собственность «доверительному собственнику» (*trustee*) имущества, которым последний обязан управлять и распоряжаться в интересах выгодоприобретателя.

тателя (*beneficiary*). Правовая суть конструкции заключается в том, что право собственности «расщепляется» между «доверительным собственником» и выгодоприобретателем, что вполне допустимо в англо-американской системе права. При возникновении споров между «расщеплёнными» собственниками такие споры решаются на основе права справедливости — особой ветви англо-американского права. Российская правовая система исключает возможность «расщепления» права собственности и решения подобного рода споров. Поэтому институт «доверительной собственности» был воспринят ведущими правоведом страны как «неработоспособный или даже вредный» вне соответствующей правовой системы (В.А. Дозорцев), а заимствование этой конструкции было названо прямым, буквальным навязыванием отечественному правопорядку (Е.А. Суханов). С введением в действие Гражданского кодекса Российской Федерации «траст» был заменен институтом доверительного управления.

С другой стороны, **обоснованными** в общем случае можно признать такие правовые заимствования, которые свободны от влияния вышеуказанных факторов. Пример — заимствование правовой конструкции ООО (от герм. GmbH).

Сродни необоснованным заимствованиям и столь же недопустимо языковое «прогибание», т.е. различные «языковые уступки» некоему давлению. Типичные примеры последних лет — топоним «Таллинн» и словосочетание «в Украине». Кому-то хочется, чтобы мы говорили и писали именно так. Но это противоречит нормам русского языка. Так, в русском языке удвоение согласной в безударном слого, как правило, не производится. Это значит, что правильный вариант по-русски — «Таллин», но не «Таллинн». То, что на латинице это слово пишется с двумя «n» («Tallinn») для русского языка дела не меняет. По аналогии: англичане и американцы не пишут и не говорят «Moskva» только потому, что это

слово так звучит и пишется по-русски. Они пишут «Moscow», приспособив русское слово к правилам английского языка. Что касается сочетания «в Украине», то это — грамматическая ошибка. В русском языке задолго до 1991 года появилось и существует устойчивое сочетание «на Украине»*. И никакие лингвистические соображения не могут заслонить этот языковой факт.

Что делать?

Из сказанного понятно, что нужно что-то делать. Причём речь сейчас идёт не просто о борьбе за «чистоту» русского языка, а за сам русский язык, ибо если не предпринять срочных и энергичных мер, то многие в России скоро будут заниматься «киссингом», а не целованием: «петтинг»-то уже на дворе.

«Преувеличиваете», — скажут некоторые. «Возьмите тот же английский. Он прошёл через все «завоевания», на 50% состоит из заимствований, проявил гибкость, выжил и стал мировым языком. Может быть, не стоит поэтому огород городить?» Стоит, и вот почему. До недавних пор языковое развитие, в том числе и английского языка, имело естественно-исторический, «объективный» характер. С наступлением эры всеохватной информатизации, экономической интеграции и глобализации эти процессы всё больше приобретают «субъективный» характер: экономически более сильные англоязычные государства сознательно проводят политику языковой экспансии. В таких условиях уповать на «объективные» языковые процессы, ждать, пока то или новое слово «вызреет из недр народного самосознания» значит обречь «великий и могучий» в лучшем случае на роль подсобного языка на собственной земле. О худшем случае говорить не хочется.

В борьбе за языковое выживание необходимы **механизм** и **программа**.

* «Задолго» до 1991 г. — в пушкинское время — литературной нормой было как раз «в Украине». — ред.

А как это по-русски?

Автору видится такой **механизм**. **Переводчики** обнаруживают, **русисты** оценивают и разрабатывают, **правоведы** оформляют через правовые акты, **«харизматики»** озвучивают, **проводники («внедрители»)** поддерживают и распространяют. Объясним «кто есть кто» в этой схеме. Роль обнаружения заимствований, разумеется, может выполняться не только **переводчиками**, но они являются наиболее «передовым» отрядом общест-венности в этом деле. Роль **русистов** двоякая. С одной стороны, они выполняют исследовательскую функцию: принимают от переводчиков примеры заимствований, составляют и ведут текущие их реестры, оценивают их путём обсуждений и — главное — предлагают альтернативные русскоязычные варианты, причём, если необходимо, образуют новые слова или придают словам новые значения. Это предложение может принимать разные формы: словники, глоссарии, телепередачи о новых словах и т.п. С другой стороны, русисты-учителя воспитывают любовь, вкус к русскому языку, показывают его огромные словообразовательные и иные возможности. **Правоведы**, где это необходимо, т.е. прежде всего в случае законодательных заимствований, обязаны поощрять или не поощрять использование заимствований. В отдельных случаях возможны и прямые запреты, ибо в праве нет ничего вреднее, чем заимствование вырванного из контекста термина, который затем «тянет» за собой другие элементы чужеродной системы. Получается уже не языковая, а «ползучая» правовая и, быть может, экономическая экспансия. Под **«харизматиками»** имеются в виду популярные, известные личности — политики, учёные, телеведущие, «звёзды», ведущие журналисты. Они должны всячески поддерживать русскоязычные предложения в своих публичных выступлениях и частной жизни. Говорить по-русски грамотно, толково, красноречиво должно стать престижно. **«Проводники» («внедрители»)** — это наиболее авторитетные в своей среде школьники, студенты, аспиранты, работники различ-

ных организаций, которые своим примером на «низовом» уровне распространяют русскую языковую политику.

Проиллюстрируем, как может работать этот механизм. Примерно в 1970-х гг. в западном корпоративном праве возник термин *stakeholders*. Постепенно образовался круг лиц, обозначаемых этим словом. Это, с одной стороны, акционеры, а с другой потребители, поставщики, инвесторы, менеджеры, кредиторы, работники, государство, местное сообщество, которые так или иначе заинтересованы в акционерном обществе. Ясно, что понятие это полезное и достойное заимствования. Однако переводчики испытывают трудности, т.к. значе-ние термина зыбкое, пока не сформировалось даже в западной правовой доктрине. Для неакционерного значения предлагаются такие толкования: «третьи лица», «иные заинтересованные лица», «соучастники», «стейкхолдеры». Все эти варианты имеют существенные недостатки: многословие, уголовно-правовые оттенки, неудобоваримость заимствования. Автор предложил забытый термин «притязатели», имевший широкое хождение в русском правоведении до 1917 года. На «круглом столе» в Государственной Думе (состоялся 7 ноября 2006 г.) это предложение было подвергнуто критике за то, что у слова «притязать» есть «любовные» ассоциации. Действительно, слово «притязание» бисемично, имея правовое и «амурное» значение. И что? Это не самое плохое сочетание. Во всяком случае наши великие дооктябрьские правоведы не смущались на этот счёт. А уж нам-то и по-давно не должно. Вероятно, юристы совместно с русистами должны высказать своё мнение.

Программа видится в двух вариантах: «узкая» и «широкая».

Узкая программа затрагивает меры, которые касаются русского языка непосредственно. Она должна выполняться, но не даст ощутимых результатов без осуществления широкой программы.

Широкая программа нацелена на улучшение жизни вообще. Поэтому в программе сочетаются и переплетаются элементы всех сфер жизни: политической, экономической, правовой, социальной, духовной.

Политика

Узкая программа — это прежде всего выработка государством своей языковой политики. Главный лозунг этой политики: «Изучаем иностранные языки для повышения собственной конкурентоспособности, но поддерживаем и распространяем только родные языки (русский и иные языки России) для национального развития». Предлагается создать три терминологических комитета: при Конституционном суде, Государственной Думе и Академии Наук. Это — общественно-государственные фильтры. Необходима программа распространения русского языка за рубежом (среди русских диаспор, традиционно дружественных народов, и т.п.).

Широкая программа — это проведение политики разумной, взвешенной, «внятной», выдержанной, несмотря ни на какие выходы «друзей» России. Несомненным приоритетом этой политики должна стать защита интересов конкретных российских граждан дома и за рубежом. Граждане должны гордиться своими политическими лидерами. Такая политика в последнее время проводится, и это внушает надежду.

Экономика

Узкая программа. Это — финансирование программы и механизма. Людям, особенно ключевым фигурам в механизме, нужно хорошо платить.

Широкая программа: развитие экономики страны в целом. Только удовлетворенность экономическими достижениями страны, её действительно передовым положением может подпитывать чувства гордости и патриотизма, без которых немисливо выполнение программы. Бли-

жайшая задача экономических преобразований на местах — показать «просвет» и дать действительные возможности конкретным людям, особенно молодежи.

Право

Узкая программа: выработка правовых актов, устанавливающих принципы языковой политики.

Широкая программа: воспитание чрезвычайно важного чувства социальной справедливости. Отсутствие этого чувства способно заглушить любую любовь. Люди, особенно молодежь, должны быть уверены в честности и порядочности местных чиновников, милиционеров, судей, прокуроров.

Общественная жизнь

Узкая программа. Следует создать сеть общественных организаций — проводников языковой политики государства. Важно, чтобы эти организации не превратились в «междусобойчики» местных чиновников для продвижения собственных чад (принцип «безблатности»).

Широкая программа. Как в советское время главным инструментом предупреждения квартирных хищений был общественный институт бабушек на скамейках, которые попеременно сидели перед подъездом с раннего утра до позднего вечера и мимо которых муха не могла пролететь незамеченной, так и ныне должны быть возрождены социальный статус старшего поколения, воспитателей (если хотите, пионервожатых), семьи. Всё это — мощный заградительный барьер для бездумного копирования молодежью западных «гламуров», в том числе языковых.

Духовная жизнь

Узкая программа. Умное, тактичное возрождение языковых, поэтических, литературных конкурсов (опять-таки на «безблатной» основе); поощрение интереса к русскому языку через телепрограммы, Интернет и т.п.

А как это по-русски?

Широкая программа. Продолжить возрождение отечественного кино. Поднимать спортивное движение. Должны быть победы, чтобы порождать и подпитывать гордость и патриотизм.

Собственно языковая программа

Несколько штрихов. Современная жизнь стремительна, ей присуща экономия. Молодёжное «короче» стало не

только словом-паразитом, но и языковым лозунгом современности. Отсюда важность скороговорки, сокращений, эллипсиса, незавершённых синтаксических структур, иных проявлений языковой экономии. Следует свободнее идти на образование сокращений (скажем, «терфонд» от территориальный фонд). Разумеется, есть и иные задумки, но это уже более узкая тема для отдельного разговора.

Не хотелось бы, чтобы это стало традицией

Б. Н. Климзо

Доступность для понимания научно-технических текстов можно повысить средствами курса «Концепции современного естествознания»: не секрет, что студенты-гуманитарии, особенно девушки, в большинстве своём отрицательно относятся к изучению данной дисциплины, а здесь КСЕ, превращённый в факультатив, изучали бы лишь будущие специалисты по техническому переводу.

Из письма, присланного в журнал «Мосты»

Что и говорить, тема статьи наиболее актуальная, статья актуальная и предложения Ю. В. Литвинова заслуживают внимания. В частности, автор предлагает механизмы и программу решения проблемы борьбы с заимствованиями для «всех сфер жизни: политической, экономической, правовой, социальной, духовной». Однако автор ничего не говорит о такой сфере жизни и деятельности, как наука и техника. А ведь эта сфера не менее значима, чем перечисленные выше. Более того, в области науки и техни-

ки проблема иностранных заимствований встаёт не менее остро. Ей даже было посвящено отдельное заседание круглого стола Клуба переводчиков (см. «Мосты» № 4(12) за 2006 год).

Но интересы автора статьи лежат в стороне от проблем технического перевода, и проблемы эти находятся вне его компетенции. Хотя Ю. В. Литвинов всё же упоминает о науке и технике, уделив и той и другой по две строчки. Поэтому приведу эти строчки без купюр:

1. В русском же языке, особенно в последнее время научная и научно-популярная речь сведены к не длинному ряду штампов и уже поэтому воспринимается молодежью как «скукота».

2. Наиболее, пожалуй, уязвимыми являются узко профессиональные сферы, где Россия отстала от передовых стран. Таковы некоторые области техники, технологии, финансов.

И здесь я не могу согласиться с автором. Во-первых, научная и научно-популярная речь живут по разным законам и адресованы разным аудиториям. Если говорить об учёных (и инженерах), то их, вне зависимости от возраста, интересует только и прежде всего точность информации (конечно, внятно изложенной). И «штампы» научно-технической речи отбирались в течение двух-трёх столетий именно с целью наиболее экономной передачи точности. Во-вторых, «недлинный ряд штампов» научно-технической литературы на самом деле весьма длинный. Я в этом убеждён, так как многие годы занимался (и занимаюсь) фразеологией НТЛ. Наконец, хотелось бы увидеть в статье хотя бы один пример, иллюстрирующий легковесность русской узкопрофессиональной технической терминологии, связанной с отсталостью России «от передовых стран». Я не отрицаю фактов существования легковесности и отсталости, но мне, как техническому переводчику, интересно, какие именно области техники, по мнению автора, «наиболее уязвимы». Не менее интересно, какие находки сделал автор в области технологии, и какой технологии конкретно. В общем, интересны примеры не только из области финансов.

Другой автор, А.Л. Борисенко, несомненно имеющая дело с переводами поэтической литературы, не просто делится своими соображениями в защиту буквализма, но, ничтоже сумняшеся, берётся за обобщения, далёкие от области стихосложения (См. «Мосты» № 1(17) за 2008 г.). Правда, в её полемике с В.К. Ланчиковым ни слова не говорится о техническом переводе. Но ни слова не говорит А.Л. Борисенко и о том, что её

обобщения, касающиеся адекватности и буквализма, распространяются только на перевод художественной литературы. А поэтому, например, её ирония по поводу одного из основных требований к высококачественному переводу («чтобы было, как будто произведение написано по-русски») настаивает и вызывает опасение, а вдруг молодые технические переводчики и впрямь начнут переводить «неестественно».

К сожалению, филологи-русисты пока почти не участвуют в исследованиях функционального стиля, фразеологии и терминологии научно-технической литературы. Тем более грустно, что у филологов, имеющих самое непосредственное отношение к переводу и безусловно людей талантливых и неравнодушных к судьбам родного языка, появляется тенденция к верхоглядству, поспешности и категоричности суждений в такой важной сфере, как научно-техническая литература. Не хотелось бы, чтобы эта тенденция превратилась в традицию.

Об искусстве перевода

Н.М. Карамзин
(из письма И.И. Дмитриеву, 1798 г.)

«Я также работаю, то есть перевожу лучшие места из лучших иностранных авторов, древних и новых; иное для идей, иное для слога. Греки, римляне, французы, немцы, англичане, итальянцы: вот мой магазин, в котором роюсь всякое утро часа по три! Мне надобно переводить для кошелька моего; а как благоразумие велит осыпать необходимость цветами, то я в рассуждении переводов сочинил для себя огромный и новый план, который мне пока очень нравится и оживляет труд охотою. Посмотрим, каково будет Цицероново, Бюффоново, Жан-Жаково красноречие на русском языке!»

Не всяко лыко – в строку...

(о роли технических переводчиков в иноязычных заимствованиях)

Е.К. Масловский

«В эпоху бурно нарастающего информационного “снежного кома” только личная инициатива, а лучше – просвещенная языковая напористость, могут уравновесить те “вызовы”, с которыми сталкивается русский язык...»

Ю.В. Литвинов. «Об иностранных заимствованиях в русском языке»

Больше тридцати лет моя жизнь связана с письменным переводом с английского языка на русский научно-технической литературы и документации в той сфере, которая нынче наиболее «замусорена» иностранными заимствованиями и является основным источником «языкового импорта». Это сфера информационных технологий и компьютеризации (ИТ), где, как известно, процесс засорения русского языка бездумными «переводизмами» приобретает всё более ужасающие масштабы, и условия для их дальнейшего расширения становятся всё более благоприятными.

Чтобы попытаться найти ответ на традиционный русский вопрос «Кто виноват?», попробуем для начала, как рекомендует Ю.В. Литвинов, «олицетворить» ситуацию, определив, кто же в сфере ИТ вводит в обиход тьму иностранных слов. Кажущийся Юрию Васильевичу очевидным ответ, что «в большинстве своём это молодые люди, работающие в областях финансов, маркетинга, паблик-релейшенз, рекламы, на телевидении, иных СМИ», на мой взгляд, несостоятелен, поскольку вся эта «корпоративная молодёжь» – просто пользователи, отбирающие из бесплатного «языкового предложения» на свой вкус лишь то, что «прикольно» и позволяет не чувствовать

себя чужим среди своих. А нормативная лексика, застолблённая какими-либо стандартами, рекомендациями, профессиональными глоссариями (если таковые существуют), теперь, как правило, не даёт-ся в свободном доступе, а продаётся на коммерческой основе, и, следовательно, будет обходиться «корпоративной молодёжи» всё дороже и дороже, чем «кликанье» в чате или на интернетовском форуме своих собратьев по разуму.

Опыт повседневного чтения «валовой» переводной технической литературы всё больше убеждает меня в том, что основными «оригинаторами», «промоутерами» и «провайдерами» новояза, порождаемого по **принципу прикольной достаточности**¹ являются всё-таки безответственные «универсальные» переводчики-«информеры», в первую очередь, из сфер «компьютинга», «консалтинга», «бенчмаркинга», «брендинга» и «менеджмента», не имеющие надлежащего технического образования и профессионального переводческого опыта и потому берущиеся (очень часто – в силу своих служебных обязанностей) явно не за своё дело.

¹ Е.К. Масловский. Нет повестей печальнее на свете, чем переводы в русском Интернете. – «Мосты», № 2 (14), 2007, стр. 35–39.

Что же касается технических специалистов, то с их стороны не наблюдается никакой боязни «индивидуального словообразования либо нового словоупотребления», и это может подтвердить любой компетентный переводчик, переведивший научные статьи наших авторов с русского языка на английский. В этой обратной задаче поиск англоязычных эквивалентов порою оказывается даже намного сложнее, поскольку сначала приходится уточнять, что же именно хотел сказать своим термином русский автор переводимой публикации. Так что «словообразовательной робости и косности» у специалистов нет, а есть «врождённое» чувство ответственности за правильное использование существующей терминологии, и к порождению терминов-калек, транслитераций и т.п. они прибегают лишь при отсутствии в русском языке надлежащего аналога. Примерами могут служить укоренившиеся ещё в советское время термины «компьютер» (несмотря на рекомендованный перевод «ЭВМ», не учитывавший, что вычислительные машины могут быть не только электронными); «интерфейс» («устройство сопряжения» здесь явно не подходило по объёму понятия) или «смайлик». Кстати, в своём кругу разработчики информационно-вычислительных систем не гнушались и жаргоном типа «компютер», «комп»; «междумордие» (эквивалент «интерфейса») или «мордография» (вместо «смайликов»), а ещё «флопы», «харды», однако им никогда не пришло бы в голову вводить подобные «приколы» в широкий оборот.

В нынешнее время именно благодаря «просвещённой языковой напористости» неравнодушных технических специалистов иногда удаётся «уравновесить те “вызовы”, с которыми сталкивается русский язык»: уже, похоже, «поставщик услуг» побеждает «провайдера» (предлагаемый Ю.В. Литвиновым «оказатель услуг» не отражает специфики дистанционного обслуживания), а

«спредшит» постепенно сдаёт свои позиции «динамическим электронным таблицам» (ДЭТ). Но вот зачем надо противостоять «эмитенту» — непонятно, когда уже есть надёжно прижившиеся однокоренные слова «эмиссия», «эмиссионный», а, казалось бы, подходящее слово «эмиттер» давно и навсегда заняло своё законное место в полупроводниковой электронике.

Вообще-то, любое скороспелое переводческое техническое терминовтворчество только лишь на основе голого соблюдения принципа «глокой куздры» чревато последующими большими неудобствами даже для самих «терминовтворцев», если они пренебрегают анализом существующего массива родственных англо- и русскоязычных терминов и его возможного расширения. Яркий тому пример — давние «советские» перипетии терминологии систем автоматизации проектирования (САПР). Пока мы довольно долго осваивали технологию автоматизации проектирования (CAD Systems), спокойно переводя **Computer-Aided Design** как «автоматизированное проектирование» или «автоматизация проектирования», а **Computer-Aided Manufacturing (CAM)** — как «автоматизированное производство», не предвиделось никаких особых затруднений, и соответствующие термины закрепились в ГОСТах по АСУ и глоссариях. Но в 1985 г. в издательство «Мир» поступила на перевод книга под названием “**CAD/CAM: Computer-Aided Design and Manufacturing**”, и оказалось, что термин САПР в его сложившемся понимании далеко не идентичен английскому термину **CAD System**, а часто применявшаяся аббревиатура САПР/АСУ или САПР/АСУТП и вовсе не имеет ничего общего со смыслом своего «эквивалента» **CAD/CAM system**, который характеризует «сквозную» автоматизацию разработки изделия — от формулирования и анализа исходных требований (на предмет их реализуемости) до физической реализации на основе единой базы проектных данных и буквально пере-

А как это по-русски?

водится как «автоматизированная система проектирования и изготовления». Таким образом, следование стандартам при переводе оказалось невозможным и пришлось ввести сокращение САПР/АПП применительно к системам и АПР/АПП – применительно к технологии автоматизированного проектирования и автоматизации производственных процессов. Однако... вскоре «пришли» CAE/CAD/CAM systems – и всё терминотворчество пришлось переосмысливать сначала.

Так способен ли и будет ли в подобных условиях эффективно работать предлагаемый Ю.В. Литвиновым механизм, в котором «переводчики обнаруживают, русисты оценивают и разрабатывают, правоведы оформляют через правовые акты, “харизматики” озвучивают, проводники (“внедрители”) поддерживают и распространяют»? Ведь абсолютно не зная предметной области, русисты ничего не смогут разработать без участия квалифицированных специалистов, но специалисты не будут иметь времени для «консалтинговых услуг» на общественных началах. А тогда все остальные звенья любой цепи становятся просто бессмысленными.

Здесь, безусловно, нужен совсем иной механизм: Дума признаёт охрану языковой среды (которая ведь тоже – окружающая) своим кровным государственным делом, премьер учреждает национальный проект, минфин выделяет средства на создание и издание стандартов, глоссариев и толковых словарей, переводчики обнаруживают, разрабатывают и предлагают, специалисты обсуждают и принимают или отвергают, лексикографы редактируют и согласовывают, издатели подготавливают и издают, переводчики используют, обновляют и дополняют..

Судя по публикациям в Интернете, Всероссийский научно-исследовательский институт классификации, терминологии и информации по стандартизации и качеству

(ВНИИКИ), являющийся главным информационным центром Государственного комитета по стандартизации и метрологии, готов профессионально участвовать в деле подготовки терминологических стандартов по следующим направлениям:

- методическая помощь при разработке терминологических документов или терминологических разделов;
- терминологическая экспертиза проектов технических регламентов и стандартов;
- оперативное терминологическое обслуживание в области законотворчества, политики, науки, техники, образования, финансов и банковского дела, промышленности, торговли и услуг всех областей социальной жизни;
- взаимодействие и обмен информацией с международными и национальными терминологическими организациями и службами;
- обеспечение научно-технических терминов адекватными эквивалентами на других языках;
- ведение и развитие баз данных стандартизованных терминов и определений.

Так не стучим ли мы в открытые двери «на том берегу»? Может, надо просто навести мосты?

Полемические заметки о пользе и вреде преподавания синхронного перевода

М.А. Загот

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе – цвести.

А.Пушкин

О переводческой этике я в своё время уже писал. Рассказывал, как удивительно порой общаются между собой переводчики в новых рыночных условиях, когда им есть, что делить. Откликов на статью, опубликованную в журнале «Мосты»*, было много, но – по вполне понятным причинам – поговорили и забыли, а истории, подобные описанным мной, стали повторяться всё чаще, со всевозможными хитросплетениями и модификациями. Я и сам не собирался возвращаться к этой теме и писать о гримасах рыночных отношений в мире перевода. Однако, как сейчас принято выражаться, возник информационный повод – произошла история, которая имела прямое отношение лично ко мне и, не буду скрывать, очень меня взволновала. Называть никого не буду, кто знает, и так все поймёт, а для остальных пусть это будет пищей для размышления.

Речь в данном случае пойдёт – помимо профессиональной этики, как таковой, – о

взаимоотношениях преподавателей и студентов, естественно, в области горячо нами любимого перевода. Кстати, на эту тему высказала свои соображения и Линн Виссон – поделилась в «Мостах» своим бесценным опытом относительно того, как преподавателю синхронного перевода строить отношения со студентами, чтобы студенту было постигать эту науку комфортно, в психологически благоприятных условиях. Да, с этим нельзя не согласиться, я хорошо знаю, с каким напряжением подчас студенты осваивают науку перевода. Чего стоит один, запомнившийся на всю жизнь, случай, когда американская студентка, приехавшая сюда учиться переводу, вдруг разрыдалась у меня на занятиях без малейшего повода с моей стороны. В общем, можно сказать, что эта статья продолжает тему взаимоотношений преподавателей и студентов, только раскрывает другую её сторону. Я не случайно назвал эти заметки «полемическими» – возможно, кто-то захочет мне возразить. Пожалуйста – в диалоге рождается истина.

* М.А. Загот. О переводческой этике. Журнал «Мосты», №3, 2004.

Начну, пожалуй, с тех времён, когда я только начал преподавать — а это произошло в начале 90-х годов прошлого века. Вообще-то преподавание привлекало меня и раньше, правда, в ограниченных объёмах. Посвятить себя преподаванию целиком я не мыслил никогда — возможно потому, что я просто не могу заниматься чем-то одним, мне требуется разнообразие. И вот, изрядно потрудившись на переводческой ниве (но, отнюдь не расставшись с ней), я принял приглашение от alma mater, то есть, иньяза, нынешнего МГЛУ, преподавать — сначала на переводческом факультете, потом на факультете для иностранных студентов, а потом и на доблестном факультете повышения квалификации переводчиков — нынешнем факультете переводческого мастерства. Теперь, честно сказать, уже и не мыслю себя без преподавания. Пусть немного, раз или два в неделю, но преподавать всегда иду с удовольствием.

Студенты меня время от времени спрашивают — а зачем вы преподаёте? Зачем вы вообще к нам приходите? У вас столько интересной практической работы! И зачем вообще мы вам нужны? Я всегда отвечаю, ни капли не кривя душой, что от общения с молодежью получаю удовольствие. А это не измеришь никакими деньгами. Это, во-первых, и, наверное, в самых главных. Во-вторых, как ни банально это звучит, в какой-то момент твоей профессиональной карьеры наработанный опыт приобретает такую массу, что им просто хочется поделиться. Оказывается, тебе есть, что сказать следующему поколению коллег. И когда ты видишь, что тебя внимательно слушают, приходят на твои занятия с неподдельным интересом и явно тебе благодарны — это, что называется, стоит дорогого. А деньги можно заработать и в другом месте.

Есть и в-третьих, — оказывается, преподавателей синхронного перевода у нас раз-два и обчёлся — далеко не все хорошие синхронисты могут преподавать, а подавляющее большинство и не хочет. А преподаватель синхронного перевода, который

сам почти никогда не сидел в будке, едва ли сможет хорошо подготовить студентов. Я всё-таки «болею» за профессию и считаю, что потерять планку качества переводческой работы было бы просто жалко — школа перевода в нашей стране всё-таки хорошая.

С четвёртой стороны, обучаться синхронному переводу стало популярно — он востребован и неплохо оплачивается. Я, например, не так давно ездил в город Томск, где принимал участие в открытии центра синхронного перевода. Надеюсь, что преподавателей для него удастся найти, но это уже другой вопрос.

Мне казалось, что эти ощущения (пункт 1 и 2) свойственны любому, кто, так или иначе, прикоснулся к преподаванию. Но когда я только начинал преподавать, я столкнулся с одной удивившей меня точкой зрения. Её выдвинул коллега, хороший и уважаемый мною переводчик, многие годы посвятивший преподаванию, и как раз в то время решивший с преподаванием «завязать». Я спросил его: почему, надоело делиться опытом и знаниями? Ведь студенты тебя так любят! И он мне ответил приблизительно в таком роде: дружелюбие студентов и даже их якобы любовь, вскормленная твоими демократическими с ними отношениями и желанием помочь — это чистый миф и выдача желаемого за действительное. Единственное, что студентам от тебя надо — это как-то тебя использовать, извлечь из тебя какую-то выгоду и с твоей подачи как-то обосноваться в профессии — а сам ты им совершенно ни к чему, не питай на этот счёт иллюзий. Поверь мне, заверил меня он, я, мол, отдал этому делу лет двадцать и знаю, что говорю.

Я решил, что он утрирует, возможно, по каким-то причинам личного порядка — всё-таки со студентами интересно, ты от них подпитываешься, и так далее. Мой опыт общения со студентами ничего отрицательного в себе не нес — иначе я бы просто от этих упражнений отказался. Однако подобная указанной выше точка зрения время от времени прорывалась на поверх-

ность. Например, моя давняя коллега по переводу, сама преподавательница со стажем, порой спрашивала меня: зачем ты учишь молодежь? Ты просто готовишь себе и всем нам конкурентов. Я возражал: буду я или кто-то ещё готовить смену или нет, это ничего не изменит: смена вырастет сама, если этого потребует рынок. А переводческие услуги сейчас востребованны, так что переводчики появятся всё равно, хотим мы этого или нет. Да и о какой конкуренции идёт речь? Работы всем хватает, экономическая ситуация работает на нас, постигай переводческую науку и трудись на благо Родины — и, естественно, на собственное.

Но вот и другой мой коллега, опытный синхронист, тоже много лет отдавший преподаванию, то ли в шутку, то ли всерьёз (конечно же, в шутку!) выдал афоризм: «учить надо плохо, иначе наплодишь конкурентов, которые тебя же и оставят без работы». Эту фразу я слышал не раз, и меня всегда от неё коробило, уж очень цинично она звучала. Зачем тогда вообще преподавать? Ведь ясно же, что не из-за денег — тогда зачем? Я сам безо всяких задних мыслей всегда считал, что дело это благое и доброе, что если можешь помочь человеку — помоги. Потом, что называется, окупится сторицей. пущенный тобою хлеб по воде к тебе же и приплывёт, как сказано в Библии.

При этом я хорошо помнил эпизод из своей молодости, когда я сильно увлёкся художественным переводом и стоякнулся с тем, что получить хорошую работу по переводу какого-нибудь романа очень трудно — якобы всем процессом заправляет некая мафия, состоящая преимущественно из пожилых дам. И вот они-то всё и переводят, а молодым дороги не дают. Помню, как я был счастлив, когда издательство «Молодая гвардия» заключило со мной договор на перевод романа одного современного английского писателя — ну, думал я, наконец-то справедливость восторжествовала! Своими переживаниями по этому поводу я поделился с другом студенческих лет — вот, мол, дамы в возрасте заняли все точки, к

работе пробиться невозможно. Комментарий друга я помню по сей день, он сказал примерно следующее: посмотрим, что ты запоёшь, когда доживёшь до шестидесяти. Точно так же не будешь пускать молодежь, как сейчас не пускают тебя. Я возмутился: да ты что, как такое возможно? Я никогда никому кислород перекрывать не буду, лишь бы человек умел работать. В принципе, я всю жизнь так и поступал, и если видел, что кто-то из моих студентов заслуживает поддержки чисто практической — потому что вполне прилично овладел профессией, — всегда эту поддержку оказывал, давал, что называется, путёвку в жизнь. За годы моей работы на факультете переводческого мастерства в МГЛУ выпускников, хорошо себя проявивших и ставших на тревожный, но такой интересный путь переводчика-фрилансера, было немало. Сейчас они обслуживают самые разные мероприятия, в том числе и весьма сложные и ответственные, и время от времени звонят мне и приглашают составить им пару, поделить с ними напополам переводческую будку. От таких приятных предложений я стараюсь не отказываться и всегда им радуюсь — вот она, благодарность за твои хлопоты!

Между тем способные молодые переводчики осваиваются на рынке, открывают собственные компании, работают сами и дают работу другим... правда, не всегда при этом действуют чистооплотно и иногда пренебрегают принципами, о которых я как раз и писал года три назад в статье «О переводческой этике». Она была напечатана в журнале «Мосты», совершенно не утратила актуальности, прочитать её можно либо там, либо на моем сайте www.zagot.ru. Основной смысл — не гонись за сиюминутной выгодой за счёт коллег, потому что в итоге можешь испортить с ними отношения, а твои основные работодатели — это именно они, коллеги. Но молодёжь, которая, конечно же, стремится застолбить место на рынке, что называется, рвёт подметки. Иногда действует с помощью элементарного демпинга, то есть занижает ставки, что-

бы получить работу, иногда просто отпихивает коллег в борьбе за место под солнцем. Повторяю, всё это происходит в обстановке, когда работы в целом достаточно для всех, и если ты умеешь работать, без работы не останешься.

Конкретный пример, как говорится, заставил меня взяться за перо. Повторю — никого называть по именам не буду, незачем, участники этой истории всё знают сами, а молодёжь пусть мотаает на ус.

Пару лет назад у меня были очень хорошие студенты — молодой человек и девушка, X и Y. Во время учёбы зарекомендовали себя самым достойным образом, оба решили попытаться счастья на переводческом рынке, я их в этом порыве поддерживал. Как только представилась возможность, предложил им поучаствовать в крупной международной конференции. Там они проявили себя неплохо, получили возможность познакомиться с более опытными коллегами, почувствовать уверенность в своих силах. Когда потом их имя стало всплывать на других переводческих фронтах, и от меня требовалась рекомендация, я характеризовал их положительно, хвалил и вполне искренне говорил — это достойная смена.

А потом... на то самое мероприятие, куда я их привёл, они поехали... вместо меня! Не только меня, разумеется, но и других наших коллег, людей весьма уважаемых, к которым они год назад отнеслись с понятным почтением. И вот — собрали свою команду и поехали. О чём они думали, соглашаясь на полученное предложение, не знаю — скорее всего, ни о чём. Может, считали, что об этом никто не узнает. Но полагать так очень наивно — ведь мир синхронного перевода тесен, и все, кому это было интересно, тут же об этом узнали. Реакцию коллег, которые вместе со мной обслуживали этого клиента не один год, можете себе представить — я получил практическое подтверждение тому, о чём уже неоднократно слышал за проведённые в профессии годы: ты, мол, сам себе роешь яму, молодёжь только и думает о том, как занять твоё место. Вот и заняла.

С молодой коллегой Y потом разговаривала на эту тему общая знакомая и спросила: как же ты могла пренебречь старшими коллегами? Последовал изумительный по своей детской непосредственности ответ: мол, мне предложили работу, я согласилась, а что тут такого? Вообще-то любому из нас в жизни много чего предлагают, но мы соглашаемся далеко не со всем, разве не так? Человек делает выбор. Я понимаю, что есть рынок, желание утвердиться, закрепиться и так далее, но неужели любой ценой? Думаю, коллега X прекрасно знал, что перехватывает работу у товарищей, причём, клиент был постоянный, — и всё-таки не отказался.

Разумеется, тут может возникнуть вопрос: а почему вообще эту работу предложили кому-то ещё? Наверное, работодатели были недовольны прежней командой переводчиков? Конечно, за несколько лет совместной работы какие-то шероховатости возникали — переводчиков привлекалось много, — но в общем и целом к исполнению переводчиками их профессиональных обязанностей претензий не было. Но в организации произошли перемены, ответственным за подбор переводчиков назначили нового человека, который решил собрать другую команду, и, в частности, на горизонте возникла фигура нашего друга X, на этом мероприятии однажды побывавшего... В итоге инцидент с работодателем был достаточно быстро исчерпан, и статус-кво на будущее восстановлен... Но в том-то и штука, что отношения с работодателями — это одно, а отношения между собой, в своей среде — совсем другое. К своим полагаются относиться лояльно, тем более, если это люди, которые тебя учили, или просто старшие коллеги, к которым ты относишься с обоснованным пиететом. Кстати, переводчица Y мне после всей этой истории так и не позвонила — не сочла нужным. А переводчика X я долго не мог найти — он не отвечал на мои звонки и электронные послания, а когда контакт всё-таки состоялся, пытался меня убедить, что согласился

на эту работу, не зная, о чём именно идёт речь... Скажу честно — он меня не убедил.

Я обсуждал эту историю со своими сегодняшними студентами на факультете переводческого мастерства — опять же, не называя имён. Надо сказать, что мнения разделились. Кто-то чувствовал некоторую неловкость, кто-то решительно сказал, что это «свинство и штрейкбрехерство», а кто-то настойчиво защищал молодых коллег — мол, что уж такого они сделали? Им предложили работу, и они согласились. Одна переводчица с относительным стажем привела пример: когда-то на заре карьеры её пригласили работать на мероприятие, куда её саму не так давно привела коллега — только, пожалуйста, приходите без коллеги. Коллега, мол, не произвела хорошего впечатления. И вот эта девушка, моя нынешняя студентка, не сочла для себя возможным брать эту работу за счёт коллеги — и отказалась. А ту, первую, работодатели все равно не пригласили и больше с ней не работали. То есть, в итоге работа пропала. Однако, представьте себе, этим своим поступком моя студентка до сих пор гордится. И, как мне кажется, не без оснований.

Один коллега, живущий за рубежом и тоже изредка «грешащий» преподаванием, отреагировал на эту историю двояко. С одной стороны, сказал он мне — это жизнь, молодёжь движется вперёд без оглядки, стремится занять место в профессии и не очень задумывается о последствиях каких-то своих конкретных действий. Думать о последствиях ей некогда — надо работать. Борьба за работу идёт в рамках жёсткой конкуренции и далеко не всегда с соблюдением этических правил — часто и по воле случая. И подобные истории, когда работа, которую ты считал своей, оказывается у другого, случаются нередко, и относиться к этому надо, как к мышиной возне — быть выше этого. Но — при этом молодёжи, которая пришла к тебе на учёбу, надо обязательно говорить о том, что такое профессиональная этика и как надо относиться к коллегам, даже если курс обучения занима-

ет всего две недели. Этические понятия далеко не всегда впитываются с молоком матери, и о том, как не надо вести себя в профессии, молодёжи надо рассказывать. Что я и делаю. Ведь твоя репутация — это не только твой профессиональный уровень, хороший костюм и галстук, но и то, как ты ведёшь себя с коллегами. Твоя работа в очень большой степени зависит от них.

А что касается «рытья ямы», я с этим всё равно не согласен. Если берёшься кого-то учить, делать это надо как следует, добросовестно и с отдачей. А иначе и братья незачем. Лично мне хочется, чтобы к профессии переводчика и к её представителям относились с уважением. Я также не согласен с идеей одной русской поговорки, которая, впрочем, всплывает в жизни нередко: «ни одно доброе дело не останется безнаказанным». В английском языке схожая мысль выражена несколько иначе, но суть не меняется: *The road to hell is paved with good intentions*, то бишь, «дорога в ад вымощена благими намерениями». Да, добрые дела порой играют с тобой злую шутку, но это вовсе не значит, что от них надо отказываться. Жить по-волчьи как-то не хочется. Всем своим студентам, включая X и Y, я желаю всяческих успехов в профессии, много хорошей работы и хороших заработков, интересных путешествий и ярких впечатлений — но только так, чтобы всё это не происходило за счёт коллег. Плавайте, уважаемые новонпечённые коллеги, по бурным волнам перевода, только не забывайте о подводных камнях профессиональной этики — и не врежьте друг в друга.

P.S. Не так давно я узнал, что наш герой X открыл переводческую компанию — вот вам и объяснение, вот вам и рыночная экономика! Всем удачи и доброго здоровья.

Искренне Ваш

Михаил Загот.

Правила перевода и переводческая деятельность

Е. В. Бреус

Заглавие статьи можно переформулировать в виде следующего вопроса: «Нужно ли переводчику знать правила перевода?» Ответ, по-видимому, очевиден. Конечно нужно. В любом виде человеческой деятельности есть правила, которые следует соблюдать. Достаточно представить себе, что произойдет, если даже на короткое время перестанут действовать правила дорожного движения.

Тем не менее, в переводе ситуация с правилами обстоит не столь однозначно. Для того чтобы в этом убедиться, совершим краткий исторический экскурс. В поисках наиболее подходящего решения возникающих трудностей переводчики отдают предпочтение тому или иному варианту перевода. Начиная с древности и вплоть до возникновения современной теории перевода, такие предпочтения различными авторами излагались в виде требований, которым должен отвечать хороший перевод. Так, Дуарте, король Португалии (1391–1438) писал в своей книге «Верный советник», что переводчик должен соблюдать следующие пять принципов перевода: 1) понимать смысл оригинала и передавать его целиком без искажений; 2) употреблять идиоматические обороты языка перевода, а не заимствовать их в языке оригинала; 3) выбирать в языке перевода такие слова, которые точ-

но передают смысл; 4) избегать оскорбительных слов; 5) соблюдать правила, общие для всех авторов, — писать ясно, доступно, интересно, не забывая о здравом смысле (З, с. 209).

Столетиями переводческие правила состояли из подобных предписаний. Упомянутые в них требования выводились из переводческой практики и сами по себе были неоспоримы. Но они затрагивали лишь частные или поверхностные аспекты перевода и нередко носили взаимоисключающий характер. Для объяснения фактов реального процесса перевода была необходима научная теория. И такая теория начала складываться в 50-х годах двадцатого столетия, когда переводом вплотную заинтересовались лингвисты.

Теперь перевод рассматривался не только как результат индивидуального творчества переводчика, но и как вид межкультурного и речевого общения. Научные исследования были направлены не на формулирование правил, которым должен следовать переводчик, а на изучение соотношения между языковыми и речевыми единицами в исходном и переводящем текстах. При таком понимании характер правил перевода менялся с предписывающего (прескриптивного) на описательный (дескриптивный).

Отмеченное различие было воспринято не сразу. Со стороны некоторых переводчиков первые попытки научного осмысления перевода подверглись резкой критике. Суть их возражений сводилась к тому, что перевод — это творчество, и любые попытки подвергнуть его научному членению и анализу вредны и обречены на неудачу. Однако в ходе последующей дискуссии было показано, что подобные возражения основаны на недоразумении. Создание музыкальных произведений, литературная деятельность — это тоже виды творчества, но никто не сомневается в праве на существование таких наук, как музыковедение и теория литературы. Понятие «искусства перевода» относится к умению создавать текст перевода, а не к изучению сущности этого процесса. Как и любые другие виды мыслительной деятельности, перевод с трудом поддается научному анализу, но это ни в коей степени не ставит под сомнение принципиальную возможность и необходимость его изучения (2, с. 108–112).

Таким образом, с появлением теории перевода представление о правилах для переводчиков подверглось пересмотру. Признавалось, что указание на то, как надо переводить, остаётся смыслом их существования. Но любые рекомендации относительно выбора правильных вариантов перевода, должны быть основаны на тщательном изучении и научном обобщении фактического материала. Иначе говоря, свод правил ограничивался рамками типовых переводческих ситуаций.

Это требование, однако, порождает ряд проблем. Главная из них состоит в том, что применение подобных рекомендаций, наряду с внесением упорядоченности, имеет тенденцию к излишнему упрощению объекта исследования. Сведение процесса перевода к его наиболее общим признакам может оставить вне поля зрения его частные, но, вместе с тем, наиболее существенные стороны.

В 80-х годах прошлого века одним из первых исследователей, обративших внимание на эту проблему, был немецкий учёный Вольфрам Вильс. Теория перевода, занимаясь общими законами, по его мнению, не должна упускать из виду конечной цели переводческой деятельности, а именно создания конкретного текста. Поэтому традиционные эмпирические и моделирующие методы переводческих исследований должны быть дополнены изучением прикладных аспектов переводоведения, раскрывающих специфику действий переводчика в процессе перевода. Такая нормативная теория, ориентированная на личность переводчика, может опираться на данные когнитивной психологии, показывающие, каким образом человек приобретает знания и применяет их в различных видах практической деятельности.

В цепочке этих рассуждений есть один пробел. Процесс перевода происходит в мозгу переводчика — он принципиально не наблюдаем, о нём можно судить лишь косвенным образом, изучая его результаты. Как следствие, наши представления о том, как переводчик реально осуществляет перевод, какие правила и как он применяет, неизбежно будут носить гипотетический характер.

Задача восполнения отмеченного пробела частично решается в ходе экспериментальных исследований на базе данных психоллингвистики. Начало этой работы было положено немецким учёным Хансом Крингом, применившим известный в психологии экспериментальный метод «думая вслух» (*thinking aloud*). Участникам эксперимента предлагалось переводить тексты, проговаривая при этом вслух все свои размышления. Высказывания испытуемых записывались на плёнку, а затем подробно анализировались. В результате такого исследования были получены весьма ценные фактические данные, позволившие убедиться в достоверности положений нормативной теории и расширяющие понимание сущности процесса перевода.

Итак, нормативная теория рассматривает переводческие правила в более широком контексте. Для неё важны не общие законы, а создание конкретного текста перевода, поэтому акцент делается не на самом правиле, а на речевых действиях, связанных с его применением. Как следствие, процесс перевода описывается в операционных терминах, в частности таких, как поведение переводчика, переводческая проблема, решение проблемы, переводческая ошибка, оценка качества перевода, стратегия и технология переводческой деятельности. В качестве примера, остановимся на действии, которое, по нашему мнению, имеет наиболее важное значение, а именно — выявлении и решении переводческой проблемы.

Известно, что уже на первых этапах овладения иностранным языком учащийся в состоянии переводить с изучаемого языка на родной, хотя целенаправленно переводу его никто не учил. Способность к такого рода спонтанной, не основанной на сознательном анализе передаче содержания исходного текста, объясняется наличием регулярных переводческих соответствий. Языковые единицы обладают относительно устойчивым значением, чем и предопределяется их возможность регулярно заменять друг друга при переводе.

Такого рода пословный перевод применим, однако, далеко не всегда. Текст оригинала вызывает затруднения, которые могут быть решены только при переключении в режим сознательной аналитической работы. В случае невозможности применять пословный перевод и возникновении трудностей, связанных с поиском эквивалента, можно говорить о том, что переводчик столкнулся с переводческой проблемой.

Для начинающего переводчика важность усвоения процедуры поиска и решения переводческих проблем трудно переоценить. Речь идёт о том, чтобы научиться воспринимать текст не как последовательность слов, а как матрицу взаимосвязанных

переводческих задач. Приобретение такого навыка является главной целью начального этапа обучения переводу. Без него о каких-либо дальнейших шагах в становлении профессиональной компетенции переводчика говорить не приходится.

В этой связи нельзя не согласиться с утверждением В. Вильса о том, что начальный этап обучения должен заключаться не в интуитивном переводе учебных текстов, а в объяснении природы переводческих проблем и усвоении процедур и приёмов их решения. Преподавание на этом этапе является дифференцированным и проблемно-ориентированным. Упор делается не на уникальность процесса перевода, а на повторяемость его основных аспектов в других языковых контекстах.

По нашему мнению, в рамках курса письменного перевода это, в частности, означает необходимость организации учебного процесса таким образом, чтобы первые несколько занятий были полностью посвящены изучению базового понятия перевода — эквивалентности и преобразований, характерных для разных видов и уровней эквивалентности. Для закрепления теоретических знаний проводится работа с упражнениями. И только после этого можно переходить к переводу текстов. Теперь в каждом тексте в рамках отдельного высказывания есть возможность выделить переводческие трудности и продемонстрировать способы их преодоления.

Помимо знания того, что представляют собой переводческие проблемы и умения выявлять их в тексте оригинала, компетенция переводчика включает знакомство с процессом принятия решения. На это действие, среди прочего, оказывают влияние три обстоятельства: природа решаемой проблемы, метод поиска информации и зависимость последующих решений от предыдущих.

Природа переводческой проблемы зависит от целого ряда языковых и внеязыковых факторов. Среди них можно назвать

межъязыковые различия в системе и структуре лексических и грамматических значений, способах описания предметной ситуации, в организации и языковом выражении тема-ремной структуры высказывания. Сюда же следует добавить широкий спектр текстологических, стилистических и культурологических особенностей оригинала и перевода.

Определение характера проблемы во многом сужает поиск способов её решения, поскольку между ними существует очевидная связь. Так, для формального уровня денотативной эквивалентности характерно использование метода субституции языковых знаков, для компонентного уровня — метода грамматических замен, а для ситуативного — широкого круга лексико-грамматических преобразований (1, с.31–76).

В целом, основной чертой стратегии перевода является постепенное преодоление буквализмов, в связи с более глубоким проникновением в межъязыковые различия, особенности построения текста, специфику стиля и культуры. Здесь находит своё проявление известный метод «проб и ошибок». Переводчик отталкивается от проблемы, выбирает один из возможных путей её решения, а затем снова возвращается к ней, чтобы проверить свою находку. Не столь существенно, если выясняется, что найденный вариант не подходит. Теперь переводчик знает, что в условиях имеющегося контекста это решение неприемлемо. Он пробует другое и, в случае успеха, включает его в состав своей операционной памяти, чтобы воспользоваться им в будущем (4, с. 90).

Говоря о принятии решений, необходимо, наконец, отметить, что порядок их следования не является произвольным. Он подчиняется определённой закономерности, суть которой состоит в том, что, переводческие трудности, согласно классификации Вильса, подразделяются на макроконтекстуальные и микроконтекстуальные. Макроконтекстуальные проблемы связаны с текстом и высказыванием как

основной единицей текста, тогда как микроконтекстуальные ограничены пределами компонентов высказывания.

Иными словами, между переводческими проблемами складываются определённые иерархические отношения, которые, в свою очередь, диктуют порядок их рассмотрения. Сначала выявляются макроконтекстуальные проблемы, и по ним принимаются соответствующие решения, затем той же процедуре подвергаются проблемы микроконтекстуальные.

Перевод высказывания как единицы текста начинается с проблем характерных для высказывания в целом. Так, в английском переводе прежде всего следует установить, какой будет отправная точка при описании предметной ситуации в эквивалентной русской фразе или, другими словами, какой предмет или признак будет выбран в качестве субъекта. Субъект может быть тем же, что и в оригинале, или потребуются определённые преобразования. Мотивом их может быть, в частности, использование персонифицированных деем, в которых подлежащее является скрытым обстоятельством (например: *Fog stopped all traffic* — Из-за густого тумана остановилось всё дорожное движение) или специфические черты стиля речи в исходном и переводящем языках (например: *Iron and steel industry is expanding from West to East* — Развитие металлургической промышленности идёт с Запада на Восток).

На уровне высказывания решаются вопросы, связанные с положением ремы. В английской фразе рема может находиться где угодно, даже в середине темы, тогда как в русском языке она располагается после темы, обычно в конце высказывания:

Defoe in his Memories of a Cavalier hangs the chronicle and discussion of great military and political events on the thread of his personal experiences.

В «Записках кавалера» Дефо рассказ о личной жизни автора служит той нитью, на которую нанизываются факты истории и рассуждения по поводу важных военных и исторических событий.

Подготовка переводчика

К разряду макроконтекстуальных проблем относятся переводческие трудности, связанные с другими аспектами тема-ремной структуры высказывания, а также логической и временной последовательностью отдельных высказываний в более крупных отрезках текста.

При такой последовательности действий вначале формируется приблизительный, рабочий вариант русской фразы, точнее её предикативное ядро и тема-рема-тическая структура, а затем решаются микроконтекстуальные проблемы (1, с. 52–92). На стадии доработки окончательного варианта перевода высказывания происходит увязка всего комплекса макро- и микроконтекстуальных проблем и способов их решения как друг с другом, так и с коммуникативной установкой текста в целом. Переводчик начинает шлифовать, изменять и корректировать перевод.

Следующей вехой в хронологии изменения взглядов на сущность правил перевода, является период с 90-х годов до наших дней. В это время всё более широкое распространение получают идеи о зависимости решений переводчика от таких внешних факторов, как социальные связи, культурная среда, условия работы в офисе, профессиональная этика, отношение переводчика с заказчиком, программы для переводчика в Интернете, и многого другого (3, с. 158–196).

Суммируя сказанное выше, можно сказать, что в современном представлении правила перевода, как и на ранних этапах истории переводческой деятельности, ассоциируются с определёнными рекомендациями, которым переводчик следует в своей работе. Иными словами, на вопрос: «Нужно ли переводчику знать правила перевода?» — может быть дан утвердительный ответ.

Вместе с тем за последние сто лет само понятие правил перевода претерпело существенные изменения. Теперь это не просто набор принципов, отражающих кредо от-

дельных переводчиков, а результаты научного обобщения широкого круга языковых и культурологических фактов. С позиций нормативной теории, трактующей перевод как последовательность речевых действий, правила описываются в таких операционных терминах, как выявление переводческой проблемы, её решение, стратегия перевода, техника перевода, и др.

Представление перевода в виде совокупности действий открывает возможность включения правил в общую картину профессиональной деятельности переводчика, а также в экономический, политический и культурный контекст, на фоне которого происходит такая деятельность. Выполнение правил встаёт в один ряд со многими другими действиями переводчика в реальной жизни.

Получить более полное представление о роли правил перевода в переводческой практике позволяет ещё одно положение нормативной теории, а именно — понятие интуиции. Общеизвестно, что знания могут приобретаться и использоваться человеком либо аналитическим путём, на основе объективного анализа фактов и ситуаций, либо интуитивно, путём спонтанного решения проблем, не опирающегося на логические рассуждения. Переводчик также использует разные типы мыслительных операций — рефлексивные, основанные на объективном анализе доступной информации, и импульсивные, интуитивные, являющиеся результатом субъективных решений.

На первом этапе обучения переводу из этих двух видов мыслительной деятельности особое значение принадлежит аналитической работе, в основе которой лежит сознательный анализ. Задача состоит в том, чтобы помочь учащемуся ознакомиться с процедурой выявления переводческих проблем и способами их решения, затем в ходе практических занятий усвоить их, превратить умение в навык, довести навык до такой степени автоматизма, при которой

появляется возможность переводить с профессиональной скоростью. Опытные переводчики в большинстве случаев не пользуются сознательно правилами, которым обучают в учебных заведениях, поскольку эти правила становятся для них по сути второй натурой.

Но и в деятельности профессионального переводчика аналитическая работа играет значительную роль. Быстрый, основанный на интуиции перевод возможен, когда текст оригинала не представляет затруднений. Он нежелателен, когда знания и умения переводчика недостаточны для данного задания. В этих случаях переводчику следует переключиться в режим сознательного анализа, сравнивая и сопоставляя, обращаясь к различным источникам и формулируя правила для своих действий на

случай повторения аналогичной ситуации в будущем. Перевод – это умственный труд, требующий постоянного профессионального роста, учёбы и самосовершенствования (3, с. 210–216).

Литература

1. Е.В. Бреус. Курс перевода с английского языка на русский. М.: «РВалент», 2007.
2. В.Н. Комиссаров. Современное переводоведение. М.: «ЭТС», 2001.
3. Д. Робинсон. Как стать переводчиком. М.: КУДИЦ-ОБРАЗ, 2005.
4. А.Д. Швейцер. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: «Наука», 1988.
5. Krings H.P. Was in der Köpfen von Übersetzern vorgeht. – Tübingen, 1986.
6. Wills, Wolfram (1996). Knowledge and Skills in Translator Behavior. Amsterdam and Philadelphia, PA: John Benjamins.

Psyching the Teacher or The Psyche of Students of Simultaneous Interpretation

Lynn Visson (USA)

While teachers of simultaneous interpretation are aware of many pedagogic methods and devices used to train students, and can be quite ingenious in devising exercises to help their students master the intricacies of this demanding and difficult profession, there is one area that seems to have been passed over by teachers and students alike. This is the sensitive issue of dealing with the student psyche, of providing both encouragement and constructive criticism, of coping with the roller-coaster moods and feelings, the highs and lows experienced by most students of simultaneous interpretation.

We are all aware that teaching simultaneous interpretation is quite different from teaching elementary biology or trigonometry or second-year French, or an introduction to woodworking. All these fields possess a specific body of knowledge, a minimum corpus of information and materials to be mastered if the student is to acquire basic competence in the given field. There is a specific order for most of this material. Second-year French presumes knowledge of the material covered in the first year course, and trigonometry assumes that the students have taken the required math courses. The teacher

has a choice of available, recognized textbooks and laboratory materials, and can easily assign homework and give tests to which there are “right” or “wrong” answers. He can assign “remedial” homework, direct the student to a library or a tutor, and if necessary give a “make-up” test. Grades are a direct result of the student’s mastery of this body of material.

In comparison to the above subjects, simultaneous interpretation is a wild and woolly field. The subject is slippery, the curriculum flexible, criteria for grading are far from uniform, and textbooks may be few and far between and far from comprehensive. The standards for admitting students to a specialized institute – or even a course – differ greatly. What does the student “know” at the end of his courses in simultaneous interpretation that he did not know when he started his studies? How is this knowledge quantified and assessed? What is its relevance to his future career? These are all questions to which the teacher of simultaneous interpretation must give serious thought.

The fluidity of the subject matter also impacts on student-teacher relationships. First of all, who are these teachers? By definition, teachers of simultaneous interpretation are themselves interpreters. I have never met an instructor who has not worked as an interpreter; one would not expect a person without a medical degree to be teaching medical school classes. What do interpreters work with? Languages. Does this mean that the interpreter has a “perfect” knowledge of the language(s) from and into which he works? The beginning student may well make that assumption, and be in for some surprises. For example, at the United Nations, where interpretation into English, French, Spanish and Russian is provided solely by native speakers of these languages, new colleagues are sometimes startled to discover that some of the most brilliant interpreters *from* various languages are barely intelligible when speaking in these tongues. It was a shock for students in the UN training program to discover that many of their teachers were far from fluent in the languages

from which they interpreted. Some brilliant British senior interpreters from Russian might have had trouble ordering lunch in Moscow, and highly qualified interpreters from French might have had trouble discussing the French elections in the language of Voltaire. One thing was made clear from the start: the student had to have confidence in the interpreting and pedagogic abilities of the interpreter-teacher, not in his language “knowledge.” For a student with a virtually native command of a working language, this requires an initial act of faith. How can he believe that this person who “knows” a language “imperfectly” will be able to teach him how to interpret from it? Lesson Number One: we are talking here about passive comprehension, not about the active use of a language. It is in regard to the active, target language that the interpreter-teacher must have native or near-native fluency. The student will have to accept this as a given.

The next shock for the student may come from the gap between his “active” knowledge of the language and his ability to interpret from – or into – that language. An excellent grasp of grammar and a large vocabulary are not, as we are all well aware, guarantees that a student will become an outstanding interpreter. The student must be taught to mentally divorce his “knowledge” of the language from his knowledge of the techniques – or rather, the art – of simultaneous interpretation. The A student (or, if we are talking about Russia, the gold medal, all “5”s student) who won every possible prize in his foreign language courses must buckle down to the realities of “Simultaneous Interpretation I.”

What does this imply for the teacher? As in no other subject, in dealing with individuals studying simultaneous interpretation the teacher is always acutely aware that he is dealing not only with a “student,” but also with a human being, perhaps a linguistically gifted and talented one, but a person with his own vulnerabilities, weak points and fragility. Moreover, “cosmopolitans” with a native or near-native knowledge of several languages may

have been bounced around the world a couple of time, or be the children or spouses of people who have had to leave their native countries. The student's attitude to the language and culture of a country can play a major role in his attitude to interpretation to and from that language, and the instructor must keep this in mind.

Teaching interpretation is perhaps closest to teaching voice and singing. While dealing with exquisitely complicated techniques, a piano or violin teacher is for all that dealing with the relationship between a human and an object, a musical instrument. Teaching voice or interpretation means critiquing the vocal/oral result produced by the body and psyche of the individual student. In the sense that the basic scores and librettos texts are immutable, even teaching opera is slightly easier than teaching interpretation. A student of voice cannot decide to sing "Onegin, ia liubliu Ol'gu" instead of "Ia liubliu Tatyanu" or opt to add three flats to the key in which an aria is sung, while the interpretation student can – and is often encouraged to – find lexical and stylistic variants for his finished product.

Yet in both cases, the individual himself is being critiqued (or, we hope, at least on occasion, complemented). This requires of the teacher a sensitivity that is not demanded by second-year French or trigonometry. For those courses an answer is most often right or wrong, and it is the knowledge of the subject matter which is being evaluated, not the individual himself. In critiquing simultaneous interpretation, the teacher is essentially judging the student's thought process and his "persona" as he wrestles with the rendering of a text, and is assessing his linguistic comprehension, ability to express himself, and voice quality as he delivers the product. It is not the subject matter, but the student himself who is "on trial" here.

The teacher of simultaneous interpretation thus bears an enormous responsibility. He must see to it that from Day 1 the students do not develop bad speech habits. He must stop them from using filler words and particles and interjections, such as "uh" or "and uh," habits

they may have when speaking their native language, and that may be deeply rooted. The teacher must work on intonation, projection and delivery, getting students to sit up straight in the booth and work on their breathing and projection; for some, who may have thought of interpretation as a kind of advanced language class, this also comes as something of a surprise. Obviously, the teacher will work on developing short-term memory, condensing when necessary, doing verbal editing, keeping up with horrendously fast speeches, flipping the syntax of sentences around, finding the proper register and stylistic level, using a rich and broad vocabulary and working on time-saving techniques, all the while constructing logical, finished and grammatical sentences. If the student is interpreting into a non-native language, he must also concentrate on producing correct grammatical constructions. A tall order!

The student of simultaneous interpretation is thus working under a terrific set of pressures. While learning the "rules of the game," he must juggle all the above factors; lexical, grammatical, stylistic. Given the huge number of variables that must simultaneously be born in mind in order to produce a proper interpretation, there is therefore nearly always room for criticism; a "perfect" interpretation – particularly in a classroom setting – is indeed a rarity. Nor can we – or must we – forget all the factors that influence correct interpretation, particularly in relatively young students: the number of hours of sleep after an evening of doing homework (or carousing with friends); diet and drinks (including caffeinated and alcoholic beverages); time spent on travel and in traffic jams going to and from school; nervous tension caused by performance and keeping up with homework, and personal factors such as family worries or an unrequited love affair. Like it or not, the colds and sore throats that students easily pass back and forth, as well as the growing pains and raging hormones that come with adolescence, all impact on student performance and on the perception of that performance.

Since it is the person himself who is being critiqued, the instructor needs to develop an acute sensitivity to the student's strong and weak points and give serious thought to how to deal with them. Like Tolstoy's unhappy families, no two students of interpretation are totally alike. Every student needs a mix of positive reinforcement and constructive criticism. In a "woolly" field such as simultaneous interpretation, the same student who performs brilliantly on Monday after a good night's sleep may do an atrocious job of interpreting on Tuesday, after worrying about the cost of his tuition and a fight with his girlfriend. While the teacher can by no means "excuse" the performance of a student because of various personal factors, awareness of such factors can be useful in helping the student cope.

Unfortunately, there are (and this is a worldwide phenomenon) a few teachers who seem to have embarked on an endless and one-way ego trip, using the classroom as their stage. Ripping into a student's performance and demolishing his fragile self-confidence may provide the instructor with a few malicious minutes of self-satisfaction, but this is a devastating experience that can inflict lasting damage on the student. Teachers should constantly be alert to their own internal feelings and reactions, focusing on providing objective and supportive comments and observations.

From the very beginning of the course, the teacher should analyze and clarify to each student the nature of his or her strong and weak points. This is best accomplished by having students *constantly and continuously* record themselves. A student who copes fairly easily with speed but produces simplistic sentences should be encouraged to spend time reading and enriching his vocabulary, while one who constantly inserts fillers should be encouraged to keep recording himself until he produces a tape devoid of extraneous words. Anecdotes about mistakes the teacher himself has made while interpreting are also useful in demonstrating that no one is perfect!

Over the years, in all the classes I have taught, at the United Nations, Columbia

University, the Marshall Center in Germany and at various institutions in Moscow, I have always found that even a small compliment goes a long way. In almost every interpretation, it is almost always possible to find at least one good point or redeeming feature. Even extensive criticism will go over more easily if there is an indication that at least *something* is positive. If the delivery was terrible, perhaps the choice of words was good; perhaps there were grammar errors, but the student kept up well with speed. The student should be made aware of his weak points and of what he can do to correct them: extensive reading to expand vocabulary, practicing interpreting news off the TV to learn to cope with speed, recording oneself and listening to good public speakers to improve delivery. Regardless of the extent of the criticism given after the initial compliment(s), the class session should end on a positive note. Tomorrow is another day, another opportunity for good interpretation. Students also often tend to go through extremes in their feelings about their own work. Crests of great self-confidence may alternate with tidal waves of deep depression and a negative attitude of "I'll never be able to do this." Trying to keep the students on an even keel – and emphasizing that given the vast amount of material and techniques that need to be mastered, these kinds of swings are perfectly normal – is helpful.

A word of warning. Despite an intense desire to become simultaneous interpreters, and despite hours and hours of hard work and study, some students simply do not have the talent or the skills to become successful professionals. This is similar to the dilemma faced by a would-be singer who cannot stay on pitch and is constantly singing flat. The kindest thing the instructor can do – obviously, in consultation with the student's other teachers – is to tactfully but firmly let the student know the bitter truth at an early stage. There is no point in student and teacher wasting time and effort (and in the case of the student, probably money) on this endeavor. A hopeless interpreter may turn out to be an excellent translator, or perhaps a language teacher, and there are other options

available to those interested in foreign languages.

One more point on the care of the student psyche. It should not be forgotten that a student of simultaneous interpretation is likely spending hours daily cooped up in a classroom, booth or language laboratory, and then goes home to sit with a tape recorder and with his notes, locked inside the four walls of his room. This can be extremely damaging to student health, and it is vital to emphasize the damage that overwork and over studying can do to both the psyche and the body. For any and all students, some kind of physical activity is essential. This can range from playing tennis for the athletically inclined, or doing exercises at home or in a gym, or simply going for a brisk walk to do what the French call "se changer les idées" – literally, to "give oneself a change of ideas." The positive gain and feedback from these activities is far greater than any advantage derived from an extra half hour of playing with the tape

recorder or studying glossaries. The student also needs to leave time to "keep up" with his languages, and that means reading books and articles, keeping up with current events, using Internet sources and, it would be hoped, listening to and watching radio and TV programs in the given languages. Let alone time with friends or time just "goofing off." There are only 24 hours in a day, something students often forget or try to overlook.

Most importantly, the student should not dread going to class, feeling that he is about to be torn apart and have his self-confidence reduced to shreds. Rather, he should know that he can always rely on the instructor to provide objective feedback, encouragement and criticism. A greater sensitivity on the part of instructors of interpretation – wherever they may be teaching – to these needs of the students, to their strong and weak points and to the ups and downs of the learning process will serve to benefit teachers and students alike.

Не так сложен перевод, как межкультурная коммуникация

На американско-китайских переговорах кока-кола победила чай, а г-жа У И сама себя пропустила вперед

В декабре высокопоставленная делегация США во главе с министром торговли Генри Полсоном (Henry Paulson) посетила Китай для участия в «Третьем китайско-американском диалоге по экономической стратегии». В общении с прессой американские представители всячески стремились подчеркнуть, что стороны стали намного лучше понимать друг друга не только по существу обсуждавшихся вопросов, но и в культурном отношении.

Чтобы показать, насколько менее официальной стала обстановка форума по сравнению со вторым экономическим диалогом, состоявшимся год назад, Генри Полсон привёл журналистам следующий пример: «Теперь я уже не обязан сидеть за чашкой чая, а могу вести обсуждения с бутылкой диетической кока-колы».

Похвалив главу китайской делегации, вице-преьера У И (Wu Yi) за умелое ведение ею перегово-

ров, г-н Полсон попытался ещё раз продемонстрировать, как далеко вперёд ушли отношения двух стран. Он нагнулся к своей миниатюрной визави, словно желая обнять её, но на полпути вдруг сдержался, вероятно, решив, что столь сердечный жест – это уж слишком.

Между тем У И провела переговоры в жёсткой манере. Открывая первое заседание, она спросила: «Кому выступать первым?». Не услышав внятных предложений, г-жа вице-премьер заявила по-английски: «Ladies first», — и взяла дело в свои руки.

Несмотря ни на что, межкультурные недоразумения остаются серьёзной проблемой для обеих сторон. Один из заместителей министров китайского правительства был весьма откровенен с репортёрами: «Мне кажется, каждая из сторон не очень хорошо понимает другую. Можно понять слова, которые слышишь из уст собеседников, но при этом трудно вычислить, какой смысл за ними стоит».

По материалам газеты South China Morning Post от 14 декабря 2007 г.

Об авторах

Бреус Евгений Васильевич – синхронный переводчик, преподаватель перевода. Кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода факультета иностранных языков Университета Российской Академии образования. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Автор многочисленных публикаций по теории и практике перевода.

Бузаджи Дмитрий Михайлович – письменный и устный переводчик, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГЛУ. Автор ряда статей по переводческой тематике. Шеф-редактор часового журнала «Революшн».

Виссон Линн (США) – синхронный переводчик с русского и французского на английский в ООН. Училась и получила докторскую степень в Гарварде, а затем была профессором русского языка и литературы в Колумбийском и др. университетах США. Давний участник научных и культурных обменов между Россией и Америкой, автор ряда книг и статей, посвящённых сравнительному изучению культуры двух стран.

Загот Михаил Александрович – профессиональный переводчик, доцент МГЛУ, член Союза писателей России, Союза переводчиков России. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза.

Звонков Вадим Леонидович – письменный и устный переводчик. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Работал на строительстве металлургических объектов в Нигерии и Индии. Преподавал теорию и практику перевода, а также страноведение США на факультете иностранных языков Челябинского государственного педагогического университета.

Иманиязова Нургуль (Казахстан) – юридический переводчик. Бакалавр английского права. Окончила Актюбинский педагогический институт им. А. Жубанова (специальность: немецкий и английский языки) и Лондонский университет.

Климзо Борис Николаевич – инженер-энергетик и лингвист, многие годы посвятил изучению английского языка научно-технической литературы. Автор многих статей, а также автор-составитель большого фразеологического словаря («Русско-английский словарь общеупотребительных слов и словосочетаний научно-технической литературы», тома 1 и 2).

Ланчиков Виктор Константинович – переводчик художественной литературы, кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Автор ряда переводческих работ.

Литвинов Юрий Васильевич – практикующий юрист, кандидат филологических наук, переводчик по английскому и французскому языкам. Окончил переводческий факультет Горьковского государственного педагогического института иностранных языков (ГГПИИЯ) им. Н.А. Добролюбова. Закончил юрфак МГУ.

Лукинская Ольга Николаевна – врач-стоматолог, письменный переводчик. В настоящее время – специалист по клиническим исследованиям (компания Worldwide Clinical Trials). Окончила Московский государственный медико-стоматологический университет и Московский экономико-лингвистический институт.

Масловский Евгений Константинович – кандидат технических наук, переводчик и редактор научно-технической литературы, ст. преподаватель факультета иностранных языков МГУ по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Автор, редактор и соавтор ряда тематических и научно-технических книг и словарей. Член правления Союза переводчиков России, руководитель секции научно-технического перевода и специальных словарей.

Морозов Дмитрий Александрович – переводчик Российской государственной радиовещательной компании «Голос России» с 1976 г. Окончил филологический факультет ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор около двадцати работ по арабской филологии и источниковедению.

Юшина Елена Владимировна – переводчик-синхронист, доцент кафедры теории и практики перевода МГЛУ, преподаватель синхронного, устного последовательного перевода, курса специального экономического перевода, автор учебных пособий в области международной финансово-экономической деятельности. Окончила МГПИИЯ им. М. Тореза, Высшие курсы переводчиков-синхронистов МГПИИЯ им. М. Тореза и магистратуру МИПК МГЛУ.

Bridging the Communication Gap

2(18)/2008

Bridges

Translators and Interpreters' Journal

Lynn Visson

Psyching the Teacher or the Psyche of Students of
Simultaneous Interpretation

Dmitry Bouzadji

Structures and Links.
More Comments on the Role of Syntax in Translation

Viktor Lanchikov

Unmistakable Mistakes: Coping with Mistakes
in the Original

Vadim Zvonkov

The Puck Stops Here

Yuri Litvinov

On foreign borrowings in Russian

as well as
theory, practice and useful information for translators, teachers
and students from top professionals

